



Елена
Сотникова

В ТВОЕМ
ПЛЕНУ

Annotation

Когда-то своим отказом я оскорбила богатого незнакомца, не предполагая к каким последствиям это может привести. Если бы я только знала, что через несколько лет моя жизнь и судьба моих родных окажется в его руках! И ведь он меня не забыл...

Какую цену мне придется заплатить ему, чем потребует пожертвовать, сочтя это достойной платой за его милость?

В тексте есть: очень откровенно, авторские расы, от ненависти до любви

-
- [В твоём плену](#)
 - [1. Тамин](#)
 - [2. Армила](#)
 - [3. Армила](#)
 - [4. Тамин](#)
 - [5. Армила](#)
 - [6. Тамин](#)
 - [7. Армила](#)
 - [8. Тамин](#)
 - [9. Армила](#)
 - [10. Тамин](#)
 - [11. Тамин](#)
 - [12. Армила](#)
 - [13. Армила](#)
 - [14. Тамин](#)
 - [15. Армила](#)
 - [16. Тамин](#)
 - [17. Армила](#)
 - [18. Тамин](#)
 - [19. Армила](#)
 - [20. Армила](#)

- [21. Тамин](#)
 - [22. Армила](#)
 - [23. Тамин](#)
 - [24. Тамин](#)
 - [25. Тамин](#)
 - [26. Армила](#)
 - [27. Армила](#)
 - [28. Тамин](#)
 - [29. Армила](#)
 - [30. Тамин](#)
 - [31. Тамин](#)
 - [32. Армила](#)
 - [33. Тамин](#)
 - [34. Армила](#)
 - [35. Тамин](#)
 - [36. Армила](#)
 - [37. Тамин](#)
 - [38. Армила](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

В твоём плену
Елена Сотникова

1. Тамин

Я до сих пор проклинаяю тот день, возвращаясь мыслями назад, в маленький городок где впервые увидел ее. Увидел и замер, не поверил, что она настоящая, что такие женщины на свете существуют.

Девочка-мечта.

Одетая в легкое, летнее платье, белое с голубыми цветочками, длиной до колена, светлый волос убран в тугий вьющийся по спине хвост, открывая взору хрупкие девичьи плечи с молочной, нежной кожей.

Небольшая аккуратная грудь вырисовывается под тканью платья, приковывая взгляд, вызывая желание прикоснуться, ощутить тепло ладонью, пусть и через материю.

И даром, что покрой платья очень скромный, мысли все равно лезли самые грязные, и в то же время сладкие, такие, что член дернулся в паху от несвоевременного желания.

Сглотнул тогда, разглядывая ее хрупкую, женственную фигуру, тонкую талию, красивые, стройные ноги, обутые в простые туфельки без каблуков. Казалось, она не ходила — плыла, грациозно передвигалась по воздуху, ловко лавируя с полным подносом посуды среди столиков.

Проходя мимо, кинула взгляд в мою сторону, и меня словно обожгло синевой ее больших, невероятно-красивых глаз в обрамлении длинных, черных ресниц.словно кусочек весеннего неба, смотришь и растворяешься, тонешь в нем. Только холодный он, безразличный. Глянула и отвернулась сразу же, будто и не человек перед ней, а так, букашка неприметная!

Я знал, что обладаю привлекательной внешностью, природа не поскупилась, и женщины раз за разом подтверждали это. Стоило лишь появиться где, как чувствовал робкие, застенчивые женские взгляды, провожающие несмело в спину, а то и откровенно предлагающие себя, словно товар на рынке.

Недостатка в женском внимании не испытывал никогда. Родись я хоть последним плебеем, без гроша за душой и то, чувствую, имел бы успех у женского населения, а наличие статуса миаро^[1], круглого

состояния и огромных доходов, делало меня просто идеалом без изъянов в их глазах.

Так повелось в нашем мире: деньги правят и открывают любую дверь, а когда ты на одной из высших ступени правящей иерархии и тебе доступны практически все блага этого мира, люди готовы прощать тебе даже смертные грехи в надежде, что ты снизойдешь до них и обратишь свое внимание.

Я мог выбрать любую знатную девушку и, знаю точно, она бы с радостью согласилась! Выше были только члены королевской семьи и, собственно, сама правящая чета.

Я мог даже не связывать себя узами брака, предложив очередной высокородной^[2] особе роль любовницы и содержанки, и она бы и на это согласилась. А здесь, в каком-то захолустном городке, в маленькой таверне на окраине, в этой сельской глуши, меня не удостоили должным вниманием, вообще не заметили!

Да, я в тот момент путешествовал инкогнито, не раскрывая личности, но не заметить дорогой ткани моей одежды, манер, высоких чаевых, оставленных в щедром порыве, было просто невозможно! Сложив два плюс два, можно было с легкостью угадать, что я принадлежу к высокой знати, а это для таких девушек шанс к богатой и процветающей жизни.

Нет, не в роли супруги, это точно. Все же высшее сословие блюло чистоту кровей и не брало в жены женщин из низшей касты, но акхе^[3] вполне. А здесь такое равнодушие!

Задело ли меня это? Однозначно, да!

Позже, вспоминая, я часто задавал себе вопрос, а запал бы я на нее, если она, как все, смотрела бы на меня плотоядным взглядом и заглядывала в рот, в надежде хоть на какое-нибудь внимание?

Наверное, все же да. Как ни крути, а девушка была необычайно красива. Нежной, чувственной, чистой красотой. Она словно светила изнутри, излучая вокруг себя незапятнанную ауру.

Но вряд ли в том случае она бы мне надолго запомнилась. Скорее, после парочки-тройки жарких ночей я бы оставил ей приличную сумму за старания, которой вполне хватило и на ремонт этой дешевенькой таверны, и даже на открытие второй такой же.

Чем плох был такой вариант? Почему она не отреагировала даже тогда, когда в узком, темном коридоре, ведущим на кухню, я зажал ее,

шепча какие-то шаблонные нежности, которые говорил всем кто так или иначе попадал в мою постель?

Она выворачивалась, умоляла отпустить, прекрасно понимая, что кричать и звать на помощь бесполезно — человека моего круга вряд ли накажут за подобное "внимание" к ее персоне, а вот себе она репутацию испортит.

Девчонка проигнорировала меня даже тогда, когда я показал ей фамильный перстень, практически, полностью представившись кто я. Мне хотелось увидеть, как загорятся эти синие глаза алчным блеском, предвкушая скорую наживу, и я бы не поскупился ради такой куколочки!

Хотелось увидеть, как ее пухлые, алые губки раскроются в изумлении, готовые отработать каждую золотую монету, подаренную мной, но вместо этого я стал свидетелем того, как на дне ее синих омутов за клубился страх, опутывая и разрастаясь в ней, словно сорняк на удобренном поле.

Она побледнела, поняв кто перед ней. Плевать, страх, значит, страх! Меньше будет ожиданий и претензий в мою сторону, когда все закончится. Но эта чертовка повела себя абсолютно по-другому: она отказала!

Я ушам своим не поверил, когда услышал ее ответ. Меня как холодным душем окатили!

Еще никогда в своей жизни я не слышал от женщин отказа, не сталкивался с тем, чтобы был неинтересен, а тут, в глуши, где высшие сословия, наверняка, и проездом бывают не чаще пару раз за год, мне какая-то зеленая девчонка отвечает "нет"?

Предвкушение, игравшее на языке приятным томлением и ожиданием сладкой развязки сменилось горьким привкусом, захлестнув вначале непониманием, а потом и яростью, которая ослепила меня настолько, что я едва сдерживался.

Взять ее силой я не мог — она была из числа свободных, хотя, если уж так углубляться, то даже, если бы и посмел, все равно выпутался, но лишних проблем и сплетен, когда твое имя нелестно полоскают на каждом углу, мне не хотелось. К тому же, я не сторонник силовых методов в постели. Ведь гораздо приятней, когда женщины по собственному согласию идут на все.

Вот и тогда, мой эгоизм взвился внутри, заставляя скрипеть зубами от бессилия, но тронуть я ее не тронул, пообещав, правда, напоследок,

что это не последняя наша встреча.

Она стояла бледная как полотно, боясь смотреть в глаза и пряча руки за спиной, а я довольно усмехался, рисуя в голове картины, как и в какой позе разложу ее, пусть не в этот вечер, пусть чуть позже, но она будет моей! По своей ли воле или под гнетом обстоятельств, если не хочет по-хорошему, но она придет ко мне, приползет сама.

Смакуя ее эмоции: растерянность, страх, непонимание, я впился поцелуем в ее сочные губы, пахнущие карамелью и ванилью. От неожиданности, она не успела отреагировать и впустила мой язык в свой рот.

Такого удара адреналина в крови я давно не испытывал, когда стоял, прижимая в этом темном, убогом коридоре дешевой забегаловки, вжимая девчонку своим телом в стену, ощущая, как ее тело напряглось, словно струна. Сжимая мягкие, аппетитные ягодички под платьем руками и, буквально, "пил" ее, наслаждаясь близостью столь желанного тела.

Мозги кипели, в паху мгновенно все окаменело, придя в боевую готовность, желая поскорее оказаться внутри нее, как неожиданно она смогла вырваться и щеку обожгла звонкая хлесткая пощечина.

В тот момент до меня не сразу дошло, что случилось, а когда секундами позже сознание вернулось, понял одно — девчонка подписала себе приговор!

Стереть ее в порошок, превратив в пыль, растереть между пальцев стало с того момента навязчивой идеей.

Я подавил желание придушить ее на месте, с трудом убеждая себя, что этим ничего на не добьюсь. Мне, если что и нужно было, так это полная ее капитуляция, моя безграничная власть над ней и добиться этого стало для меня целью!

Зачем было нужно провоцировать зверя, размахивая перед его носом красной тряпкой, когда последствия такой агрессии неизвестны? А она рискнула!

Смелая девочка! Такая нежная, хрупкая, фарфоровая на вид, даже не предполагала на что в тот момент сама себя обрекла!

И ведь меня не остановит ее внешний, беззащитный вид. Ее глаза, такие чистые, незамутненные, словно высшей пробы сапфир, в которых плескалось оскорбленное чувство достоинства, подстегнули хлеще любых слов. А чертовка попала с коготками.

Потом долгие месяцы эти глаза преследовали меня во снах. И привкус карамели с ванилью на губах заставлял просыпаться с каменным стояком среди ночи, выть от неудовлетворенного желания, даже если накануне по полной развлекался с очередной красоткой.

Что-то зацепила девчонка во мне, что-то сидящее глубоко внутри, неподвластное самоконтролю, отчего я бесился и метался диким зверем.

Да, я хотел эту синеглазку, хотел гораздо сильнее любой согласной на все красотки, только вот дотянуться долгое время не мог и это медленно грызло меня изнутри, накручивало и заставляло действовать несвойственными мне методами.

Я знал, что рано или поздно, но добьюсь поставленной цели, не важно какими путями, только вот чем дольше это затягивалось, тем навязчивее становились мысли о ней.

Часто трахая в своей постели женщин, представлял на их месте эту хрупкую провинциалку с сапфировыми взглядом, а понимание того, что она скорей всего забыла меня, давно похоронив в закоулках памяти нашу встречу, вызывало неконтролируемое бешенство, заставляя драть любовниц до истеричных криков, рисуя в голове картины, где в тот момент нагибаю и насаживаю на себя ЕЁ, тараня со всей силы на полную длину члена.

В такие дни женщины уползали от меня на дрожащих ногах, всхлипывая и молясь, чтобы отпустил. Только мне и не нужны были они.

Мне нужна была одна-единственная, непонятно чем зацепившая меня сука с колдовским синим взглядом, въевшаяся под кожу без возможности вытравить ее оттуда.

И ведь жила себе спокойно где-то в своем захолустье, сама не осознавая, что стала дичайшей ломкой одного из сильнейшего миаро в этом мире!

Я так и уехал тогда ни с чем, увозя с собой чувство неудовлетворенности и внутренней злости на самого себя.

Девчонка, видимо, испугалась и больше на глаза мне не попадалась. Порасспрашивав у местных и оставив им в знак признательности хорошую сумму за информацию, я узнал, что звали ее Армила и на тот момент она еще не достигла совершеннолетия, что означало лишь одно — связываться с ней сейчас было нельзя.

Законы нашего государства охраняли женщин от посягательств до

этого важного момента очень строго. Обесчестив девушку не достигшую двадцати лет, пусть хоть самого низшего и бедного рода, даже миаро грозила жестокая расправа, вплоть до потери статуса и состояния!

Я все это понимал, но смириться оказалось сложнее. Стоило немного подождать, чтобы удовлетворить своего внутреннего зверя, который проснулся и скалился, пуская слюну при воспоминании о нежном теле девчонки и ее сочных губах.

Но и здесь был плюс — девочка наверняка была еще невинна. Чистая, не познавшая порочной ласки мужских рук.

Понимание этого бальзамом ложилось на мое задетое самолюбие. Я подожду. Но не надейся, что забуду. Оскорбление миаро карается кровью, в твоём случае, надеюсь, это будет девственная кровь!

2. Армила

— Мила, какая же ты красивая! Родись ты миаро, смогла бы побороться за сердце наследника! — вздохнула мама, поправляя непокорный локон в моей прическе.

Никогда за эти годы не разглядывала, не любовалась собой, глядя в зеркало, считая свою внешность заурядной и незаметной. Да и времени на это особо не было.

Отец с матерью держали таверну, а я как старший ребенок была главная помощница в семье.

Сейчас же стояла пораженная собственной красотой и изяществом, вглядываясь в зеркальное отражение, словно видела себя впервые и не могла поверить! На меня смотрела шикарная красавица в длинном бирюзовом платье из тончайшей ткани, которая обтягивала лиф и талию, а внизу, начиная от бедер, свободно струилась до самого пола.

Часть волос убрана в высокую прическу и заколота модными шпильками, а часть мягкими локонами ложилась на плечи и спину. И я вроде, и в тоже время не я!

— Она — наша гордость! — с мягкой улыбкой добавил отец, незаметно подошедший сзади и сейчас обнимающий маму за плечи.

Мне почудилась легкая грусть в его интонации и во взгляде, как впрочем, и всегда. Я нередко замечала печаль в глазах отца, когда он смотрел на меня, и которую тщательно пытался скрыть, если чувствовал, что я перехватила его взгляд. О чем он думал в такие моменты? Чего опасался?

Мне проще было списывать это на то, что отец переживал за меня и боялся, чтобы в будущем меня не постигла участь акхе — женщин, которые по тем или иным причинам продавали себя высокородным или, если повезет, даже миаро, в сексуальное рабство.

В некоторых семьях девочек с детства растили с установкой, что акхе — это почетно, это возможность удачно устроиться в жизни и помочь при этом материально своей родне, ведь при обращении в акхе ее семья получала круглую сумму денег, на которую могла не нуждаясь жить долгое время.

Подписать договор девушка могла только после наступления

совершеннолетия и добровольно.

Я никогда не понимала их: как можно лишиться себя в будущем возможности завести семью, детей, ведь такие девушки обязательно проходили унизительную процедуру стерилизации, после которой они гарантированно не могли иметь детей, и их хозяева уже не волновались о возможности появления нежеланных наследников от безродной матери!

Кто-то продавал себя от отчаяния и желания хоть немного помочь своей семье, а кто-то в поисках легкой жизни. Хотя, никто не мог дать гарантии насколько жизнь в роли акхе будет легкой и беззаботной, ведь по сути девушка становилась игрушкой в руках хозяина, который с того момента мог делать с ней все что угодно.

Только ее насильственная смерть была наказуема законом, правда, всего лишь штрафом в пользу государства, который любой высокородный мог заплатить без ущерба для своего бюджета.

— Мила, мама, папа! Гости уже собрались! — оповестил влетевший в комнату младший брат, затормозив всего в несколько сантиметров от отца и чуть было не врезавшись ему в живот.

Отец потрепал сына за густую шевелюру темных, каштановых волос, с улыбкой глядя в его большие карие глаза. Младшие братья унаследовали от отца и цвет волос, и цвет глаз, а мне достались мамины гены.

— Мы уже идем, Кай! Готова, дочка?

Я кивнула.

Мое совершеннолетие родители решили отпраздновать с размахом в нашей таверне. Все-таки старшая дочь! И сколько я не пыталась противиться, мероприятие решено было провести.

Меня с самого начала грызло нехорошее предчувствие, будто что-то нехорошее должно случиться, покоя не давало, а понять что именно я не могла.

В груди, в области сердца ныло и давило ощущение безысходности, чего-то мрачного, вязкой ртутью заполняющее грудную клетку и мешающее дышать, сдавливало и заставляло волноваться без повода.

— Мила, ты бледная вся, дочка! Ты точно хорошо себя чувствуешь?

— Я волнуюсь немного, — выдавила улыбку, — все-таки вступаю

во взрослую жизнь! Все хорошо, мам, пойдем, гости ждут.

Мама покачала головой, особо не поверив, но двинулась следом за мной вместе с отцом.

Десятки гостей знакомых и незнакомых сидели за накрытыми столами, тянущимися длинными рядами вдоль стен в нашей таверне, которые в этот день украсили цветами и надувными шариками. Кого-то я знала с детства, кого-то видела изредка в наших местах, в любом случае чужих среди них не было.

Как только мы вошли в зал, послышался нестройный гвалт голосов, выкрикивающих поздравления, восхищение и пожелания. Нескончаемый поток желающих поздравить потянулся к нашему столу с подарками и удушающими объятиями.

Только мой друг и верный защитник Силах стоял в стороне и терпеливо наблюдал за происходящим. Меня с самого начала удивило почему он не оказался в числе первых поздравляющих.

Когда, наконец, все подарки были подарены, поздравления выслушаны и гости спокойно расселись по местам, Силах поднял руку, требуя тишины и направился ко мне. А у меня ноги подкосились от понимания того, что он собирался сделать!

И знала ведь, что этот момент наступит рано или поздно, видела все, но наивно полагала, что произойдет это не скоро.

— Армила! Этот день я ждал столько, сколько помню себя! С самого раннего детства я был очарован тобой и уже тогда, будучи ребенком, я поклялся, что всегда буду рядом, буду защищать тебя до последнего вздоха, до последней капли крови! Ты стала для меня моей вселенной, мечтой, идеалом, который я никогда не предаю!

Он продолжал говорить, а у меня голова закружилась от осознания того, что в этот момент решается моя дальнейшая судьба, а я смотрю на это и понимаю, что не хочу всего этого! И хуже всего оттого, что я сама виновата в том, что происходит сейчас!

Силах действительно был моим самым лучшим другом с самого детства. Озорной парень с растрепанными русыми волосами и вечно торчащим смешным непокорным чубом на макушке, который никак не хотел прилаживаться, с россыпью веснушек на носу и щеках, загорелый и непоседливый.

Он как наседка за цыплятами носился за мной по пятам, защищая от местных хулиганов, помогал, если видел, что мне требовалась

помощь и был частым гостем в нашей семье.

Я настолько привыкла к его присутствию в своей жизни, что воспринимала Силаха как члена нашей семьи. Он был для меня старшим братом, которого у меня не было, моим примером для подражания, моим учителем в детских проделках.

Наши родители хорошо ладили и на нашу дружбу смотрели с умилением, надеясь, что в будущем она перерастет во что-то большее.

Переломный момент, когда все вдруг изменилось, наступил неожиданно. Я еще была подростком, а Силах, который старше меня на четыре года, на глазах превратился в молодого парня, возмужал. На него стали засматриваться девушки, по вечерам он начал пропадать, а однажды я застала его с дочерью сапожника, когда они за сараем целовались.

Силах прижимал девушку к стене, руками шаря у нее под платьем и покрывал поцелуями шею, когда она, закрыв глаза, глухо стонала, зарывшись пальцами в его волосах.

Мне тогда стало обидно, противно и мерзко одновременно. Мой друг, мой Силах променял меня на какую-то размалеваную девицу!

Стало ясно где и с кем он пропадал вечерами! Меня затрясло от душивших слез, от обиды. Всклипнув, я бросилась со всех ног бежать от этой грязи, пару раз падая, сбивая колени, поднималась и снова неслась вперед, едва соображая и почти ничего не видя из-за застилавших глаза слез.

Силах, как оказалось, заметил меня тогда и бросился следом, оставив свою девушку. Он нагнал меня у дверей дома, схватил, прижал к себе, а я колотила его по груди кулаками, кричала, чтобы отпустил, что от него воняет ею! Он терпел, сжимая меня в объятиях, шепча, что это все несерьезно, что ему важна только я, и что ради меня он готов жизнь отдать. Тогда же, когда после получаса моих рыданий, он все же сумел меня успокоить, Силах пообещал, что будет только мой и принадлежать хочет только мне!

Не совсем понимая всей серьезности и смысла сказанных фраз, мое эго успокоилась. Мы, как прежде, стали проводить много времени вместе, по-прежнему шутили, дурачились, только взгляд у Силаха стал другим, когда он смотрел на меня: тягучим, глаза темнели, а сам словно переставал замечать что творится вокруг.

Мне иногда не по себе до мурашек становилось, но уже в

следующее мгновение возвращался мой Силах, тот самый, которого я знала с детства с озорным, улыбающимся взглядом.

— Армила, ты станешь моей женой? — голос Силаха ворвался в сознание, вырвав из воспоминаний.

Я стояла напротив него, глядя в полные надежд такие знакомые голубые глаза и не знала что ответить. Вернее, знала, что должна была ответить, но "должна" и "хочу" разные вещи, и, если второе говорить легко, то первое приходится выдирать клещами из себя.

А я не хотела! Но все так закутилось в моей жизни, что обратной дороги не было. Я сама подогривала интерес Силаха, зная, что он равнодушен ко мне. Сама провоцировала, надевая кокетливые наряды, улыбалась и видела, с какой завистью смотрят подружки на меня, зная, что один из самых достойных парней очарован лишь мной!

Я играла его чувствами, не понимая серьезности всей ситуации, мне льстило его внимание, а последствия... кто в таком возрасте задумывается о них?

Хочется быть любимой, вызывать восхищение и внимание парней и в данном случае, друг уделял мне этого внимания в избытке.

Родители шептались о свадьбе, а я об этом старалась не думать, отодвигая подобные мысли на потом. Да и потихоньку становилось просто некогда думать об этом. Я стала помогать родителям в таверне, Силах тоже пропадал днями на работе, мы виделись реже и реже.

Это теперь я поняла, что он усиленно старался заработать на свадьбу. Он ждал моего совершеннолетия!

— Мила, не молчи, — почувствовала толчок в бок от матери и вздрогнула.

Подняла глаза, а язык словно к нёбу прилип, слова сказать не могу.

— Ты хоть кивни, что согласна!

— Невеста от счастья дар речи потеряла! — гоготнул кто-то из гостей, а я стояла растерянная, понимая, что нужно ответить, что с Силахом у меня шанс построить семью, нарожать детишек, что о таком муже можно только мечтать!

Но я же его не люблю! Вернее, люблю, но не как мужчину — как брата, как друга. Смогу ли когда-нибудь почувствовать к нему что-либо большее? Станет ли он для меня, как папа для мамы — таким же любимым, родным, желанным?

А ведь мне с ним делить каждую ночь постель! Но мама тоже не

сразу полюбила отца... Всевышний, помоги мне! Силах достоин, чтобы его любили! И я уже готова была ответить, как вдруг в зал залетел мальчишка с криками, как гром среди бела Дня:

— Миаро! Сюда идут миаро! Они ищут Армилу Наврои!

Я увидела, как побледнела мама, как шагнул к ней отец, боясь что она упадет, как заволновались гости, зашумели. Силах нахмурился, развернувшись к выходу с решимостью в глазах.

Я стояла, не в силах понять что происходит? Как миаро оказались в наших краях и зачем им я? Абсурд какой-то!

Шагнула на негнущихся ногах к столу, налила стакан воды и поднесла ко рту, чувствуя, как зубы стучат об стекло. Не успела отойти от одной новости, как следом на меня свалилась другая, еще хлеще!

Двери распахнулись, впуская в зал отряд из нескольких человек. Дорогая одежда, ухоженный вид и родовые перстни указывали на то, что мальчишка не ошибся — это и правда были миаро, правящая политическая ветвь, верхушка элиты, приближенные к трону. По крайней мере, трое из них точно, остальные, похоже, просто высокородные.

Они вошли и замерли при входе, оглядываясь и кого-то ища взглядом. Некоторые из них, не стесняясь, поморщились от внутреннего вида таверны.

На меня вдруг накатила дикая злость — эти снобы, живущие в роскоши и жирующие за наш счет, не знавшие недостатка с детства ни в чем, вот так вот, одним презрительным взглядом, втоптали в грязь годы трудов, которые наша семья вкладывала в это заведение, сделав из старого, заброшенного склада уютную таверну со вкусной, домашней кухней, выразив таким образом что они чувствуют на самом деле по отношению к нам, низшему классу, прикрываясь высокими лозунгами о заботе народа.

— Мы ищем Армилу Наврои! Ее приказано доставить в Лестерию!

— Кем приказано? Она свободная! Вы не имеете права! — закричала мама, вырываясь из рук держащего ее отца.

— Приказы миаро не обсуждаются!

— Вы не можете! Это ведь он, да? Он? Зачем она ему? Я его ненавижууу! Не отдам!

— Не поедет добровольно — применим силу, закон вы знаете!

Я смотрела на их спор и холодный, липкий страх полз по спине.

Зачем я миаро? Они никогда не интересовались нашей жизнью, а если и бывали в нашем городке проездом, то и внимания никто не обращал. Кто мы для них? Пыль под ногами? Мелкие букашки? Кого имеет в виду мама, называя его "Он"?

Неужели кто-то захотел меня в качестве акхе? Бред, такой договор подписывается добровольно, а не увозят силой и прилюдно!

Гости начали вставать со своих мест, выкрикивать что-то взволнованно, мама рыдала и билась в истерике в руках отца, миаро со своими сопровождающими решительным шагом направились к нам.

Я метнулась к матери, хватая ее за холодные руки:

— Мама! Мамочка! Что происходит? Что им от нас нужно? Зачем они здесь? Зачем им я?

Мама смотрела на меня сквозь пелену слез, будто видела в последний раз. Выдернула руки, схватила меня ладошками за лицо, очерчивая пальцами каждую линию.

— Мила, родная моя, доченька, прости, не уберегла!

Ее душили слезы, красивое лицо исказила гримаса боли и поток рыданий снова хлынул из нее.

У меня от бессилия внутри сжалось все. Я словно прочувствовала ее боль: скручивающую, безысходную, режущую по-живому, раздирающую изнутри.

— Уведите ее! — раздался сухой приказ одного из миаро и двое их сопровождающих тут же схватили маму, грубо отталкивая отца.

— Папа, помоги! Не дай им навредить маме! — закричала я, хоть и понимала, что это бесполезно — миаро были гораздо сильнее обычных людей, особая раса. Я пыталась пробиться к матери, а отец стоял, опустив руки, смирившись, качал головой:

— Прости, дочка!

— Нам не нужна ваша мать, ей никто не причинит вреда! Просто следуйте за нами и никто не пострадает!

— Куда? Куда вы меня забираете?

— Скоро все сами узнаете.

— Я поеду с ней! — вдруг услышала сбоку голос Силаха. — Я ее будущий муж и имею право!

Миаро обернулся, разглядывая посмеявшегося к нему обратившегося.

— У нас не было указаний привозить лишних!

— Но Армила обручена! И я, на правах жениха, имею полное право

и настаиваю разрешить мне ее сопровождать!

Они переглянулись между собой. Тот, который раздавал команды кивнул.

— Будь по-твоему. Но я не гарантирую тебе твоих прав в столице!

— Все равно! Я ее не оставлю!

— Силах! — простонала я. — Зачееем? — взглядом умоляя не делать глупости.

Он взял меня за руку, крепко сжимая и глядя в глаза.

— Мила, все будет хорошо! Это недоразумение! Мы выясним и вернемся! Вместе!

Он разговаривал со мной, как с маленьким ребенком, потерявшимся в большом городе, нежно гладил большим пальцем тыльную сторону дрожащей кисти руки и пытался успокоить.

— Вам лучше перестать упрямяться и добровольно пойти с нами! Мы теряем время!

Главный миаро явно начинал нервничать и терял терпение. Кто бы мог подумать — ему приходилось уговаривать какую-то безродную девчонку!

— Но мама...

— Проявите благоразумие! Иначе, ваша мама действительно может пострадать!

— Хорошо! — наконец выдохнула я, все еще пребывая в шоке. Меня по-прежнему колотила мелкая дрожь, мысли хаотично путались, но понимание, что ситуация безвыходная и мне все равно придется ехать с ними, наконец, накрыло в полной мере.

— Мне нужно брать с собой какие-либо вещи?

— Нет. Вам все будет предоставлено по приезду в столицу.

3. Армила

На дворе стояло жаркое лето и раскаленный сухой воздух, пропитанный пылью, еще не успевший остыть после захода солнца, накрыл удушливой волной.

В горле запершило, стоило вдохнуть.

Да, лето в этом году выдалось знойное.

— Иви Армила, вы когда-нибудь путешествовали временными тоннелями?

На меня внимательно, ожидая ответа, смотрел самый старший мужчина из сопровождающих. Я не заметила в его взгляде неприязни или высокомерия. Одно пустое безразличие.

— Нет. Только слышала. Наш город слишком далеко находится от столицы и такие спецы здесь не живут.

— Что ж, сегодня вам выпадет возможность воспользоваться им.

Я слышала про эти тоннели. Ходили слухи, что только сильные миаро умеют их правильно выстраивать, чтобы человек беспрепятственно мог оказаться в нужной точке, не исчезнув где-то во временном отрезке.

— Я бы предпочла воспользоваться обычным транспортом. Говорят, такие переходы могут неблагоприятно повлиять на людей. У нас ведь нет такой защиты, как у миаро.

Не то чтобы я трусила, но мне отчаянно хотелось, чтобы момент, когда я предстану перед тем, кто за мной послал, подольше не наступал.

— Это все надуманные домыслы, не имеющие ничего общего с правдой, иви. На самом деле человек при таком перемещении испытывает лишь легкий дискомфорт и тошноту. Вам нечего бояться.

— А я и не боюсь! — вздернула нос, задевая замечанием мужчины. — Но вы замедляете ход времени. Разве подобное не имеет последствий?

— Я их вам уже озвучил.

Силах с угрюмым выражением лица стоял рядом.

Я понимала, что спорить с ними бесполезно и вряд ли мое мнение кто-нибудь станет учитывать. Эти люди всего лишь выполняют приказ.

И тут мне в голову пришла сумасшедшая мысль! Нет, я понимала,

что это может стать для меня приговором, что последствия могут быть непредсказуемыми, но в тот момент этот вариант показался для меня лучиком солнца в крошечной тьме. И реальной возможностью избежать встречи с таинственным заказчиком.

— Прошу прощения, но я не могу так рисковать.

Мужчина подозрительно покосился на меня.

— И в чем проблема?

— Я беременна!

Всевышний, я произнесла это! Сумела. Язык повернулся очернить саму себя при незнакомых высокопоставленных свидетелях.

Силах дернулся как от удара плети, меняясь в лице, но я взглядом пригвоздила его, чтобы не смел сдавать меня. Или он тоже поверил?

Наверное, я была слишком убедительна.

Миаро скривились, окинув меня уничижительным взглядом, нисколько не скрывая, хотя бы ради приличия, какого они теперь обо мне мнения. И, если до этого на их лицах читалось равнодушие и незаинтересованность, то теперь от них фонило презрением.

Конечно, молодая незамужняя девушка, поправшая законы морали! Что может быть хуже?

Теперь мужчины засомневались. Неуверенность четко проявилась на их красиво очерченных лицах.

Все-таки что бы не говорили, а миаро красивая раса.

— До сих пор уверены, что я нужна вашему заказчику? Не придется ли отвечать потом за порченный товар?

Старший из них нахмурился. Значит, сработало?

У меня в душе все возликовало, радуясь скорому освобождению. Представила как вздохнет с облегчением мама, когда увидит, что я вернулась домой!

— Это не меняет сути дела! — отрезал миаро, буравя меня недобрым взглядом. — О вашем недопустимом положении для молодой девушки будет доложено отдельно.

Вот так одним махом убил все мечты о свободе.

— Но, пожалуй, вам действительно не стоит рисковать. Вы поедете с сопровождающим отрядом. Где в вашем городе можно нанять экипаж?

Я обернулась на Силаха. Его семья занималась этим бизнесом и кому как не ему было лучше знать.

— Я провожу, — угрюмо отозвался он, явно не одобряя мою идею.

Но деваться было некуда.

Когда транспорт был выбран, осмотрен на предмет прочности и комфорта, главный из наших конвоиров отозвался:

— До ближайшего большого города день езды. Если сейчас выехать, то к обеду будете на месте. А оттуда можете добраться до столицы железной дорогой. Всего у вас уйдет два дня. Это, конечно, долго, но раз вскрылись такие обстоятельства... кхм-кхм, — он многозначительно покашлял, снова давая понять насколько не одобряет мое положение, — то безопасней будет ехать так. Сопровождать вас так долго мы не сможем, поэтому оставляем вам охрану. И, конечно, деньги.

Протянул мне увесистый кошелек, не оставляя сомнений, что сумма в нем была внушительной.

— Этого должно хватить с лихвой. Нигде не останавливаться надолго. Мы будем ждать вас в столице.

Мы едем без миаро! Чудо свершилось! Их присутствие означало бы тотальный контроль, без каких-либо возможностей сбежать, а так хоть какой-то призрачный шанс!

Я еще не понимала как и куда, но интуиция набатом билась внутри, голося на всю мощь, что ничего хорошего по приезду меня не ждет. Недаром мама так кричала и плакала! Она что-то знала, но утаивала от меня. И они не дали ей мне это сообщить.

Нам наняли самый комфортабельный экипаж, какой только имелся в наличии. С откидным верхом, четырехколесный, с двумя удобными широкими диванами где вполне можно было спать.

Отряд, что должен был сопровождать нас, поехал верхом на лошадях. Десять человек.

Мда. Не завидую им. Всю ночь и половину дня трястись в седле. Видимо, им хорошо платят, раз согласны терпеть!

— Иви, я надеюсь на ваше благоразумие, — обратился в конце, когда мы уже расположились внутри фиакра, их главный, — не забывайте об ответственности. В противном случае могут пострадать ваши родные. Вы понимаете о чем я?

А вот это как удар под дых. Сволочь! Мне сейчас прямым текстом угрожают?

Я не выдержала его тяжелого взгляда, понимая, что меня раскусили еще до того, как я попыталась что-то предпринять. Он однозначно знал

куда стоит бить!

— Я все поняла, — тихо выдавила из себя, не замечая как крепко сжимаю руку Силаха.

Еще одна надежда похоронена.

Но никогда не знаешь какие сюрпризы приготовила тебе судьба. Если бы я тогда знала, если бы хоть немного догадывалась во что выльется моя поездка, я бы, наверное, умоляла миаро провести меня этим чертовым временным тоннелем к тому, кто меня ждал в столице. Но, увы, мы не умеем предсказывать будущее, поэтому часто совершаем кучу глупых ошибок в настоящем.

Наша компания двинулась в путь сразу же. Путешествие предстояло долгое и откладывать его не имело смысла.

Я видела как люди с удивлением провожают взглядом наш экипаж и едущих рядом вооруженных охранников, с грустью понимая, что завтра поползут самые немыслимые слухи о моем отъезде. И как будет стыдно родителям!

Учитывая летнюю жару, мы не стали использовать крышу у фиакра, предпочтя наслаждаться видом звездного неба и свежим воздухом. Силах сел рядом со мной, обняв за плечи.

Я положила голову на его плечо, пытаясь сдержать рвущиеся наружу слезы, что стали душить сильнее, стоило нам выехать за черту города.

— Не переживай, Мила, прорвемся! Я уверен, что произошло недоразумение. Ты не подписывала никаких договоров с миаро, твои родители тоже не могли так поступить — они для этого слишком честные люди и искренно любят тебя. Так что поводов для волнений не вижу.

Он нежно гладил мне плечи, прижимая к себе, нашептывая слова поддержки. Его губы целовали кожу у виска, кончик уха, перебирая дыханием волосы, но легче мне все равно не становилось.

Наоборот, стало еще тоскливее и, не выдержав, я все же разрыдалась, утыкаясь носом в его рубашку и оставляя на ней мокрые пятна от слез.

Заснула как-то незаметно, убаюканная теплыми объятиями жениха. И я, дуручка, еще недавно сомневалась стоит ли мне выходить за него замуж? Когда так тепло и уютно в его руках.

Проснулась я рано утром, когда край неба только-только начал

светлеть.

Сначала тёмно-синие облака наполнились внутренним светом, а после появилась розовая кайма.

Словно завороженная смотрела, любуясь, как небо покрывается румянцем, слушала, как просыпаясь, щебечут вдалеке птицы и умиротворенно дышит под мерный стук колес Силах, все так же крепко сжимая меня даже во сне.

Было что-то невероятно-нежное в происходящем, что я не смела пошевелиться, боясь нарушить волшебство момента.

Ровно до того момента, когда кучер вдруг не натянул поводья, резко дернув лошадь в сторону и не стал заваливаться вбок. Животное испуганно заржало, уходя с дороги и понеслось в лесную чащу, что приветственно распахнула свои объятия, смыкая их за спиной стволами деревьев.

Сзади раздались крики людей, шум, звон оружия. Повозка стала подскакивать на кочках, скрипя и грозя разлететься на кусочки. Лошадь летела вперед не разбирая дороги.

— Силах! — я затрясла жениха дрожащими руками, пытаюсь разбудить.

По доносящимся звукам было ясно, что на нас напали. Но меня в данный момент волновало не это, а то, что мы могли разбиться, влетев на всей скорости в какое-нибудь дерево.

Я только сейчас заметила, что из круп животного торчала стрела.

Силах вскочил, озираясь вокруг ошалелыми глазами, пытаюсь понять что происходит.

— Лошадь! Кучер! Ранена!

Собрать мысли воедино и внятно объяснить у меня не получилось, но и того, что вышло хватило.

Он разом перемахнул на место теперь уже мертвого кучера, выдергивая у того из рук поводья и пытаюсь остановить раненое животное, что несло вперед, гонимое диким страхом и болью.

А по обеим сторонам, мелькая среди деревьев и прищпоривая коней, нас окружали незнакомые мужчины.

Остановить животное Силаху не удавалось ровно до тех пор, пока впереди не показалось огромное поваленное дерево на краю оврага.

— Мила, прыгай! — скомандовал он, понимая, что остались считанные секунды до того момента, когда наш транспорт разлетится на

куски.

Понимала это и я. А жить еще хотелось!

Подобрав подол платья, открыла дверь, вдохнула полной грудью побольше воздуха, задерживая дыхание и отталкиваясь от подножки экипажа, прыгнула в прошлогоднюю листву, мокрую, холодную от утренней росы, чувствуя как всеми ребрами пересчитываю все неровности земли, покатила куда-то в кусты. Лишь бы руки, ноги и голова остались целы! Царапины — ерунда.

Заживут.

— Девка где? Черти! — заорал кто-то совсем рядом.

А я лежала притаившись, боясь пошевелиться, чтобы не обнаружить себя, наивно полагая, что ветки и листва кустарника надежно скрывают меня от глаз преследователей.

Позади раздалось испуганное ржание лошади, жуткий треск и я, зажмурив крепко глаза, поняла, что очень вовремя успела выпрыгнуть из фиакра.

Надеюсь, Силах тоже.

— Сбежать пытался. Пшел, я сказал, отродье!

Голоса звучали рядом и я молилась, чтобы меня не заметили. Даже дышала через раз.

— С ним девка была. Прыгнула куда-то сюда. Далекo уйти не могла. Обыскать каждый куст!

Я поняла, что шансов мало. И мой друг детства у них. Хотя, может в разговоре они имели в виду кого-то из нашей охраны?

— Пошли братьев обыскать их экипаж. Раз ехали с отрядом, значит, везли что-то ценное.

Из ценного там только кошелек миаро с деньгами.

Разбойники. О них рассказывали страшные байки, пугали детей.

До нашего города доходили разные слухи, но в них всегда фигурировала изощренная жестокость и беспринципность таких вот отбросов!

То, что они вытворяли, какие казни чинили над попавшими к ним людьми, страшно было даже слушать, не говоря уже о том, чтобы представлять или, не дай бог, оказаться в их лапах.

— Оп-па! Вот она, пташечка, где притаилась! — заржал мерзкий голос почти над самым ухом. — Думала не заметим.

Да, думала и надеялась! Хоть и понимала, что поступала нечестно

по отношению к Силаху. Но разве он обрадуется, когда увидит, что я тоже в руках у этих преступников?

— Девка — это хорошо, это живой товар, — поглаживая густую черную бороду, задумчиво выдал самый старший на вид среди них, когда меня чуть ли не волоком вытащили из моего убежища.

Темное обветренное лицо, потрескавшиеся губы, густые, нависшие брови и жестокий, пронзительный взгляд карих глаз. Ростом, наверняка, под пару метров, я уже молчу про грудку мышц, перекатывающихся под рваной грязной рубахой. Он мне напомнил медведя.

Такого огромного, мощного, свирепого. Такой одним ударом зашибет — мокрого места не останется.

Он однозначно был среди них лидером. И это сквозило даже не во внешности, а во взгляде, в движениях, в голосе.

Грубый, безжалостный, страшный хищник.

Мамочки!

— Не трогайте девушку! Пожалуйста!

Силаха держали два коренастых паренька, заломив ему руки за спину. Вернее, один держал, другой связывал веревкой сзади.

— Твоя баба? — кивнул бородатый в мою сторону.

— Невеста! Жена!

— Так невеста или жена? Ты мне врать-то не пытайся, все равно пойму. Дар у меня такой: я ложь за километр чувствую, как зверь добычу. И не прощаю, — переходя на зловещий шепот закончил главарь.

— Вам какое дело? Она ни в чем не виновата. Вам нужны деньги? Они были в нашем фиакре, можете поискать. Больше у нас ничего нет.

— Мм, деньги, говоришь? И как много? Если вас сопровождал целый вооруженный отряд, значит, немалая сумма.

— Вы не имеете права нас задерживать! Отпустите лучше, пока не поздно.

Всевышний, помоги! Он что, реально считает, что сможет уговорить или запугать разбойников?

Медведеподобный громко, басом расхохотался, запрокинув голову. Его явно повеселило требование.

— О каких правах ты пытаешься толковать мне здесь, сопляк? — резко став серьезным, взглянул на него бородатый. — О каком "поздно" речь? Ты что, так и не понял к кому ты попал? Так я расскажу.

Он шагнул к Силаху, резко ударив того в живот и тут же хватая его согнувшегося за лицо, опрокидывая ударом в челюсть.

У меня внутри резко все оборвалось.

А когда мой жених, пытаясь встать со связанными руками, начал отплевываться кровью с налипшей грязью, ему прилетел еще один удар носком ботинка в голову.

— Прекратите! Вы его убьете!

Я сама не поняла как рванула к лежащему на земле Силаху. Слезы градом покатались, застилая глаза.

— Сволочи! Ублюдки! Мы же не сделали вам ничего плохого! За чтооо?

Меня перехватил кто-то за пояс, затыкая грязной шершавой ладонью рот, а затем я почувствовала сильный удар по лицу, от которого зазвенело в ушах и перед глазами поплыли круги. Тот, кто меня держал разжал руки и грубо швырнул на землю.

— Не трожь ее, Лек! Она еще пригодится! — раздался сбоку чей-то недовольный голос.

— Эта тварь прокусила мне руку!

— Приложи дорожник! И заткнись! Она — баба! А у бабы главное — товарный вид!

Ушибленная челюсть горела и ломила, но это сейчас было не так важно. Кое-как поднявшись и отряхнувшись, я снова искала взглядом Силаха.

— Теперь, надеюсь, понятно, что вы не у тетушки в гостях и никто церемониться с вами не будет?

В грудной клетке жгло от осознания своей беспомощности, что нас могут убить сейчас вот так, ни за что! А все из-за меня! Из-за меня Силах поехал с нами, из-за моих заморочек мы отправились в столицу обычным способом вместо временного перехода.

— Не трогайте его, пожалуйста! Мы не сделали никому ничего плохого! Не убивайте нас! — закричала я, понимая, что если их не остановить, то последствия могут быть еще хуже.

Для разбойников наши жизни ничего не значили!

Бородач оглянулся, разыскивая меня глазами. Злой, страшный, нечеловеческий взгляд из-под заросших бровей.

Меня затошнило от накрывшей паники, но взгляд не отвела. Разбойник с пару секунд смотрел прямо, а потом и сам двинулся в мою

сторону.

— А почему я должен это сделать? Назови хоть одну причину? — пощипывая мочку уха, спросил он, останавливаясь в двух шагах напротив меня.

Высокий, косая сажень в плечах, вблизи казался просто огромным.

— Вы казните только за общечеловеческие преступления, — едва ворочая языком от страха, выдала я, — так рассказывают про вас. А мы никому ничего плохого не сделали.

Разбойник молча разглядывал меня, думая о чем-то своем.

— Вы ехали с охраной. Куда? Зачем?

— В столицу. Я не знаю зачем. К нам заявили миаро. Они потребовали, чтобы мы собирались в столицу и заявили, что не имеем права отказаться. Дали нам отряд и отправили в путь. Не трогайте Силаха, умоляю!

Последние слова выдавила с трудом.

— Предположим, я поверил. Ты и он не высокородные. Но зачем вы мне? Какой прок от вас? А свидетели мне не нужны...

Холодный взгляд сверлил, проникал в душу, замораживал.

— Мы никому ничего не скажем! Клянусь!

— Правда? А как вы объясните смерть ваших сопровождающих? Скажете, сами перерезали?

Значит, они все мертвы.

Он явно издевался, а у меня в голове резко зашумело. Но его отвлек другой разбойник, подошедший внезапно и что-то прошептавший на ухо. Здоровяк повел бровями и кивнул.

— Вяжите этих и поехали, — гаркнул он остальным и, развернувшись, размашистым шагом пошел прочь.

Я выдохнула! Оставалось молиться и благодарить Всевышнего, что мы еще живы и, похоже, причина для этого нашлась веская.

4. Тамин

Утро обещало быть добрым. Несмотря на жаркую в сексуальном плане ночь, я великолепно выспался и сейчас, после легкого завтрака, пребывал в хорошем настроении.

Сквозь портьеры пробивались яркие лучи солнца, медленно скользя по нежному личику, заставляя морщиться и прятаться под одеяло его обладательницу, сладко спящую в моей постели.

Присел на край. Потянулся к ней, наматывая на палец прядь шоколадных волос. Прошелся по ушку, поглаживая шею и спускаясь к ключице, продолжая чертить дорожку.

Лаура.

С некоторых пор моя постоянная любовница из высокородных. Опытная, ласковая и невероятно сексуальная шатенка, угодившая по чистой случайности в мои руки, причем, в прямом смысле этого слова на одном из званых вечеров у богатого миаро. Споткнулась о подол своего платья, когда проходила мимо. Удачно, кстати. И уже через полчаса стонала подо мной, разложенная на столе в первой попавшейся комнате, найденной в огромном доме хозяина.

Потрясающе красивая в своей страсти, с шикарными формами, знающая как себя подать, Лаура не оставила мне выбора.

Я мог драть ее ночами напролет, не уставая, и она мне не надоедала.

Рука спустилась ниже, под одеяло. Я нащупал сосок, сжал его двумя пальцами и легонько покрутил. Девушка томно вздохнула, откидывая одеяло в сторону и открывая вид на ее шикарное тело.

Член в штанах ожил, твердея и наливаясь кровью. Чертовка! А ведь она уже не спит. Заметил, как подрагивают ее ресницы. Дыхание стало тише.

— Ммм, — выгнулась, подставляя мне под ладонь полную красивую грудь.

Призывно распахнула ноги, сгибая одну в колене и ерзая задом по шелковой простыне.

Я наклонился, захватывая сосок губами, вягивая его в рот и кружа языком по вершинке, чувствуя, как он вытягивается, видя как мурашки

бегут по сливочно-молочной коже.

Погладил живот и скользнул пальцами между гладко выбритых нижних губок, раздвигая складочки и находя заветный бугорок.

— Тамииин... — протянула Лаура, подаваясь бедрами вверх, открывая большой доступ к своим прелестям.

Моя ненасытная кошечка уже была готова. Пальцы растирали горошину клитора, периодами ныряя в сочащуюся дырочку и снова возвращаясь к чувствительным складочкам, не забывая при этом нежно покусывать и ласкать языком вершинку груди.

Лаура уже не скрывала того, что полностью проснулась, извиваясь от сладкой пытки и желания получить больше.

Нащупала через штаны каменную эрекцию.

Да, детка, я уже давно готов! И хочу не меньше твоего.

Попыталась развязать тесемки, в нетерпении дергая их и запутывая еще больше.

— Сними их, я хочу тебя ротиком, — прохрипела она, повышая своей просьбой уровень и так зашкаливающего во мне тестостерона.

Пару движений, треск и штаны летят в дальний угол. Равно как и трусы.

Лаура высвободилась, переворачиваясь на живот, нарочито медленно прогнулась в спине, оттопыривая аппетитную попку и с видом заядлой лакомки предвкушающе провела розовым язычком по пухлым губам.

Ох, черт! Чувствую, меня надолго не хватит. Ну же, детка, давай! Возьми его!

И когда уже каштановая голова с блестящими кудрями склонилась над членом в желании вобрать его в себя, в дверь раздался нетерпеливый стук.

Чтоб тебя псы разодрали!

— Занят! — рявкнул тому, кто посмел нарушить кайф.

Жестко схватил девушку за волосы на затылке, подтягивая к себе и глубоко вогнал ствол в рот, почувствовав, как уперся им в заднюю стенку горла. Ритмично задвигал бедрами.

Прости, детка, но мне нужна разрядка.

— Ивин, вас спрашивают! Срочно! Говорят это очень важно, — с обратной стороны двери снова раздался стук, сливаясь с нашими хлюпающими звуками.

Как же не вовремя!

Лаура давилась, упиралась руками в мои ноги, обливалась слезами, но деться никуда не могла. Я слишком крепко держал ее за волосы, продолжая с остервенением долбиться в горло, изредка давая секундную передышку, чтобы глотнуть воздуха.

Я уже не смотрел на ее лицо, запрокинув голову назад и желая побыстрее кончить, увеличивая темп, чувствуя как сжимаются от подступающей разрядки яйца. Сам не понял как зарычал от возбуждения.

Да, детка, вот так! Еще! Совсем чуть-чуть!

Она замычала, пытаюсь вырваться, когда на последних нотах я увеличил темп. Еще немного, пару тройку резких глубоких толчков на максимум и в глазах взорвались миллионы фейерверков, выплескиваясь из меня толчками чистейшего экстаза.

Дааа! Оргазм разрядом прострелил позвоночник, ударил хмельным градусом в голову и волной ушел в ноги, делая их ватными и непозволительно слабыми.

Лаура, наконец, была выпущена из жесткой хватки.

Надрывно дыша, она размазывала слезы по опухшему лицу дрожащими руками.

Провел последний раз по ее щеке головкой не до конца опавшего члена, растирая последнюю каплю спермы и, выдохнув, повалился на кровать.

— Иду! — хриплым голосом сообщил домработнице, что терпеливо дожидалась ответа за дверью, прекрасно понимая чем мы сейчас занимались с моей любовницей.

Ей не привыкать.

— Прости, детка, я хотел по-другому, но меня поторопили, — погладил ее колено, спускаясь пальцами к внутренней стороне бедра, но Лаура свела ноги вместе.

Она лежала на спине, широко раскинув руки. Каштановые пряди разметались по белому постельному белью. Взгляд отрешенный. В потолок.

— Эй, ты чего? Обиделась?

Приподнялся на локтях, заглядывая ей в лицо, пытаюсь понять не переборщил ли?

Хотя, даже если и так, знаю, что долго играть надутые губки

любовница не умеет. Максимум к вечеру простит. Можно подарить ей какую-нибудь дорогую безделушку из украшений — это всегда работает.

Без секса долго я не протяну, а подыскать ей достойную замену займет время.

Взял за подбородок, разворачивая к себе лицом и на мгновение показалось, что в ее глазах мелькнула холодная, вымораживающая ненависть, царапая острым кусочком льда. Я замер, почувствовав как внутри шевельнулось неприятное предчувствие.

Но уже в следующий момент Лаура довольно улыбалась, чертя пальчиком по моей груди какие-то замысловатые узоры.

— Ты был груб сегодня, но... мне даже понравилось. Иногда такое можно позволять, при условии, что потом ты будешь очень-очень нежным, — ее голос сошел на шепот,

— и вечером исправишься.

Глаза опасно сверкнули из под длинных черных ресниц.

Конечно исправлюсь. Отдеру тебя по полной во все дырочки так, что забудешь как тебя звать.

Нежность — не мое амплуа. Но пообещать-то можно!

Улыбнулся ей хищно, предвкушая как вечером буду "исправляться".

— Нет! Так мы не договаривались, Тамин, ты опять... — вскакивая на колени и отползая от меня на безопасное расстояние, вскинулась девушка.

Да, милая, ты прекрасно изучила меня, понимая кто я и что из себя представляю. Перевоспитывать поздно, да и не получится у тебя.

— Прости, малышка, но мне пора идти. Поговорим об этом позже.

Лаура недовольно закусил губу, но противоречить не стала, молча наблюдая как я одеваюсь.

— Не задерживайся долго в кровати. Сегодня чудесный день!

— У меня кончились деньги, — буркнула она.

Женщины!

— Возьми в ящике стола. Я оставлял. Там должно хватить.

Я уже развернулся к двери, схватившись за ручку, когда ее тихий голос, больше похожий на просьбу, ударил в спину:

— Почему ты никогда не приглашал меня к себе домой? Я еще не заслужила?

Раздражение медленно поползло в груди, затронув те струны, каких не стоило касаться. И Лауре, прежде чем задавать подобные вопросы, следовало бы хорошенько подумать. Ей ли жаловаться?

Но подоплеку вопроса я уловил прекрасно. Девушка метила куда выше чем простая любовница, считая, что у нее есть все шансы.

— Если тебя что-то не устраивает... — с этими словами толкнул дверь, нажимая на ручку и вышел, хлопнув с такой силой, что не понять к чему может привести этот разговор было невозможно.

Домработница молодая розовощекая Ния ждала меня в коридоре, нервно заламывая руки. А, увидев с каким лицом я вышел из комнаты, еще и побледнела, втягивая голову в плечи.

— Там, — она указала в сторону гостиной, — вас дожидается господин Рэй. Что-то случилось!

Мне не понравился ее тон. Видно было, что Ния правда чем-то встревожена. Прошагал мимо нее, распахивая двери с резными стеклами в гостиную, где нервно постукивая фалангами пальцев по столу, ждал мой управляющий.

— Утра, Рэй! Какие черти выдернули тебя из постели, заставив искать меня в такую рань? Что стряслось?

Я уселся на диван напротив него, закидывая ногу на ногу.

Рэй дернулся, меняясь в лице.

— Сегодня напали на доставщиков кристаллов. Целая партия товара! Самые ценные камни.

— Чтооо? — меня словно оглушили. В глазах потемнело от злости. — Кто посмел?

Один раз в год с моих рудников вывозили особо редкие кристаллы, которые стоили баснословных денег. Под усиленной охраной, в специально обозначенный день. Инкогнито.

Дату вывоза до последнего всегда держали в тайне, чтобы не было утечки информации.

— Разбойники. Мы смогли взять только троих. Среди них одна девушка. И, конечно, они утверждают, что не причастны и не виноваты. Официальные службы мы пока не поднимали. Сам понимаешь какой тогда разгорится скандал. Это ударит в первую очередь по нашему имени. Но свои люди уже ищут.

— Твою ж мать! Как? Как такое могли допустить? Какие к черту разбойники, когда у охраны энергетические верты? Они что — не

смогли справиться с кучкой отребья с палками вместо оружия? — меня, буквально, затрясло от бешенства.

Руки зачесались в желании сломать чью-то шею.

— Не знаю, Тамин, там все слишком странно. Охрану положили практически разом, но кто-то успел маякнуть допу.

— И?

— Часть товара они не успели забрать. Ищейки уже пошли по следу.

Я сдавил переносицу, прикрыв глаза и пытаюсь успокоиться. Эти камни имели огромную ценность и поставлялись только членам королевской семьи и ее родственникам. Иногда — особо отличившимся за какие-то заслуги. И ежегодно эту партию ждали с большим нетерпением.

Это был настоящий удар! А если камнями начнут торговать из-под полы? Если кристаллы начнут продавать перекупщики?

Нет, такого нельзя было допустить!

Это будет полный крах моей рудниковой компании. Камни добыть потом не проблема, а вот замаранное имя восстановить...

Нужно действовать быстро. Время играет против нас.

— Где эти трое, которых поймали?

— У охраны, в казематах.

— Мне нужно их увидеть. Самому! — прорычал, поднимаясь с дивана, чувствуя как руки сами сжимаются в кулаки.

— Хорошо, я провожу, — кивнул хмуро Рэй, последовав за мной.

Он прекрасно осознавал, что и на нем лежит часть вины за случившееся, ведь всех людей, работающих на рудниках он проверял и нанимал сам, следя за чистотой родословной и личной характеристикой каждого. И проворонил когда в коллектив просочилась зараза.

А то, что это была спланированная операция, сомневаться не приходилось. Все факты на лицо.

Добраться до казематов охраны, находящихся в удаленном районе города, на пустыре, не составило труда.

Я редко использую временную материю, предпочитая традиционные способы передвижения, но сегодня у меня не было выбора.

Мрачное двухэтажное здание с зарешеченными стеклами встретило нас оглушающей тишиной и редким карканьем воронья, кружившего

поблизости. Ни деревьев, ни травы в округе. Только выжженная земля и коричневые каменные стены с черными глазницами окон посреди мертвой пустоши. Мерзкое место. Никогда не любил его.

Здесь словно пахнет смертью. Безысходностью. Тоской. И холод пробирает даже в летнюю жару.

Тюрьма в Стэрхане и то выглядела приветливей.

Заколотил в тяжелую кованую дверь на входе.

Охрана приветливо встретила, приглашая войти.

Так не вязались их добродушные улыбки и густая, черная энергетика казематов с их темными, едва освещаемыми коридорами, похожими на подземелье.

Я сам когда-то выкупил это здание, давно заброшенное, отремонтировал и оставил на случай, когда происходили какие-то форс-мажоры. Сюда привозили особо провинившихся на перевоспитание. Это в тех ситуациях, когда люди осознавали и исправляли свои ошибки.

Если же нет, то их отдавали на суд официальным органам правопорядка. И там уже человек вкушал все прелести наказания. Но до такой меры редко кто доводил. Обычно одумывались раньше. Все-таки наш суд не самый гуманный в мире.

— Что-нибудь рассказывают? — спросил у охранника, пока тот искал ключ от камеры пленников.

— Нет, ивин, повторяют, как мантру, что они не при чем, что не разбойники. Мы уже грозили, но до вашего приезда не стали их трогать. Пока только пытались поговорить. По-хорошему.

О да! По-плохому тут тоже умеют! Усмехнулся, разглядывая пол под ногами с разбитой, местами пожелтевшей, плиткой.

Дверь натужно скрипнула и медленно подалась.

Я шагнул следом за двумя охранниками, что прошли вперед и встали по бокам.

На грубо-сколоченной деревянной лавке сидели трое: молодые парень с девушкой и на другом конце пожилой мужчина.

Парнишка бережно укрыл спутницу пиджаком, прижимая к груди. Сладкая парочка? Так даже проще.

Интересно, как скоро они расколятся и кто из них первый не выдержит?

— Ну, здравствуйте, господа преступники, — засунув руки в карманы и расставив широко ноги, я предвкушающе улыбнулся. —

Поговорим?

— Мы уже все рассказали. Вы не услышите от нас ничего нового. Вам не стоит терять время. Ищите лучше настоящих преступников! — выпалил с жаром паренек.

Я заметил, как он сильнее прижал к себе девчонку, ободряюще глядя ее по плечам.

Она сидела низко опустив голову, возможно, плакала. Длинные светлые волосы каскадом струились по плечам и груди, скрывая лицо их обладательницы.

— А вы, похоже, таковыми себя не считаете? Забавно! — протянул я, не отрывая взгляда от девчонки.

Что-то в ней было притягательное, отчего я не мог отвести взгляд, а внутри зашевелилось странное чувство узнавания. Дежавю. Откуда?

— Нас подставили специально. Мы честные люди!

— Честные люди разбойниками не становятся, — процедил, понимая, что по-хорошему они мне ничего не расскажут, а ждать и уговаривать их времени нет. Да и с чего вдруг жалеть их? У меня слишком многое поставлено на кон. Деньги, имя, моя империя кристаллов!

— Отпусти девчонку. Пусть она подойдет ко мне. И не вздумай сопротивляться, обоим хуже будет. Особенно ей, — добавил предостерегающим тоном, видя, как при моем требовании паренек дернулся и поменялся в лице. Ага, значит, будет легче разговорить. — Ну же, я жду!

— Не трожьте ее! Не виновата она ни в чем. На нас разбойники напали, схватили, сказали, если мы выполним ряд их условий, они отпустят нас. Я согласился. Это я во всем виноват.

— Силах! Нет! Не говори так. Я тоже там была и так же в равной степени виновата, — внезапно ожила его спутница.

— Молчи!

Девчонка откинула волосы с лица, вырываясь из объятий парня и шагнула ко мне, глядя прямо в лицо.

А у меня сердце пропустило удар, разом ухнув куда-то вниз. И мир покачнулся, ломая рамки реальности.

На меня смотрели сапфировые глаза, сверкающие сквозь слезы. Те самые, из моего прошлого. Мое наваждение. Моя прекрасная незнакомка, след от встречи с которой я долгое время вытравливал из

памяти вином и сотнями разных женщин.

Та, что лишила меня своим нежным образом душевного покоя. Которая разъедала мозг, словно кислотой, воспоминанием о своих нежных губах с ароматом карамели и ванили. Да, черт возьми! Я даже это до сих пор помнил.

Девочка-мечта. Она была одновременно так далеко и так близко от меня.

А ведь я надеялся, что с появлением Лауры в моей жизни избавился от своего безумия под именем Армила.

И теперь, стоя напротив нее, глядя в эти синие омуты, понимал насколько я заблуждался.

Смотрел и ощущал, что тону в них. Нет, не так — меня засасывает, как в болотную топь! Чувствую, как погружаюсь в них настолько глубоко, что уже не хватает воздуха и тяжело дышать. Тело немеет от нехватки кислорода.

Шагнул навстречу, приподнимая за подбородок, борясь с бешеным желанием впиться жестким поцелуем в эти нежные розовые губы.

Я даже забыл где нахожусь и с какой целью.

Провел пальцем по ее щеке. Кончики подушечек закололо в этом месте тысячами иголок.

Насколько же я был глуп, возводя вокруг себя карточные стены в надежде, что они защитят меня от чар этой ведьмы. От себя самого. От смертельной опухоли, что дала корни по всему телу, въелась в каждую клеточку.

И понимаю, что лечу в пропасть. Не один.

Вместе с ней. Потому что в ее глазах за плохо скрываемым страхом я увидел еще кое что.

Сладкая дрожь предвкушения мгновенно прострелила тело.

Она меня узнала...

5. Армила

Всевышний, помоги! За что мне это? Чем я провинилась, прогневала тебя настолько, что ты посылаешь мне такие испытания?

Разбойники жестоко обманули, пообещав свободу, заставили участвовать в нападении на промышленный фургон, груженный, как оказалось, драгоценными кристаллами, использовали нас как приманку.

Я знала, что они нападают на торговые фургоны, грабят, убивают, но только столкнувшись в реальности с ними, поняла насколько это страшные и беспринципные люди. И только теперь осознала, что все введенные наказания для них очень даже заслуженные.

Эти твари использовали какой-то запрещенный вид оружия, оглушив и дезориентировав охранников на небольшое время.

Я видела энергетические верты у сопровождающих фургон, но они не успели ими даже воспользоваться. Все произошло слишком быстро.

Преступники убили троих мужчин, перерезав им горло, не смотря на то, что те не могли даже сопротивляться, не то чтобы защищаться!

Они успели скрыться почти сразу, а нас с Силахом схватили, ранив перед этим моего жениха, когда он пытался сопротивляться.

Откуда появился еще один мужчина, которого взяли вместе с нами, я не знаю. Но в банде его точно не видела. Возможно, он и правда оказался случайным свидетелем, а его спутали с нападавшими.

Финал неутешительный: нас повязали и привезли в сырую, холодную камеру какого-то странного здания на окраине города.

И что теперь ждет — даже представить страшно. Тем более, когда я узнала кому принадлежат камни, похищенные разбойниками!

Тамин Шантарэ! Один из богатейших миаро королевства, дальний родственник правящей семьи по линии королевы и влиятельный член палаты Высших Господ!

Мамочка родная! Как же мы влипли!

Что ждало за подобную выходку? Разве кто-то станет разбираться заставили нас или мы сами решили поучаствовать в нападении?

Огромные деньги всегда представляли искушение для бедных людей. Только я никогда не гналась за богатством, не нужны мне драгоценные кристаллы, не об этом я мечтала в жизни. Но кому это

докажешь теперь?

Я, как могла перевязала кровоточащую рану на боку у Силаха, понимая, что тут нужна квалифицированная медицинская помощь. А я не лекарь и не врач.

Охрана в тюрьме отказалась помочь в этом пока мы не расскажем где кристаллы, либо пока не приедет сам хозяин.

То, что он вот-вот появится собственной персоной сомневаться не стоило.

И мы терпеливо ждали.

Силах успокаивал меня, рассказывая добрые смешные истории из нашего прошлого, уверял, что все будет хорошо и власти поймают и разберутся с разбойниками, а сам порой скрипел зубами от острой боли в боку. Думал, что я не слышу, не вижу, не чувствую.

А я кляла себя, осознавая насколько виновата в случившемся.

Наконец, заскрипела дверь, распахиваясь, пропуская в камеру троих человек.

За это время я настолько чувствовала себя измученной морально, так накрутила себя, что мысленно успела похоронить нас.

Не сразу среагировала о чем заговорили Силах с миаро. И только после нескольких фраз до меня дошло, что он пытается меня выгородить, взять всю вину на себя!

Это и привело в чувство.

— Силах! Нет! Не говори так. Я тоже там была и так же виновата, — я аккуратно пыталась высвободиться из его рук, не причинив боли.

— Молчи!

Но теперь меня уже было не остановить. Виновата в первую очередь я! Из-за моей глупой прихоти все произошло, мне и отвечать.

К тому же, есть надежда, что по отношению к женщине наказание будет менее суровым. Все-таки я — будущая мать и это еще ценилось в нашем мире.

Я хотела уже было направиться в сторону своего палача, но так и застыла на месте.

Это был Он. Я его узнала!

Тот самый миаро, что останавливался у нас в таверне несколько лет назад.

Кажется, мы приговорены...

Оставалась еще крохотная надежда, что он не узнает в стоящей перед ним грязной оборванке с испорченным платьем, со спутанными волосами молодую разносчицу, которая не просто отказала ему когда-то, но и умудрилась залепить пощечину.

Такое не прощают! И в его глазах тогда я прочла приговор.

Но сейчас его стального цвета очи выражали лишь презрение и ненависть. Острую, как лезвие бритвы. Если и узнал, то вида точно не подал.

И, наверное, его можно было понять.

— Вот видишь, девушка уже признала себя виновной, — произнес он, издевательски растягивая слова, — с ней гораздо интересней будет общаться. И, думаю, продуктивней. А еще чистосердечное признание...

— Не виновны мы! — взревел Силах, вскакивая со своего места.

Обернувшись, я с ужасом увидела, что самодельная повязка на боку пропиталась кровью и он бледный, едва держится на ногах.

— Пожалуйста, помогите ему, он ранен. Я вам все-все расскажу, обещаю! — кинулась я к миаро, готовая даже встать на колени, лишь бы помочь жениху.

Меня остановил его странный взгляд. Радужка глаз потемнела, черты лица заострились, приобретая хищное выражение.

Мне на мгновение даже стало страшно. Попробуй разбери что с ним творится!

У нас много слухов ходило про их расу. Что-то выглядело слишком уж фантастически. Кто-то поговаривал, что они могут управлять волей человека при желании, кто-то рассказывал, что раны серьезные затягиваются под их руками. Они частично умеют управлять временной материей и совершать мгновенные переходы в любой уголок нашего мира.

Но что сейчас происходило с ним?

Миаро медленно моргнул, словно стряхивая оцепенение.

Руки сжал в кулаки и спрятал в карманы брюк.

— Девушку определи в отдельные апартаменты, а этих двоих допросить, — кивнул он охранникам.

— Подождите! А как же врач? — крикнула я уже ему в спину.

Сердце бешено колотилось от страха, от злости на себя и свою беспомощность. Я ведь пообещала, что все расскажу, неужели этого мало?

Хотя, понимала, что рассказывать мне нечего, но как еще добиться от них помощи?!

— Не переживай, не сдохнет твой... подельник, — миаро застыл в проеме двери, не оборачиваясь.

Последнее слово он выдал из себя, долго подбирая его перед этим.

Меня схватил за локоть один из охранников и потащил вон из камеры, где метался, как раненый зверь, Силах.

Дверь захлопнулась перед его носом и я слышала, как он кричит, колошматя ее с той стороны, как сыпет проклятиями и умоляет не причинять мне вреда.

Все будет хорошо! Обязательно!

Это недоразумение.

Я шла по тусклому коридору и мысленно повторяла эти слова как мантру, с силой стиснув зубы, искренне надеясь, что миаро Тамин мне поверит.

6. Тамин

Я должен успокоиться, должен взять себя в руки, должен выпустить пар пока не разнес, к чертям, эту казарму!

Внутри бушевал какой-то сумасшедший вулкан, уничтожая мое самообладание, трещавшее по швам рядом с этой девчонкой. Подумать только!

Ведьма! Один взгляд, одна умоляющая просьба за другого мужчину и я без суда готов разорвать на части того, за кого она просила.

Когда и на кого еще я реагировал настолько остро? Чтобы с трудом контролировать ситуацию и практически совсем не контролировать себя?

Я ведь едва сдержался в их камере, чтобы не сорваться и не выпустить разрушающую силу миаро.

Голову сжало, словно в тиски. Во рту появился соленый привкус крови.

Выдохнул, зажмурившись, и сжал переносицу двумя пальцами.

Что такого могло произойти в жизни юной девчонки, что толкнуло ее на такую скользкую дорожку?

Все знают — век преступников недолог. На что надеялась она, ступая на неверный путь?

Деньги? Легкая нажива? Красивая жизнь?

Тогда почему, проклятье, она не согласилась на мое предложение в прошлом?

Была слишком молода? Так я подождал бы.

Не успела почувствовать вкус жизни и легких денег?

Эти мысли взрывали мне мозг.

Мне нужно остыть. И трезво подумать. Тем более ситуация пока в моих руках и под контролем.

Я зашел в первое попавшееся питейное заведение, не глядя на вывеску.

Кристаллы! Задача номер один.

Мои люди продолжали поиски, но пока результаты оставались нулевыми. Ничего. Тишина.

Оставалась надежда на того смертника, ее сопровождающего.

Назвать его каким-то другим словом язык не поворачивался, хоть и понимал, что для девчонки он гораздо больше чем просто друг.

Видя с каким жаром она его защищает, как в ее глазах плещется искренний страх за его судьбу, я реально был недалеко от того, чтобы сломать ему шейные позвонки. Одним движением.

Еще немного и я точно не удержался бы от такого искушения. Особенно, учитывая каким взглядом на нее смотрел этот выродок! Как на жену, на любимую, на невесту!

Или...?

Услышал хруст и с удивлением обнаружил, что сжимаю в руках осколки стекла, еще недавно бывшие стаканом.

Прозрачная жидкость сочилась между пальцами, смешиваясь с выступившими каплями крови и красными дорожками стекала к запястью.

— Ивин, что случилось? О, ужас, у вас кровь! — рядом со мной нарисовалась молоденькая дева в форменном платье.

Я окинул мутным взглядом разносчицу, не понимая толком чего она хочет.

Широкие бедра, плавная линия талии и торчащая грудь. Фигурка что надо. Выше я не стал подниматься взглядом.

— Вам нужно срочно обработать рану. Пойдемте со мной, на кухне есть аптечка.

Разжал руку, стряхивая налипшее стекло.

Она потянула за собой и я послушно пошел следом.

— Потерпите немного, — наливая какой-то гадости на кровоточащие раны, прошептала девушка.

Склонилась за бинтом, отматывая нужный кусок, а у меня в голове щелкнуло. Вот то, что мне сейчас нужно!

Огляделся вокруг: мы зашли в небольшую комнатку с мебелью. Вокруг никого. Только старые столы и стулья с отломанными ножками.

Толкнул дверь, закрывая на щеколду и, развернувшись к побледневшей и внезапно притихшей девушке приказал:

— Развернись спиной!

— З-зачем? — пролепетала она, продолжая нервно отматывать бинт.

— Ты же хочешь мне помочь? — понижая голос до хрипотцы, я

двинулся на девчонку, зажимая ее у стены.

— Но я...

— Этого хватит? — кинул на стол две купюры с золотыми нитями. — Или ты здесь за месяц зарабатываешь больше?

Усмехнулся, увидев, как загорелись ее глаза, увидев такую сумму, наблюдая борьбу гордости и жадности, вперемешку с неверием в собственное везение.

А уже через минуту по-хозяйски оглаживал ее оголенные прелести, повернутые ко мне нужным ракурсом. Запустил два пальца внутрь ее дырочки, проверяя готовность. Поласкал клитор, пока девчонка тихо не застонала, прогибаясь в пояснице.

Меня слишком бомбило, чтобы терпеливо ждать, пока она разогреется. Я заплатил не за ее удовольствие.

Приспустил штаны, высвобождая налитый кровью член, приставил головку к ее входу и одним резким движением вошел в нее.

Разносчица взвизгнула, не ожидав такого напора, хватаясь за стоящей перед ней стол с потрескавшимся от времени коричневым покрытием, впиваясь в него короткими ногтями и оставляя на пыльной поверхности следы от пальцев.

Схватил девчонку за длинный хвост, заставив запрокинуть голову назад и со всей дури начал долбиться в нежную глубину, выбивая до безумия приятные для меня сейчас звуки. Хотел жестко, больно и без компромиссов.

А перед глазами все равно разбойница стоит со сверкающими в слезах сапфирами, просит за своего дружка, готовая ради него на каторгу.

Сукааа!

Врезал с размаха ладонью по попе извивающейся подо мной девахе так, что на нежной светлой коже проступил алый отпечаток. Когда она спиной, когда не видно лица, легко представить на ее месте ту, которая не отпускает в мыслях, которую хочется драть до помешательства.

Еще пара звонких шлепков, не убавляя темпа, грубо вколачиваясь в хрупкое девичье тело, стиснув его руками до синяков, пачкая собственной кровью.

Перед глазами всплыл фрагмент из прошлого, когда целовал свою преступницу, дурея от собственных ощущений, готовый полмира положить к ее ногам и как спустила с небес на землю, посмев унижить

отказом.

Задвигал бедрами быстрее, чувствуя как злость сливается с подступающей разрядкой, закручивается внутри, и меня начинает трясти от переизбытка.

Несколько жестких толчков под визги девчонки и едва успел вытащить ствол из нее, фонтаном кончая на покрасневшие ягодицы.

— Зверь, — словно сквозь вату донесся женский голос.

Прислонился спиной к стене, откидывая голову немного назад, пытаюсь выровнять дыхание и прийти в себя.

Кровь все еще шумела в ушах, набатом отдавая в голову. Ноги ватные. А вот легче ни капли не стало.

Еще и горечь во рту прибавилась. До омерзения.

Смотрю на раскрасневшуюся разносчицу, что довольно улыбаясь, натягивает тонкие кружевные трусы под коричневое платье и противно становится.

Девчонка уже не казалась симпатичной, а ее упитанный зад, которым она намеренно пыталась крутить у меня перед носом, начал глухо раздражать.

— Я здесь работаю по четным числам, — подмигнула она, глядя полупьяным от желания взглядом.

— Угу.

Вряд ли я еще раз захочу зайти в это заведение. А вот кровоточащую ладонь надо все же перевязать.

И провести допрос пленницы. Все же основная часть напряжения снята и сексуальный голод частично утолен.

Как же я сильно ошибался, посчитав тогда, что готов к разговору с ней!

7. Армила

Как известно, ожидание неизвестности может свести с ума. Особенно, когда знаешь, что самый лучший друг и защитник, пострадавший из-за меня, может умереть.

Что для богатого, избалованного судьбой хлыща жизнь какого-то разбойника с дороги?

И пусть Силах таковым не являлся, разве это меняло дело?

В народе ходили слухи, что миаро малочисленная раса, пусть и наделенная особыми способностями. И люди для них не более, чем скот.

Нас много, мы плодимся быстрее, в отличии от них.

Дешевая рабочая сила, призванная горбатиться до старости ради их благополучия и процветания.

Были, правда, и те, кто утверждал, что мы живы лишь благодаря им. Что много веков назад на нашу землю напали страшные существа, способные принимать человеческий облик и питающиеся человеческим мясом.

Жуткое время было, когда люди стали бояться выходить из дома, а выйдя — подходить к кому-то из знакомых, в страхе, что он окажется вовсе не тем, кого они знали, а двуликим существом. Боялись возвращаться домой, понимая, что за время их отсутствия оборотни могли занять их жилище.

Сколько это продолжалось — никто не мог сказать, но именно тогда появились миаро — новая раса существ, вставшая на защиту простых людей.

Не отличаясь внешне, они превосходили человечество по многим параметрам. И именно они смогли вытеснить с основных земель чудовищ, оградив энергетическим щитом, сквозь который тем уже было не пробиться.

Правда это или легенда — неизвестно. За территорией нашего государства шла Бескрайняя Вода, противоположных берегов которой не знали, а густые туманы, что никогда не рассеивались, отсекали любые попытки исследовать и узнать о них.

К тому же, еще на подходе начиналась строго охраняемая граница. Тоже непонятно от кого.

Чудовищ мы не встречали, а тех, кто мог их видеть, чтобы подтвердить, давно не осталось в живых.

Миаро растеряли ореол святости и их образ спасителей давно размылся в глазах людей, уступая место куда более реальному портрету порабощенных.

Не знаю сколько времени я находилась в отдельной камере, но для меня эти часы, а может всего лишь минуты, растянулись на целую вечность.

Я мерила шагами комнатку от стенки до стенки, чувствуя, как внутри копится обида и злость. На ситуацию, на себя, на ивина Тамина.

Неужели так трудно выделить несколько минут и выслушать?

Я ведь сама вызвалась все рассказать ему. Все, что знала, что удалось увидеть у разбойников. Все имена, обрывки разговоров, указать точное место, где они нас ждали в засаде. Возможно, по этим мелочам удастся выйти на их след?

Но нет, у ивина, видимо, были планы поважнее нас. И наши жизни ему безразличны.

У него камни на уме! Баснословно дорогие кристаллы. Я лишь краем глаза увидела часть из них, когда разбойники вскрывали фургон. Такую красоту разве что на короне королевы можно увидеть.

А нам, простым смертным, и на один такой камушек за всю жизнь не заработать.

За дверью слышались шаги. Сердце встрепенулось, застучав быстрее то ли от радости, то ли от страха. Мощный выброс адреналина в кровь и у меня предательски задрожали руки.

Он зашел в камеру один. Излучающий силу, уверенность, опасность, завораживая своей мужской красотой.

Невозможно остаться равнодушной. Только такие мужчины остаются недостижимой мечтой, которую прячешь в укромном уголке памяти, чтобы потом, оставшись как-нибудь одной, вынуть ее, как великую драгоценность и долго смаковать, перебирая редкие моменты общения, когда тебя коснулся его взгляд.

Да и чудес в жизни не бывает. Никогда миаро не снизойдет до простолюдинки. Максимум о чем можно мечтать: стать развлечением для него на пару ночей или, если уж совсем повезет — возьмет на роль акхе.

— Ну что ж, иви Армила, пришла пора поговорить откровенно? —

его голос грубо выдернул меня из размышлений.

Дернулась, понимая, что все это время я восторженно любовалась им, пуская слюни как последняя наивная дурочка. Своим палачом!

— Да, я ждала вас, — кивнула, наконец, найдя в себе силы встать перед ним, краснея и отводя взгляд.

Я не могла успокоиться, не получалось собрать мысли воедино, когда он рядом. В горле пересохло и волнение не хотело уходить.

Но поговорить надо было и я все же взглянула ему в глаза, кожей осязая его злость и негодование на меня.

Наши взгляды встретились.

Я вдруг почувствовала, как меня затягивает воронка из расплавленной ртути, не понимая, что происходит, что сказала или сделала такого, отчего миаро сейчас пребывал в таком безумном состоянии.

Да, он сдерживался, внешне оставаясь спокойным, но не ощутить, не прочувствовать ударную волну его эмоций было невозможно.

У меня волоски на коже встали дыбом от подсознательного страха. Всевышний, не оставь меня!

— Я очень рад слышать это, Мила. Можно я буду обращаться к тебе по имени и на ты? — он издевательски усмехнулся, шагнув ко мне, сокращая расстояние до критического, давя своей энергетикой, словно хищник, загоняя добычу в угол.

Вопрос был риторическим и, даже если бы ответила "нет", ничего бы это не поменяло. Он просто не оставлял мне выбора.

Кивнула послушно и инстинктивно отступила.

— Вы хотели узнать все, что произошло там, на дороге. Я расскажу. Все расскажу, обещаю! Только, пожалуйста, вы обещали помочь моему... — чуть было не вырвалось "жениху", но стальной блеск в глазах Тамина оборвал мою речь, заставив чуть ли не подавиться этим словом, — Силаху.

— Твоему Силаху?

Сзади стена. Отступать дальше некуда и по спине покатались капли холодного пота. А миаро медленно приближался. Как зверь.

Красивый и опасный.

— Он мой друг. Детства. Мы выросли вместе.

Я не понимала, что происходит, сжав руки в кулаки, но внутреннее чутье подсказывало, что мужчину выводит из себя даже упоминание о

Силахе. А шестое чувство орало, чтобы я вообще заткнулась, закрыла эту тему и рассказывала о банде, что напала на фургон, а не о делах своих амурных.

— Я не обещал такого, — подойдя почти вплотную, тихим угрожающим тоном произнес миаро.

— Но...

— Но я дам тебе возможность спасти своего друга. При условии.

— Каком?

— К этому мы вернемся позже. А пока, Мила... Я хочу послушать твою версию случившегося.

8. Тамин

Я стоял рядом с ней и просто терял голову. От ее запаха, от близости тела, от нежного румянца на щеках. А ее неподдельные растерянность, страх, беспомощность... ммм!

Она пахла молодостью, невинностью и еще чем-то одурманивающим, таким, что у меня напрочь сносило крышу от одного взгляда на нее.

Никогда за всю свою жизнь не встречал такого аромата от женщины. Хотя, девственницы у меня были.

Я едва держал себя в руках, чтобы не сорваться, не растерзать ее прямо здесь, разложив на жесткой лавке или грязном полу, оттрахав жестко, до болезненных криков и искусанных в кровь губ. Чтобы успеть самому сорвать этот цветок, заставив забыть ее всех "друзей детства", о которых девчонка так переживала, чем вызывала во мне взрывную волну лютой ревности.

Но для начала нужно разобраться с кражей.

И приходилось выдергивать сознание из густого тумана собственных эротических фантазий, где я практически переставал себя контролировать.

Указал ей кивком головы на лавку, а сам отошел к окну, ощутив почти болезненное разочарование от невозможности ее коснуться.

Тело взбунтовалось, отказываясь подчиняться, протягивая к ней невидимые ментальные ниточки.

Успокаивало лишь, что это ненадолго. Девчонка полностью в моей власти, не важно виновата она на самом деле или нет. Я в любом случае смогу вывернуть дело в свою пользу.

— Рассказывай с самого начала. Как ты оказалась среди разбойников?

— Началось все с того, что к нам на праздник явились неизвестные миаро с охраной, заявив, что я обязана ехать с ними в столицу.

— Миаро? За тобой? — сам не понял что испытал, услышав от нее подобное.

Злость? Раздражение? Подозрение того, что ее чуть было не увели у меня из-под носа? Бред какой-то!

— Да, их было трое. Они даже не объяснили нам зачем и кому я понадобилась. Сказали, что меня нужно срочно доставить в столицу, а всем кто помешает это сделать... В общем, порекомендовали не делать этого, — опустив низко голову так, что волосы закрыли ее лицо, тихо продолжила Армила.

— Ты кому-то перешла дорогу? Обещала стать акхе для кого-то?

Из меня словно энергетической волной дух вышибли, лишив возможности дышать. Я ведь периодически посылал своих людей отслеживать жизнь девчонки. Только последние полгода закрутили в карусели дел так, что я временно забыл о ней. И чуть было не упустил ее.

— Нет! Вы можете проверить, это правда. Они заявили прямо на праздник. Куча свидетелей может подтвердить.

Мила обреченно покачала головой. Значит, не врет. Это действительно легко узнать и я обязательно проверю. Кому она могла понадобиться? Кто-то тоже запал на ее красоту и обаяние?

— Дальше.

— Я испугалась. И мама... она так переживала, плакала, словно что-то знала или ей угрожали. Я отказалась идти с ними временным тоннелем и решила ехать обычным транспортом. Не знаю на что надеялась. Сбежать, наверное, — Мила закрыла лицо руками, вслипнув, но тут же взяла себя в руки, продолжив, — а в дороге рано утром на наш экипаж напали. Я не видела что случилось с охраной, но, судя по разговорам, их всех убили. А нас заставили участвовать в нападении. Сказали, отпустят, как только мы выполним свою роль. Мы не знали кого они собирались грабить, но выбора у нас не было. Иначе, они пригрозили, что Силаха убьют, а меня... меня пустят на развлечение. Или продадут, если выживу после них.

С каждым ее словом я чувствовал как внутри меня зверь скалился, грозя сорваться с поводка. Я найду их. Всех, кто так или иначе имел отношение к разбою и нападению.

— Они тебя тронули? — процедил сквозь зубы.

— Нет, — замотала головой девчонка, глядя на меня своими огромными невинными глазищами, — у них не было времени. Они пытались меня захватить в конце с собой, но я вырвалась, да и Силах помог, а там уже и подкрепление ваше примчалось. Теперь вы понимаете, что я... что мы не виноваты. Нас заставили!

Последнюю фразу она почти выкрикнула. А я вдруг понял, что ей некуда деваться и при любом раскладе она полностью зависит от меня, от моего решения.

Понимание этого факта приятным теплом растеклось внутри грудной клетки.

— Допустим, что так. Но это не отменяет вашего участия в нападении на фургон. И где гарантия, что вас именно заставили? Ты ведь сама сказала, что хотела сбежать от охраны и что мешало вам присоединиться к бандитам с дороги, убив их руками сопровождение? А те, взяв вас на дело, просто не пожелали делиться и бросили? Разве такой вариант невозможен? — прищурившись, посмотрел на нее, сканируя взглядом, пытаясь уловить малейшую смену эмоций на лице.

Осталось только выяснить что за миаро приезжали за ней и с какой целью. Причем, сделать это нужно не привлекая внимания.

— Я бы никогда...

В ее глазах задрожали слезы. Красивые, прозрачные капли переливались на свету подобно драгоценным камням. Захотелось обнять ее, прижать к себе, высушить губами каждую, стереть с лица это выражение и заставить улыбаться мне. Так же искренно и открыто. И я добьюсь этого, пока не знаю как, но добьюсь!

— И, тем не менее, Мила, даже в том случае, если все рассказанное тобой правда... — я сделал многозначительную паузу, наблюдая за ее реакцией, — если я сейчас сдам тебя с другом официальным властям, вы все равно предстанете перед судом. Знаешь какое наказание вас ждет?

Она замотала головой, глядя на меня с затаенным страхом.

— Десять лет тюрьмы и клеймо позора на ваших домах. Родителям запретят иметь свое дело, а значит, они лишатся дохода и вашим братьям будет закрыт путь в высшие учебные корпуса в будущем. И это при условии, что вы сможете доказать суду, что вас действительно принудили участвовать в вылазке разбойников. В противном случае пожизненная каторга или казнь. Всех совершеннолетних членов семьи. С преступниками у властей разговор короткий.

Я специально говорил медленно, растягивая слова и наслаждаясь произведенным эффектом. И это была не ложь! Разбойники не просто грабили, они убивали с особой жестокостью, сеяли смуту среди людей и наносили огромный урон королевской казне. Эти твари пытались

раскачать, ослабить сильное государство изнутри, поэтому меры против них введены были самые суровые.

— Но вы ведь этого не сделаете, так? Раз рассказываете мне все это, — прошептала девушка, вцепившись руками в лавку, на которой сидела так, что побелели костяшки пальцев.

— Возможно.

— Чего вы хотите?

О, да! Вот он, мой долгожданный момент! Как же давно хотел это услышать!

Подошел к ней максимально близко, нависая сверху так, что ей пришлось задрать вверх голову. В глазах страх, ожидание и мольба.

Руки задрожали от желания дотронуться до нее, почувствовать ее кожу под своими пальцами, втянуть ее аромат в себя. Я стоял, как зависимый перед дозой сильнодействующего вещества, борясь сам с собой и понимал, что проигрываю. Меня трясло как от сильнейшей ломки, перекручивая изнутри тугими канатами, лишая возможности дышать. Я просто безумно хотел ее!

— Несколько лет назад, путешествуя по делам инкогнито, я остановился в небольшом провинциальном городке, в уютной таверне, перекусить и увидел очень милую молодую девушку, — не выдержал, коснувшись ее волос, запуская в них пальцы, заметив, как Мила стала часто и тяжело дышать, — я очень захотел познакомиться с ней поближе, но первая же моя попытка была жестоко пресечена самым оскорбительным образом.

Кровь мощным напором била в голову, отдавая набатом в ушах. Я слышал гулкие удары собственного сердца, которое колотилось в районе горла и свое тяжелое дыхание.

Член рвал ткань брюк, едва помещаясь в них, перехватывая способность думать у разума, и я чувствовал, что нахожусь на волоске от того, чтобы не сорваться. Даром, что не более часа назад драл в подсобке разносчицу. Ощущение было такое, будто год не трахался, находясь на голодном пайке и сейчас гормоны взрывали мне мозг, давя на опухшие от бешеного желания яйца.

Склонился к уху, с силой стянув волосы у затылка, разворачивая лицом к себе и заглядывая в глаза, дурея от ее близости и алчного желания обладать ею. Прямо здесь и сейчас!

— Я хочу тебя, Мила! Хочу всю, без остатка, в личное пользование

с твоим добровольным согласием!

9. Армила

— Вы не можете... Против моего согласия, — мне едва хватало воздуха говорить, — это будет расцениваться как изнасилование.

Его рука настолько стянула волосы на затылке, что от боли невольно выступили слезы.

Я была готова закрыть глаза от страха, но его взгляд держал меня словно на крючке.

Никогда не видела миаро Так близко и в таком состоянии! Радужка его глаз переливалась серебром, меняя цвет от светлого к темному, искрилась, притягивала внимание и гипнотизировала.

Я как замороженная смотрела на него: на темные густые брови, правильной формы нос, чувственные губы и упрямый подбородок. Красивый. Очень. Прямо какой-то порочной красотой. Любовалась и взгляд не могла отвести, что как приклеенный припечатался к его лицу. На мгновение забыла в чьих руках нахожусь, сраженная мужской энергетикой, феромонами, что дурманили мозг.

Страх постепенно отступал, давая передышку, а вместо него внутри нарастала волна совсем новых ощущений. Незнакомых, тягучих и томительно-сладких.

Вокруг все перестало существовать: стены, потолок, зарешеченное окно, камера, казарма в целом.

Только он и я среди вдруг замершего отрезка времени в безликой вечности Вселенной. Только его глаза, его губы, его дыхание.

— Тамиин, — докатилось слабым эхом откуда-то со стороны моим голосом и нас накрыло!

Я сама неосознанно потянулась к нему, хватаясь за рубашку, загипнотизированная колдовским взглядом. Почувствовала легкое прикосновение его губ к своим. Нежное, невесомое, а следом его язык ворвался в мой рот, обжигая дыханием, поработая и подчиняя себе, хозяйничая, сводя с ума головокружительными прикосновениями, поглаживаниями, точно находя самые отзывчивые эрогенные точки. Я перестала чувствовать собственное тело, превратившись в податливую субстанцию, растекаясь от удовольствия, от сладкой эйфории, внезапно воспарив в параллельной реальности.

Голова закружилась от нахлынувшего удовольствия, от его безумных ласк, от сладких посасываний, от собственных бесстыдных стонов.

Никогда в жизни не целовалась с мужчиной вот так! Да и вообще не целовалась, не считая целомудренных чмоков Силаха в щечку и того неудачного раза, когда миаро зажал меня в таверне, отхватив пощечину.

Пощечину!

Как яркой вспышкой молнии пронеслись в голове мои постыдные действия и я будто увидела себя со стороны: захмелевшая, как от бочки выпитого вина, бесстыже целовала своего палача, прильнув в его груди, встав почти на носочки, чтобы дотянуться.

— Нет! — выдохнула, грубо оттолкнув ивина от себя, глядя на него со смесью ужаса и отвращения.

Всевышний, как я могла? Что на меня нашло? Я ведь чуть было... Нееет!

Он отшатнулся, все еще тяжело дыша. Взгляд не человеческий. Пугающий. Руки сжал в кулаки, а на скулах желваки заиграли. И стены в камере вдруг загудели, как рой пчелиный.

Мамочки!!!

Я попятилась в сторону двери, чувствуя, как воздух сгущается, как пространство начинает давить. Миаро — не люди и один бес знает на что они способны на самом деле. Бежать! Куда-нибудь. Только подальше от него!

Нащупала за спиной ручку двери, но та не поддавалась.

— Бежать некуда, Мила. Здесь я хозяин и только я решаю кому можно уходить, а кого...

Он не договорил, медленно направившись в мою сторону. Движения нечеткие, смазанные. Он есть в исходной точке и тут же нет — рядом, но где-то сбоку.

Я заморгала часто, пытаюсь понять это зрение меня подводит или какие-то штучки миаро с пространством.

А ивин уже передо мной. Уперся руками в дверь с обеих сторон от моей головы, отрезав путь. Сердце бьется гулко, что я слышу его стук. У миаро есть сердце? Или это мое пытается проломить грудную клетку?

И, словно слепой котенок, пытается губами поймать мои губы. Что с ним происходит?

— Ивин Тамин, — я уперлась кулаками ему в грудь, держа на

расстоянии, — отпустите меня, пожалуйста!

Хотелось бы верить, что это прозвучало не слишком жалко. Но миаро вдруг послушался, сделал шаг назад, взгляд прояснился.

— Я дал тебе выбор, — чуть хриплым голосом отозвался он, — и показал, что ты получишь взамен каторги. А еще условную свободу рядом со мной и обеспеченную жизнь. Выбор за тобой!

Выбор! Какой, к чертям, выбор?

— Вы предлагаете мне стать вашей любовницей?

По его красивому лицу поползла кривая усмешка, искажая черты.

— Для того, чтобы стать моей любовницей, ты должна была родиться как минимум высокородной. Но! Я готов взять тебя на попечение и оставить при себе, а не просто попользоваться!

— Акхе, — обреченно выдохнула я, чувствуя, как земля разверзается у меня под ногами.

То, что я даже в самом страшном кошмаре боялась представить, чего не понимала и не принимала ни разумом, ни душой, теперь проклятием зависло над моей головой. Постельная игрушка, кукла для потехи. Без будущего, без семьи, без детей. Без собственного мнения. Его вещь!

— Да, невинная моя девочка. Заметь, это благородно с моей стороны. Протянуть тебе руку помощи, спасти от тюрьмы и позора, обеспечить до конца жизни. И твоя семья окажется в огромном плюсе. Я уже молчу о том, какое количество женщин мечтают о подобной милости!

— Да уж! — вырвалось нечаянно и я испуганно закрыла рот руками.

Но миаро это, похоже, только позабавило. Засунув руки в карманы, он терпеливо ждал ответа, пока в моей голове от напряжения лопались капилляры.

10. Тамин

Я как пьяный шел по темным коридорам казармы, едва ли соображая куда. Просто по инерции двигался вперед, не реагируя на оклики охраны, что изредка встречалась по пути.

Впервые в жизни я чуть было не потерял рассудок, захваченный страстью к простой человеческой девчонке.

И это откровенно пугало.

У меня было два пути: отдать ее властям навсегда, ну или на очень долгое время, избавив себя от наваждения, либо же действительно заставить/уговорить/обмануть, но сделать своей. И иметь сколько угодно, когда угодно, в любое время и в любом количестве.

Только так.

Второй вариант мне нравился больше. Намного больше.

А пока я просто оставил ее, чувствуя что перестая контролировать себя и могу наделать непоправимых глупостей.

У девчонки в любом случае небольшой выбор, а время поможет ей расставить приоритеты, толкнув в мои руки еще тепленькой.

"Тамин" — всплыл в памяти момент, когда она, закрыв глаза и запрокинув голову назад, так искренно растворялась в моих руках. Сладкая, податливая, манящая. Порочный ангел во плоти! Понимала ли она сама насколько привлекательна и желанна?

А потом снова резко холод и презрение, как обратная сторона монеты.

И ее глаза, наполненные наивным испугом от собственных эмоций.

Она сама, видимо, еще не поняла, не осознала, что тело отреагировало на меня, потянулось и теперь вряд ли успокоится, отзываясь каждый раз, когда она будет думать обо мне.

Понимание этого хотя бы на немного успокоило взбудораженную плоть, теплом разлившись внутри.

Нужно было возвращаться к делам. И к поиску настоящих преступников.

— Найди Алекса, он мне срочно нужен, — поймал за руку спешащего куда-то охранника, — я жду его в своем кабинете.

Тот без слов кивнул, сменив направление и умчался по коридору. А

я направился на второй этаж, в облюбованную в этом здании небольшую каморку, переделанную под удобный современный кабинет с уютным диваном, столом из дорогой черной древесины и шикарным кожаным креслом.

Вдоль стен тянулись полки с необходимыми документами, папками, книгами. Важных бумаг я здесь не хранил, поэтому и необходимости в сейфах и тайниках не видел.

Только официальные цифры, прозрачная статистика и законные задержания. Придраться было не к чему.

У противоположной стены от окна настоящий камин с ручной лепниной. А рядом, с рабочим столом небольшой бар, заполненный изысканными напитками. Зимой здесь особенно уютно, по-домашнему.

Алекс появился на редкость быстро.

— У меня к тебе одно важное поручение. Деликатное даже бы я сказал.

— Выполню в лучшем виде, — кивнул он, но от приглашения присесть на диван отказался, так и оставшись стоять у двери.

Профессионал своего дела. Уважал его еще и за то, что Алекс никогда не стремился воспользоваться положением и перейти к панибратским отношениям, перейдя из разряда "начальник-подчиненный" в разряд "почти друзья".

— Нужно съездить в один городок и, не привлекая внимания, разузнать кое какую информацию для меня. Тем более, объект тебе знаком.

Объяснил в двух словах о ком идет речь и какие именно детали меня интересуют.

Да, периодически я тайно узнавал о жизни малышки.

— Как скоро?

— Туда два дня пути. Два обратно. Максимум через пять дней я должен получить отчет.

— Понял. Могу идти?

Сделал знак рукой и он покинул кабинет, а я еще некоторое время рассматривал закрытую за ним дверь.

Домой я вернулся не в лучшем настроении. Меня словно цепями тянуло назад, в камеру моей соблазнительной преступницы. Я и так с большим трудом покинул здание казармы и сейчас понимал, что такой расклад меня не устраивает.

Мне либо забирать девчонку к себе поближе, либо самому переезжать к ней.

Значит, стоило подыскивать квартиру, куда можно будет ее поселить. И опять что-то внутри меня противилось, требуя определить Армилу поближе к себе, а не мотаться по городу из одного конца в другой.

В конце концов, почему бы и правда не поселить ее в одной из гостевых комнат у себя дома? Места хватит, а когда надоест, тогда уже и озаботиться поиском комнатухи для нее где-нибудь на окраине.

Мои мысли прервал неожиданный гость.

Друг отца и опекун после смерти родителей, второе лицо в королевстве, родной брат правящего монарха и ярый блюститель чистоты крови миаро Арон Ноиссо собственной персоной.

— Давно тебя не было видно, — поднялся навстречу дорогому гостю.

Все-таки Арон в свое время почти заменил мне отца и я многим был ему обязан.

— Я, в отличие от тебя, серьезными делами занимаюсь и служу на благо родины, — беззлобно отозвался мой бывший опекун, усаживаясь на мягкий диван в гостиной и с наслаждением вытягивая ноги.

Несмотря на свой возраст, Арон по-прежнему оставался в прекрасной физической форме. Возможно благодаря постоянным тренировкам, а может просто хорошая наследственность. Среди миаро не было толстых, но некоторые с годами выглядели как обычные люди в преклонном возрасте, учитывая то, что продолжительность жизни нашей расы была почти в полтора раза выше человеческой.

— Так и я вроде не бездельничаю, — пожал плечами, предчувствуя очередной поток морали, но опекун на этот раз удивил:

— Как надоест играть в камушки — приходи. Определим тебя в самые элитные войска. Хотя, ты и так не отвертишься в случае чего. Но я пришел поговорить не об этом.

— Оу! Даже так? Заинтриговал.

— В конце этого месяца я планирую провести званый вечер. Знаешь, я тоже в этой жизни не без греха. Настало время исправлять ошибки, — задумчиво протянул Арон, уставившись в одну точку.

Домработница принесла на подносе бутылку дорогого коллекционного вина и два бокала, оставив их на стеклянном столике.

Я потянулся к бутылке, но дядя жестом остановил:

— Не наливай.

Замер в раздумьях.

— Как хочешь. А я выпью. День сегодня тяжелый выдался. Так что за грехи говоришь?

Янтарная жидкость с приятным звуком полилась в бокал. Поразительно, но дорогие напитки начинали расслаблять еще на стадии любования ими, в предвкушении того, как терпкий вкус заиграет на языке.

— Вот в назначенный вечер все и узнаешь. Хочу на своем примере показать как делать не надо. Кстати, ты обзавелся невестой? Я слышал тебя стали часто видеть с девушкой в обществе.

Покрутил бокал с вином в руке, любуясь цветом напитка, отхлебнул, закрыв глаза от удовольствия, ощущая как яркий букет аромата раскрывается послевкусием во рту.

— Это обычное увлечение, не более. Я еще не созрел для брака.

— Она миаро? — задал свой излюбленный вопрос опекун.

— Высокородная. Без проявления дара.

— Послушай, Тамин, меня очень напрягают твои беспорядочные половые связи! Ты понимаешь к чему это может привести? Вроде уже не мальчик, чтобы не осознавать ответственность. Тебе нужна девушка нашего круга, способная родить сильных наследников, а ты путаешься со всяким сбродом! — он снова оседлал своего любимого конька.

Только вот сейчас я совсем не готов слушать его нравоучения.

— Что ж ты сам до сих пор не женился и не завел спиногрызов? — я вяло огрызнулся, но Арон на мгновение заметно поменялся в лице.

Я чего-то не знаю?

— Мне уже поздно. Не создан я, видимо, для семьи. А наследники у меня есть, пусть и не прямые, — севшим голосом ответил он после минутного молчания, — ты же рискуешь оставить дело своего отца без хозяина. На вечере будут все сливки общества, все самые сильные и влиятельные миаро с открытым даром. Советую присмотреться к их дочерям. И не терять времени.

— Я постараюсь не забыть, — улыбнулся опекуну.

— Ты не понял, Тамин. Ты не имеешь права не прийти. Это приказ члена королевской семьи!

— Может быть приказом еще и женишь меня? — в моем голосе

прорезались взбешенные нотки.

Я уже слишком взрослый, чтобы кто-то распоряжался моей судьбой.

— Тебя то и дело замечают в беспорядочных связях с недостойными женщинами. Ты меняешь их как перчатки. Не находишь, что пора уже перестать сувать свой стручок куда попало? Хоть немного понимаешь к чему может привести твоя ошибка? — пространство вокруг зазвенело от металлического тона опекуна. — А если человеческая женщина забеременеет от тебя? Представляешь последствия?

— Ты следишь за мной? — пнул с размаха стоящий рядом пуфик, вскакивая на ноги.

Вино из бокала, который я продолжал держать, от резких движений выплеснулось мне на рубашку, оставляя желтоватые разводы на белоснежной ткани.

— Черт! — швырнул со злости бокал на пол, каким-то чудом умудрившись его не разбить.

— Сядь! — рявкнул Арон. — Я всего лишь переживаю за тебя! И продолжаю выполнять данную твоему отцу клятву.

— Я уже давно не ребенок и сам в состоянии нести за себя ответственность! — меня все еще распирало от злости.

— Вот именно поэтому ты появишься на званом вечере и выберешь себе невесту, — отчеканил он, — я не позволю тебе загубить свою жизнь.

— Я женюсь тогда, когда посчитаю нужным. Пока в этом нет необходимости.

Я развернулся к нему спиной, ставя точку в разговоре и покидая гостиную.

— Но присутствовать на вечере ты обязан! — прилетело мне вслед.

11. Тамин

Следующие два дня вылились для меня в калейдоскоп срочных дел. Разом свалившись на мою голову.

Арон созвал совещание палаты Высших Господ и долго с пеной у рта орал, что в стране совсем распоясались разбойники, приводя неутешительную статистику их последних нападений.

Я молчал. Даже боюсь представить какая реакция была бы у бывшего опекуна, узнай он о пропаже кристаллов. Но огласки я пока не желал, к тому же мои ищейки уже напали на след похитителей и обещали накрыть их со дня на день.

Однако, было велено активизировать все охранные службы и в ближайшие дни разобраться с этим позорным пятном на нашей совести.

Арон рвал и метал, требуя оповещать его лично о всех пойманных разбойниках и давать координаты камер, чтобы он собственной персоной мог увидеть и...

На этом его заклинило.

Странно. Его так достали разбойники, что он готов был своими руками задушить каждого?

А у меня из головы не шла моя пленница из числа разбойников. И мне совсем не хотелось, чтобы до нее дотянулись чьи-либо руки кроме моих. Тем более Арона!

Мысли о том поцелуе продолжали преследовать даже на важных совещаниях, и я тупо кивал головой, соглашаясь с решением коллег, даже не вникая в суть дел.

Меня тянуло к ней как магнитом, дурманило наваждением, но я знал, что идти к ней в таком состоянии нельзя.

Я сорвусь. И наделаю необратимых глупостей.

Нужно было всего лишь успокоиться и перестать уплывать сознанием к этой дряной разбойнице.

А сексуальный голод я поехал утолять к моей ненаглядной и незаменимой Лауре, которая с преданностью щенка ждала меня в нашем уютном любовном гнездышке, что я снял специально для нее.

Только вот удовлетворения не получил. Мне постоянно мерещились светло-русые волосы вместо шоколадных локонов и

обоняние пыталось уловить аромат карамели с ванилью. Вместо этого же воздух пропитался, приторно-сладким цветочным парфюмом любовницы. И ведь когда-то он мне нравился!

Сейчас же вызывал глухое раздражение.

Все ее улыбки, стоны, ласки — все казалось фальшивкой, дешевой подделкой. Я закрывал глаза, представляя перед собой совсем другие черты лица, чувствуя, что зверею, но все равно не насыщался, только сильнее изводя любовницу.

— Да что с тобой происходит? — не выдержав, взвыла Лаура, отползая от меня на край кровати. — Не прикасайся ко мне!

Тяжело дыша, так и не сумев кончить, я мутным взглядом смотрел, как девушка кутается в простынь, всхлипывая и путаясь в ней.

— Что не так?

— Все не так! Ты не слышишь меня, намеренно делаешь больно, будто мстишь за что-то. Я тебе не кусок мяса! Хочешь жести? Заведи себе акхе и с ней твори свои извращения, а с собой я не позволю так обращаться!

— Уже позволила, — усмехнулся, почувствовав лживые нотки в ее истерике.

И дело было даже не в том, что ей больно или унижительно. Дело в том, что Лаура всеми путями искала рычаги давления на меня. И стоит мне дать слабину, как она клешнями вцепится, даже позволяя мне вести себя с ней, как с акхе.

А так как мы встречались с ней в основном в постели, то и выбор у нее был небогат.

Акхе! Черт! Злость на себя, на свою слабость вновь отравила сознание, впрыснув дополнительную порцию яда.

— Убирайся! — взвизгнула она, указав рукой на дверь.

Подскочил к ней, срывая одним рывком простынь и нагибая в нужную мне позу, вгоняя с силой член и продолжая долбить под ее крики, пока она пытается царапать покрывало и кричать как ненавидит меня. Может даже это и правда. Мне плевать.

— Уйду. Когда. Сам. Решу, — чеканя каждое слово с очередным жестким ударом паха об ее задницу.

Меня трясет от дикой похоти, что не может найти выхода, возбуждение закручивается в безумную спираль и, усилив напор, я, наконец, изливаюсь Лауре на ягодицы с тяжким стоном, и с диким

опустошением внутри. Сваливаюсь рядом на кровать.

Мне плевать что Лаура не получила своей порции удовольствия, что обидится и будет пытаться строить из себя жертву. Вообще не хочу ее видеть. Никого не хочу, кроме той человеческой девчонки.

Прав был Арон, когда советовал прекращать трахать все подряд. С этим надо завязывать.

Я не то чтобы не получаю удовольствия в последнее время — даже напряжение сбросить не удастся! Мне просто никак. Безразлично, словно я выгорел внутри до состояния пустыни.

С этим надо что-то делать и, перед тем, как заснуть, понимаю, что завтра мне придется увидеть Армилу. И как можно скорее подвести к договору, иначе я точно сойду с ума.

12. Армила

Прошедшая ночь стала самым невыносимым кошмаром моей жизни. От моего решения теперь зависело все! Моя судьба, и судьба родителей, младших братьев, Силаха, его родных.

Могла ли я отказаться?

И как отреагируют родители?

Почему-то я была уверена, что они были бы против, узнай с каким выбором столкнулась их дочь и на что почти готова решиться.

Но это моя глупость завела нас в такую ситуацию, а значит, мне и отвечать.

Только как же больно, как горько осознавать, что я никогда не узнаю семейного счастья! Не возьму на руки собственного малыша, не смогу кормить его грудью, радоваться его первым шагам и успехам.

У меня не будет любящего мужа, который всегда поддержит и подставит крепкое плечо.

И вряд ли я смогу видаться с родными.

Обычно акхе увозят из дома и с того момента она теряет связь с отчим домом.

По крайней мере, я не знала ни одного случая, когда после подписания договора девушки имели право увидеть родителей.

Вот и судя по тому как ведет себя Тамин, я очень сомневалась, что у меня в роли его сексуальной рабыни будут какие-то права.

А еще вчера он открыто дал понять, что не забыл моей пощечины в прошлом. И не простил. И внутри холодело от понимания того, что меня может ожидать в будущем.

Какими изощренными способами он будет мстить мне, вымещая обиду за задетое самолюбие.

Сон так и не пришел ко мне, не смотря на то, что вечером прибывший охранник оповестил о том, что миаро распорядился перевести меня в более комфортные условия и мне предоставили уютную, обставленную по-домашнему комнату. О том, что это все же камера напоминали лишь решетки на окнах, да тяжелая добротная дверь.

Мягкая кровать, тумбочка, стол с двумя стульями и даже шкаф для

одежды! А еще у меня были свои ванна и туалет.

В голове мелькнула мысль, что эта комната теперь и станет мне домом на будущие годы.

Ужин оказался приличным, но мне кусок в горло не лез, хотя аромат от тарелки исходил вполне аппетитный.

Всю ночь я мяла подушку, переворачивая ее с боку на бок, утирая уголком наволочки бегущие слезы, но легче не становилось.

А утром, опухшая от слез, растрепаная, надеясь, что представляю из себя жалкое зрелище, ждала своего палача.

В груди теплилась надежда, что увидев меня в таком виде он расхочет иметь дело.

Но Тамин не приходил, видимо, занятый куда более важными делами.

День тянулся нескончаемо долго. Охранники отказывались со мной разговаривать и даже на мои мольбы хотя бы просто кивнуть все ли в порядке с Силахом, жив ли, всего лишь раздраженно фыркали.

Миаро не появился и к вечеру.

А ночью я опять скулила в подушку.

Только теперь прибавились еще и муки голода, потому что есть я по-прежнему отказывалась. Желудок скручивало болезненными спазмами.

Промучившись так до середины ночи, на меня вдруг накатила волна решимости и злости.

Чего я расклеилась и пытаюсь истязать сама себя? Что я могу этим добиться кроме мерзкой жалости?

Встала с кровати, размазав слезы по щекам тыльной стороной ладони. Раз уж я оказалась в такой ситуации, то нужно пытаться зубами выгрызть себе право на достойную жизнь.

Я еще не согласилась, еще не подписала договор, и рано меня хоронить! А с миаро мы еще повоюем!

Вымылась с душистым мылом, переделалась в чистую одежду, что нашла в шкафу — простое синее платье скромного покроя. Размерчик явно был не мой, но, если утянуть в поясе, то почти не заметно.

Съела с удовольствием ужин, который так и не забрали с вечера, фрукты, запила ягодным напитком и, успокоившись, с приятной тяжестью в желудке легла спать, чтобы утром с новыми силами встретить своего врага. Или спасителя. Как повезет!

Но утро принесло новые сюрпризы.

Ближе к обеду, когда я успела все передумать, снова расклеиться, потом опять разозлиться, а в итоге просто смириться и ждать, появился Он!

Сердце как бешеное застучало в два раза быстрее, и по спине побежали мурашки. Ноги предательски подкосились так, что я не рискнула встать со стула, продолжая делать вид, что люблю вид из окна. Все утро сидела, разглядывая пустырь, ожидая хоть каких-то вестей, а сейчас словно парализовало.

— Мне доложили, что ты отказывалась есть. Могу я узнать по какому поводу бастовала? Не устроили условия? Еда? Сервис? А, может быть, это из-за того, что скучала по мне? — прозвучал его издевательский голос.

Я почувствовала как от волнения дрожат руки и спрятала их под стол. Нельзя показывать свою слабость.

Повернулась в его сторону, встретившись с расплавленным серебром во взгляде. Под глазами темные круги, небритый, но все равно безумно притягательный и красивый. Сам дьявол во плоти.

— У вас тоже вид немного, хм... помятый.

Он широко улыбнулся, обнажая ряд белоснежных зубов, прошел до соседнего стула, развернув его спинкой вперед и уселся, широко расставив ноги.

— Это последствия приятного времяпровождения. Бурная ночь была!

Под ребрами неприятно кольнуло. Он был с женщиной! И его невыспавший вид буквально кричал о том, как ему было хорошо пока я рыдала эти две ночи в подушку!

Едкая злость с примесью чего-то нового, обжигающего пронеслась по венам.

Но разве меня должно волновать где и с кем проводит время ивин? Или это простая обида во мне заговорила?

— Мне все равно!

— Замечательно! Красивая, невинная, не ревнивая. Мне нравится. Ты подумала над моим предложением?

Миаро сложил руки на краю спинки стула и уперся в них подбородком, наблюдая хищным, напряженным взглядом за мной из-под полуопущенных ресниц.

В его глазах, словах, действиях чувствовалась скрытая угроза и, несмотря на улыбку, я не могла отделаться от чувства, что сижу в клетке с опасным зверем.

— Зачем вам еще и я нужна?

Он сглотнул, отчего заметно дернулся кадык. Пропутешествовал взглядом по моему лицу, груди, спустился ниже и снова вернулся к глазам.

— Ревнуешь?

— Пытаюсь понять.

— Я привык получать то, что хочу. Ну и иногда лень искать развлечения на стороне.

Я задыхнулась от негодования и чувства обиды. Настолько унижительно прозвучали его слова! Я-то действительно в какой-то момент почти поверила, что понравилась ему и именно по этой причине он хочет меня себе. А все оказалось намного проще!

Да, Армила, пора переставать воспринимать мир глазами ребенка и жить реальностью.

— Мне нужны гарантии, что вы после нашего договора не тронете мою семью и Силаха.

Даже при его прищуренном взгляде можно было заметить, что радужка глаз стала меняться с серебристого на темно-серый, цвет грозового неба.

Миаро молчал и ухмылка медленно сползала с его лица. Воздух потяжелел и пространство между нами стало то ли сужаться, то ли искажаться. Опять какие-то их штучки, но я намерена была гнуть свою линию до конца, раз уж деваться некуда.

В ушах что-то зашумело, как при повышенном давлении, щелкнуло и затихло.

— Разве я тебе обещал что-то по поводу твоего друга? — Тамин говорил тихо, не повышая тона, но его слова молотком били в барабанные перепонки.

— Он не просто мой друг. Силах — мой жених!

Даже видя какую негативную реакцию вызывает Силах у миаро, я в этом призналась!

И... пожалела об этом!

13. Армила

— Жених, значит, — задумчиво констатировал ивин, не сводя с меня глаз.

Только у меня появилось стойкое ощущение, что сейчас он меня не видит. Смотрит сквозь, растворившись в своих мыслях.

— Да, мы росли вместе, дружили с самого детства и должны были пожениться. Из-за меня Силах попал в эту переделку. Когда неизвестные миаро приехали к нам на праздник, он не отпустил одну, настояв, что тоже поедет. Он любит...

— Нет! — словно кнутом хлестнул его ответ.

Тамин резко встал, отшвырнув с грохотом в сторону стул. Следом вскочила и я.

— Но почему? Я ведь готова...

— Что ты готова? Готова ради него пожертвовать собой? — рявкнул он так, что стекла в рамах задрожали.

— А вам не все равно ради кого я жертвую собой? Вы разве не этого хотите? — я сорвалась на крик, теряя остатки самообладания.

Как я смогу дальше жить, зная, что из-за меня жизнь друга пошла под откос? А что будет с его чувствами, когда станет известно, что невеста стала акхе и живет беззаботно у богатого миара под крылышком, особенно на фоне того, что Силаху грозит десять лет каторжного труда с последующей меткой позора уголовника? Не говоря уже о семье.

Тамин подлетел ко мне, хватая за плечи и хорошенько потрянул.

— Я этого хочу, да! Очень хочу! Но меня бесит, что ты готова впрягаться и жертвовать собой ради того, кто ногтя твоего не стоит! — закричал он мне в лицо.

Воздух между нами буквально заискрил.

— Он стОит! Вы про него ничего не знаете и не смейте так говорить! Вы! Миаро! Что вы можете знать о любви и самопожертвовании? — бесцеремонно ткнула ему в грудь пальцем, распалившись до такой степени, что уже не могла больше контролировать свой гнев. — Он ради меня умереть был готов, а вы...

— А я за версту чую его продажную душонку, — резко отшатнулся

от меня ивин.

Взгляд безумный, в глазах ртуть плещется, дышит тяжело, словно из беснующегося пламени превратился в холодный огонь. И руки в кулаки сжал, пытаюсь сдержать себя, а от самого энергетические потоки ненависти и еще чего-то обжигающего разят так, что их потрогать можно.

— Не пара он тебе, Мила, не понимаешь ты. Такие как он человеческую жизнь на золото меняют с легкостью и нож в спину воткнут — глазом не моргнут.

— Врете вы все! Не знаю чем вам Силах не угодил или просто завидуете ему. Но никакие ваши слова не заставят меня поверить в то, что он продажный!

Мы оставились друг на друга в минутном молчании, каждый уверенный в своей правоте.

— А хочешь проверим? — внезапно севшим голосом предложил Тамин. — Проверим насколько он ради тебя готов жертвовать?

— Мне неинтересны ваши проверки, — махнула рукой, чувствуя как злость уходит, словно воздух из надувного шарика, уступая место усталости.

— Я могу доказать тебе.

Зачем? Неужели он не понимал, что для меня мой жених (теперь уже, наверное, бывший жених) проверен временем?

Доплелась до кровати, устало плюхнувшись на нее и, закрыв глаза, потерла переносицу.

— Не стоит.

— Даже ценой вашей свободы?

Я замерла, не поверив собственным ушам.

— Что это значит?

— Шанс. Твой шанс на свободу. Хочешь?

— Вы сейчас серьезно?

— Более чем. Я предлагаю тебе пари. Если твой друг согласится пожертвовать жизнью ради твоей свободы, я обещаю отпустить вас обоих. Сегодня же.

— А если нет?

Я смотрела на него, на уверенность в его взгляде и сомнения начинали расти.

Нельзя быть настолько убежденным в своей правоте, не имея при

этом веских доказательств.

Я знала Силаха с детства и только с лучшей стороны, хотя и понимала, что идеальных людей не существует. Во всех есть своя червоточинка, только у кого-то это маленькое незаметное пятнышко, а у кого-то полностью прогнившее нутро.

Бывает, что люди в браке живут всю жизнь, а нелепая случайность выворачивает наизнанку все их уродливые качества и оказывается они даже и не предполагали что из себя представляют оба.

Так могу ли я доверять жениху настолько, чтобы безоговорочно положиться на него в столь важном решении?

Смущало и то, что миаро — не люди. Их способности гораздо выше человеческих и, возможно, Тамин действительно смог разглядеть в Силахе его темную сторону.

— Если он откажется, — ивин нарочно растягивал слова, смакуя, — то его судьбу, я уже озвучил, будет решать суд. А ты...

Он замолчал, закусив губу и не сводя с меня плотоядного взгляда. Снова это тягучее ожидание и ментальное воздействие, что сковывает похлеце любой веревки.

— Будешь должна мне желание.

— Какое?

Странная прихоть, учитывая, что стань я акхе и так буду обязана исполнять любые его фантазии. Поэтому, такое условие у меня вызвало подозрение. А вдруг он захочет моими руками убить кого-нибудь?

— Я еще не придумал, — внезапно улыбнулся миаро, — но обещаю — ничего противозаконного и противоестественного. Ну так как? Согласна?

Словно мысли мои прочитал! Или он действительно из числа "видящих"? Тогда смысл что-то доказывать ему терялся.

Но с другой стороны это был наш шанс! Пусть крохотный, призрачный и я не могла его упустить.

— Я согласна! — решительно кивнула в ответ.

— Но учти — в случае вашего проигрыша я буду просить у суда высшую меру наказания для него, — обжег и пошатнул мое убеждение, что я действую правильно Тамин.

— Мы так не договаривались!

— Но ты ведь уверена в нем? Уверена, что он любит и жизнь отдаст ради тебя? — медленно подошел ближе и, склонившись к уху,

проникновенно прошептал: — Покажи мне, бесчувственному миру, что такое настоящая любовь.

14. Тамин

Я блефовал. Откровенно, подло и низко. Никогда не опускался до подобного, но эта девчонка вытаскивала на свет все мои самые нехорошие качества, запрятанные глубоко.

С каждым разом становилось тяжелее держать себя в руках.

Я не знал и не горел желанием узнать подноготную ее друга, но стоило только Армиле заикнуться о нем, увидеть в ее глазах искреннюю заботу об этом мальчишке, как я готов был рукам разорвать его, лишь бы только стереть с лица земли соперника, вырвать эту гадость со своего пути, растоптать, чтобы не смела даже имени его произносить!

А он оказался еще и женихом...

Мысль ворвалась внезапно, обожгла и заставила взять себя в руки.

Практически любой человек, когда над ним висела угроза смерти, терял достоинство и забывал о чести. Редко я видел преданных людей, готовых пожертвовать жизнью ради другого. И сейчас у меня был шанс проверить его.

А если не поведется, всегда есть такое острое и горячее чувство как ревность и на нем тоже можно виртуозно сыграть.

Правда, я рисковал.

А если пацан действительно втрескался в девчонку настолько, что готов на все?

Хватит у меня сил отпустить ее?

Ага, еще и счастья пожелать вдогонку.

Пальцы крепко сжались, впиваясь короткими ногтями в ладонь.

— Идем, — кивнул ей и распахнул перед носом дверь.

— Вы не обманываете? — она колебалась. В глазах явное недоверие.

— А ты что-то теряешь при этом?

Она обреченно покачала головой и прошла мимо.

Камера, куда поселили ее друга, особыми удобствами не отличалась: жесткая кровать, стол, лавка и маленькое зарешеченное окно.

У Милы все шансы оценить насколько ей повезло с апартаментами. И что ее ждет в случае отказа от моего предложения.

Парень стоял у окна, когда мы вошли. Он даже не дернулся, не оглянулся на звук открываемой двери. Посетители его явно не интересовали, либо он просто не ожидал увидеть кого-то еще кроме надоевших рож охранников.

— Силах! — бросилась было к нему девушка, но я остановил, поймав ее за руку и дернув на себя, отчего она неуклюже впечаталась мне в грудь.

Воспользовавшись моментом, прижал ее к себе.

— Мила! — ее дружок встрепенулся, глаза расширились то ли от радости, то ли от удивления и тут же потемнев лицом, прорычал: — Отпустите ее! Мила, он не причинил тебе вреда?

— Стой где стоишь ради своей же безопасности, — процедил я, лишь сильнее прижав к себе и без того сопротивляющуюся девушку, — ей ничего не грозит, пока ты ведешь себя спокойно и разумно. Сядь!

От тепла, исходящего от моей пленницы, от ее чистой энергетики внутри разливалась приятная эйфория. А вот понимание того, что ее сейчас раздирает желание броситься в объятия жениха, наплевав на все приличия, пекло не хуже раскаленного железа.

И по ее мелкой дрожи, по едва слышным всхлипываниям, по напряжению, подобно натянутой струне, становилось ясно насколько ей неприятны мои прикосновения.

Я слишком хорошо ощущал ее чувства, меня будто прошивало ими, впиваясь мелкими энергетическими разрядами и это сбивало с толку, заставляя теряться, ломая мои прежние познания о людях и их энергетике.

Миаро не чувствуют людей. Воздействовать могут, но чувствовать нет. Это очень тонкая материя, а человек слишком многогранен. Люди не умеют концентрировать энергию, распыляя ее на мелкие эмоции, поэтому миаро способны ощущать энергетические сгустки только себе подобных, объединяя их в связку и заключая союзы, создавая семьи с теми, у кого открыт этот дар. Лишь в этом случае появляется шанс получить сильных наследников.

Люди априори не обладают подобным.

На мгновение я выпал из реальности, забывшись, окунувшись в лавину ее чувств, пропуская с изумлением их через свои потоки и пришел в себя только когда увидел как Армила, вывернувшись, бросилась в руки своего возлюбленного.

Это было неожиданно даже для меня, но рука сама вскинулась вперед, разделяя пространство надвое, разверзая между ними черную временную материю.

Черт! Сжал кулак, обрывая нити. Словно глядя на себя со стороны.

Парочка замерла, не смотря на то, что все вокруг пришло в норму, но, видимо, еще помня зияющую пустоту между ними, не решились приближаться друг к другу.

Что со мной? Это неконтролируемый выброс, помутнение. Неужели я перестаю контролировать себя?

Слышал что-то подобное, но для этого всегда должны быть веские причины!

— Мила, отойди от него, — ровным, безэмоциональным голосом скомандовал я, пытаюсь понять что происходит.

Девушка послушно кивнула, все еще пребывая в шоке от увиденного и вернулась ко мне. Даже не стала сопротивляться, когда по-хозяйски обнял ее за талию, притягивая к себе.

Силах смотрел на меня с нескрываемой ненавистью, злобой, желанием испепелить на месте и мне, надо признаться, это даже нравилось.

— Я пришел с предложением, — полностью настраиваясь на предстоящий разговор и успокаивая все еще гуляющие внутри меня потоки силы, скрестил с ним взгляды, — очень важным. Думаю, тебе будет интересно его послушать.

— Что вы можете предложить? — скривился он.

— Сделку. Ты ведь любишь эту девушку?

— Люблю! — жарко кивнул он.

Кто бы знал чего мне стоило не сорваться в тот момент! Наверное, только близость Армилы и держала, понимание, что сейчас я хозяин положения.

Но мысль, что даже так я проигрываю этому конопатому мальчишке по-прежнему колючей проволокой стягивала легкие внутри.

— Так вот, предлагаю обмен: твою жизнь на свободу Милы. Я выдаю тебя официальным властям, ты признаешь себя виновным. А Мила... — я оборвал себя на полуслове, переведя взгляд на девушку, одной рукой продолжая держать ее за талию, другой нежно, задержав дыхание, воруя сладкие прикосновения, заправил прядь волос за ушко. — Получает свободу. Согласен?

15. Армила

Силах похудел за эти дни, оброс рыжей щетиной и под глазами залегли темные круги. У меня сердце защемило от жалости и я неосознанно рванула к нему, чтобы обнять, поддержать, как он раньше поддерживал меня.

Но я и подумать не могла, что Тамин начнет так нагло вести себя, провоцируя, прижимая к себе как будто право имеет!

А когда я все же вырвалась, то пространство в камере вдруг разделилось зияющей чернотой между мной и Силахом, отрезая напрочь путь друг к другу.

Тогда уже я поняла, что неважно каким будет ответ жениха, миаро не отпустит меня, не отдаст, заставив покориться, используя все доступные методы. Не гнушаясь даже грязными. Как сейчас.

Мне пришлось вернуться и уже молча терпеть его прикосновения. А ивин обнял меня слишком по-собственнически, положила руку на талию, прозрачно намекая Кто здесь хозяин положения и настойчиво призывая смириться.

Только сейчас, находясь в стальных объятиях миаро, я поняла как сильно ошибалась, поверив ему и допустив эту ситуацию.

Он ведь воспользовался ею и вывернул все в свою пользу, а Силах...

В его глазах медленно что-то умирало. Вера? Надежда? Любовь?

Я почти услышала этот звон — как разбивается его мечта, как хрустят осколки под ногами у проклятого миаро, как гаснет огонек во взгляде!

И понимаю, Что он только что подумал обо мне...

— Так ты теперь с ним? — стиснув зубы, прошипел Силах, отшатываясь от нас, как от прокаженных.

В груди больно кольнуло и во рту появился горький привкус.

Дура! Какая же я дура! Только сейчас понимая для чего нужен был весь этот фарс.

Дернулась, пытаюсь освободиться от медвежьей хватки, что грозила сломать мне ребра — настолько сильно Тамин вжимал меня в себя.

— Нет. Нет! Пожалуйста, поверь мне, Силах!

Но его взгляд словно затянуло пеленой.

— Зачем вам это надо? — покачал головой он, обращаясь к миаро и избегая смотреть на меня.

А мне важно было, чтобы он увидел, чтобы понял, что я не предавала его.

— Вы и без этого с легкостью можете избавиться от меня. Или вам важно чистое, незапятнанное имя для будущей любовницы? А ты, Мила? — он, наконец, посмотрел на меня, но от ненависти, которой был пропитан его взгляд, мои оправдания так и встали комом в горле. — Чем он взял тебя? Неужели деньгами? Роскоши захотела, признания? Готова ради этого подстилкой для него стать?

Он бил словами похлеще кнута. Жестоко. Обдавая презрением. Точно в цель.

— Я любил тебя, боготворил, а ты, как последняя шавка, повелась на брошенную им кость? Лживая мерзкая сука!

Рыдания, подступившие к горлу, душили, царапая колючими иглами, стягивая как удавкой. Я затрясла головой, готовая провалиться сквозь землю, только бы не слышать его тона, не видеть уничтожающего взгляда, не чувствовать его отвращения к себе.

Миаро резко раскрыл объятия и в одно мгновение оказался рядом с Силахом, хватая одной рукой его горло, припечатав к стене.

— Еще одно дурное слово по отношению к Армиле, один кривой взгляд, щенок, и я даже властям сдавать тебя не буду! Сам разберись. Она, между прочим, твою шкуру пришла спасать, веря в тебя, в вашу Любовь! Да, Мила? Это чувство ты имела в виду? — обернувшись ко мне, сверкнул серыми глазами миаро. — Ты хотела доказать мне, что вы, люди, благороднее? Где эта любовь? Где преданность? Покажи? Я не увидел!

Силах захрипел, вцепившись в его руку, пытаюсь освободиться.

— Вот это вот ничтожество ты выгораживала и готова была пожертвовать собой ради него! Теперь понимаешь, что я был прав? Видишь, что он отсекся от тебя при первой же замаячившей опасности, вывернув ситуацию в свою пользу?

Тамин продолжал душить Силаха, даже не глядя на него, впившись взглядом в меня, словно проникая в недра сознания своими жуткими серебристыми зрачками.

— Отпустите, пожалуйста, вы его задушите, — прохрипела я.

— Ты даже сейчас готова простить его, — отпуская хватку и с брезгливостью вытирая руку об штанину, процедил миаро.

Силах схватился за горло, сползая по стене спиной, глядя ошалелыми глазами то на меня, то на удаляющегося Тамина.

Я не могла поверить, принять, что все происходит на самом деле. Как он мог так с легкостью отвернуться от меня, поверить, что я бросила, что продалась?

Неужели не видит как меня трясет, раздирает изнутри на части?

— Ну что, убедилась? — ивин навис надо мной.

Схватил за плечи, заставляя запрокинуть голову немного назад, чтобы взглянуть ему в лицо.

А я стояла, глотая соленые слезы, что ручьем текли по щекам, щекотали нос и не понимала в ком сейчас разочаровалась больше.

Отступила назад, потом еще и еще и почти бегом вылетела из камеры, не разбирая дороги.

Меня тут же схватили охранники. Заломили за спину руки, лишив возможности двигаться, но грозный окрик Тамина заставил их отпустить меня.

— Это вы! Вы специально все подстроили! Ненавижууу! — закричала так, что у самой заложило уши.

Он схватил меня в охапку, разом оказавшись рядом, прижал к себе, шепча какие-то успокаивающие слова в макушку, а я колотила кулаками в его каменную грудь, чувствуя, как истерика лишает меня разума.

— Армила, приди в себя! Я всего лишь показал тебе изнанку твоего жениха, чтобы ты перестала его идеализировать. Неужели не понимаешь, что выйдя за него замуж, ты бы оказалась зависима от вот такого дерьма?!

Решение и ответ на вопрос пришли внезапно. Хотя мама и предупреждала меня никогда не делать в жизни скоропалительных выводов на основе эмоций, я все же не удержалась.

— Нет! — в один момент протрезвев и взяв себя в руки, твердо выпалила, уставившись на миаро.

— Что нет? — не понял он.

— Никогда, слышите, никогда я не стану вашей игрушкой, акхе, рабыней! Пусть лучше сгнию в тюрьме, на каторжных работах, но не позволю вам играть моей жизнью! И, раз заслужила, значит, понесу наказание!

Ивин остолбенел от такого заявления. Он явно не ожидал подобного исхода и сейчас просто завис истуканом, глядя на меня не моргая, поджав губы.

— Отведите меня в камеру, — обратилась к застывшим охранникам, что с немым удивлением на лицах наблюдали за происходящей сценой.

16. Тамин

Это был не просто удар, а удар ниже пояса. Точный, безжалостный, прямо в цель. Меня словно сковало оцепенением, вышибло дух, лишив на какое-то время возможности думать и анализировать. Небо и земля поменялись местами, лишив опоры.

Я оказался не готов к такому ответу. В голове даже мысли не мелькнуло за все время, что Армила может отказаться. Строил планы, решая в каком районе города подыскать подходящее для нее жилье, как часто смогу выбираться к ней, где и у кого заказать процедуру стерилизации. И даже предположить не мог, что она ответит отказом.

Какой здравомыслящий человек добровольно выберет путь на плаху? Зачем?

Это же безумие!

А сейчас меня будто облили холодным душем и я действительно растерялся, не зная как реагировать.

Ну не бежать же уговаривать ее?!

— Ивин Тамин, я везде вас ищу, у меня для вас новости, — вздрогнул от раздавшегося рядом голоса Алекса.

Черт, я и забыл совсем с этим круговоротом дел о поручении, что давал ему.

Кивнул, приглашая следовать за мной и направился в свой кабинет.

— Слушаю, — уставился на Алекса, стоило захлопнуться за ним двери, — что удалось узнать?

Я расположился за письменным столом. Алекс остался стоять у входа.

— Девушку действительно забрали миаро прямо с ее праздника совершеннолетия. И в тот же вечер с охраной отправили в столицу. Она пропала рядом с лесной дорогой. Сопровождающих положили почти всех. Чудом удалось выжить двоим.

— Чьи это были люди и зачем она им?

— Вот этого выяснить не удалось. Но, подозреваю, ее заказчик миаро высокого полета.

— Черт! Я за что тебе деньги плачу? — стукнул от досады кулаком по столу.

Алекс нахмурился, опустив взгляд.

— Как дела обстоят с поимкой разбойников?

— Нам удалось выйти на их след. Несколько человек задержано, но камней с ними не оказалось. Сбытом занимался их главный. И партия была заказана. Они готовились.

— Да это идиоту ясно, что кто-то слил им информацию!

— Нет, вы не поняли, — покачал он головой, — заказ сделан кем-то из знати. Их спонсировали. Энергетические верты могут позволить себе только миаро с высокородными.

— Стой! — осенило меня. — Верты! Вы нашли их? Каждую такую игрушку маркируют строго под хозяина, а значит, если мы найдем оружие, то выйти на заказчика не составит труда!

— В том-то и дело...

— Что?

— Ни главаря, ни вертов, — беспомощно развел руками Алекс.

Внутри меня росло раздражение. Все, просто все сегодня шло наперекосяк. Вроде бы вот они — ниточки, дергай, ан нет! Стоит прикоснуться к ним и они растворяются в руках.

— Но есть еще кое что, — вдруг вспомнил глава охраны, — девчонка, та самая, о которой речь — она беременна.

— Чтооо? — мне реально показалось, что я ослышался, но Алекс повторил.

— Быть такого не может!

Я разом забыл о разбойниках. Мысли снова закрутились около стройной фигурки Армилы.

Я же чувствовал рядом с ней, что она невинна. Был уверен. Ее глаза, ее поведение, страх — все говорило о том, что она девственница. Или нет?

Может быть мне хотелось в это верить? Может я сам себя убедил, что это так, очарованный ее красотой?

В голове не укладывалось.

Или она все же успела до свадьбы переспать с женихом?

Вспомнил снова свои ощущения рядом с ней, прикрыв глаза, вспоминая вызываемые ею импульсы, но внутри столько всего перемешалось, что отделить нужные эмоции не получилось.

— Откуда у тебя эта информация?

— Когда они выбирали экипаж, сопровождающие подчеркнули ее

положение, потребовав предоставить самый подходящий для таких случаев транспорт.

Внутри все оборвалось, ухнув вниз. Значит, все-таки правда!

Армила ждет ребенка от своего жениха. И именно поэтому готова защищать и жертвовать ради него собой. А вот он — нет.

— Где разбойники, которых взяли? — поднял взгляд на молчащего Алекса, что терпеливо ждал дальнейших указаний.

— В пыточной. Но, похоже, они на самом деле не знают дальнейшую судьбу камней.

— Продолжайте. И держи меня в курсе, — поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Мне нужно было побыть одному, обдумать все хорошенько и принять решение что делать дальше, в каком направлении двигаться, а молчаливое присутствие главы охраны раздражало.

Алекс покинул кабинет сразу же, а я вновь задумался о девушке.

Черт! А вдруг Армила беременна не от жениха, а именно от того, кто ее хотел забрать? Бред.

Ребенок-полукровка — табу в нашем мире. Кровосмешение запрещено законом и это знает любой высокородный или миаро.

Только акхе, только со стерилизованной девушкой. Или строгое предохранение.

Случаи, когда так или иначе человеческие женщины беременнели от миаро, жестоко пресекались. Аборт без исключений, а если доказывалась вина женщины, что обманным путем пыталась забеременеть от миаро, то ее безоговорочно лишали возможности иметь в дальнейшем детей.

Поэтому, случаи подобных обманов встречались крайне редко.

Но, если все было именно так, то становилось понятно зачем ее искал мой таинственный сородич. Он узнал о ребенка и послал за ней, чтобы исправить свой промах.

Ревность в груди разлилась кипятком, едкой кислотой, выжигая замысловатые узоры. Не успел, не доглядел, а она и рада была раздвинуть ноги перед богатым мужиком. Интересно, он хоть молодой? Красивый?

А жених, получается, всего лишь прикрытие?

Вот и ответ почему Силах так легко отказался от нее. И она от роли акхе.

Зачем, если на каторге к беременным по-любому более щадящее отношение и легкие условия труда?! Там даже пожалеть могут, отстранив на время от работ.

Вот где кроется отгадка!

Лживая мерзкая сука — так, кажется, назвал ее женишок? А девчонка не промах, пытается выжить как может.

Вот только со мной подобный номер не пройдет. И отношение к себе прежнего пусть не ждет.

Это раньше я, как терпеливый олух, ждал и давал право выбора, жалел, пытался по-хорошему уговорить.

А как правдоподобно она разыгрывала невинность!

В руках хрустнул карандаш, который неосознанно вертел между пальцев, переломившись пополам.

17. Армила

После того представления, что устроил ивин в камере у Силаха, во мне что-то перегорело.

Опустошенная вернулась в камеру, упала на кровать и долго рассматривала белый потолок со множеством тонких неровных линий и шероховатостей, оставшихся от некачественной побелки.

Вот и все. Я сделала свой выбор. Назад дороги нет. И сразу полегчало на душе, не смотря на то, что выбор этот далеко не лучший. Хотя, и тот от которого я отказалась тоже сложно назвать удачным.

В моем положении два зла и из них я выбрала, надеюсь, наименьшее.

Да, тюрьма, клеймо позора на всю жизнь и, увы, темное уродливое пятно на всю семью, но, по крайней мере, у меня остается шанс пусть поздно, но все же выйти замуж и родить ребенка. Познать радость материнства. Родные поймут.

Они слишком хорошо меня знают, чтобы допустить даже мысль о том, что я виновна.

А миаро со своими похотливыми желаниями пускай катится куда подальше.

Силах? С ним мы теперь не скоро пересечемся. Он отрекся, поверил спектаклю, разыгранным Тамином, разом забыв обо всем, что нас связывало, унизил своими грязными подозрениями и не захотел даже услышать меня!

Мама всегда говорила, что в ложь и предательство безоговорочно верят в первую очередь те, кто сами с легкостью предадут и обманут.

Выходит, миаро был в чем-то прав. Силах действительно отвернулся от меня сразу же и осознание этого факта горечью разливалось на языке.

А ведь он был для меня идеалом чести и достоинства. Пусть я не любила его как мужчину, но всегда восхищалась.

Пугало что теперь с ним будет. Я ведь проиграла! Чувство вины и страха, несмотря на обиду, никуда не делось, продолжая грызть изнутри.

Я почти заснула, устав от роя толпящихся в голове мыслей, когда

услышала скрежет замка в двери и вздрогнула.

— Иви Армила, следуйте за нами, — проскрипел неприятный голос охранника.

Все понятно. Миаро принял мой выбор и передает официальным властям.

Ну что ж, здравствуй новая жизнь за решеткой!

Гордо вздернула подбородок, вставая с кровати, выпрямила спину, расправив плечи и поспешила за двумя рослыми мужчинами в форме.

Петляя плохо освещенными коридорами, мы вышли к выходу. Легкий ветерок обдал кожу вечерней прохладой.

Вдохнула с наслаждением, отметив про себя, что теперь не скоро смогу насладиться свежим воздухом и полюбоваться закатом.

— А где фургон для заключенных? — растерялась я, заметив, что рядом с казармой дожидается лишь один обычный экипаж.

На меня странно покосились сопровождающие бугаи, намекая взглядом, что я сморозила глупость. Сально усмехнулись.

— А ты так торопишься на каторгу? Залезай!

— Подождите. Куда вы меня собрались везти?

Сердце неприятно екнуло, почуяв неладное.

— А тебе в твоём положении не все ли равно? Смазливая, — обнажил ряд желтых неровных зубов один из них. Прищурился и облизнул потрескавшиеся мясистые губы: — Такую и правда жалко властям отдавать.

Они разразились неприятным хохотом, подмигивая друг другу.

— Я не поеду с вами, — попятилась испуганно назад.

Лучше обратно в камеру, чем непонятно куда и с кем.

— Приказ ивина Тамина, деточка, тебе придется.

— Я хочу увидеть его самого! Где он?

— Увы, но ты опоздала. Ивин уехал четверть часа назад, отдав приказ доставить тебя по указанному адресу. Да не бойся ты так, не съедим мы тебя, — стараясь казаться добродушным, охранник протянул мне руку, — нам влетит больше, если мы посмеем позволить себе чего-то большее. Поэтому, только сопровождение. Хотя, жаль, я бы не отказался от сладкого. Но у него свои планы на тебя.

— Куда меня приказано доставить?

— В загородный дом семьи Шантарэ.

— Но...

— Мне плевать на твои "но"! Я выполняю приказ!

— И что? Если я против, вы примените силу к незащищенной женщине? — вскинулась, чувствуя как растут внутри спирали глухого раздражения, закручиваясь и мешая дышать.

— Если потребуется... Ах да, ивин просил передать вам это, — протянул мне белоснежный конверт.

Сложенный вчетверо лист внутри конверта еще сохранил легкий аромат парфюма Тамина. Дрожащими пальцами развернула бумагу.

"Ты проиграла спор. И обманула меня. Хочешь, чтобы твой друг выжил? Теперь мы будем играть исключительно по моим правилам."

Что значит "обманула"? В чем? По каким еще его правилам?

В голове с бешеной скоростью завертелись шестеренки, прокручивая варианты будущих событий. Тамин решил пойти напролом без моего согласия? Исключено. Даже с его положением это рискованно. Решил продолжить уговаривать в более комфортных условиях, надеясь, что я поведу себя на роскошь, если увижу все своими глазами?

Неужели он настолько одержим мстостью?

И я полная дура, что согласилась на этот спор. Хотя, не факт, что без него миаро был бы снисходителен к Силаху. Рано или поздно все равно всплыла бы правда о том, кто он мне, а на Тамина мой жених действовал хуже чем красная тряпка на быка.

Неприятный толчок в спину помог быстрее забраться в фиакр. И, смирившись, ждать окончания поездки.

Теперь точно игры кончились. Даже сбежать не было шанса.

Странно, но я была уверена, что миаро принял мой выбор, когда я в лицо кричала, что лучше тюрьма, чем все его так называемые благородные подачки. Да, был взбешен, напоминая кратер вулкана, готовый взорваться в любую минуту.

Но что могло произойти такого, отчего ивин вдруг решил не считаться с моим мнением? Неужели то, что пошла наперекор?

Он хоть понимает, что я могу утянуть его самого на дно? Ведь попробуй он взять меня силой любая проверка на ложь станет последней, доказав насилие с его стороны. И тогда не помогут ни его связи, ни положение. Закон суров и он для всех.

Мы ехали всю ночь. Экипаж часто подкидывало на дороге. Не спасали даже мягкие сидения и к утру я чувствовала себя как старая рухлядь, готовая развалиться на части от боли и ломоты во всем теле.

Спасло лишь то, что мы, наконец, приехали.

Охранник открыл дверь, подавая руку и помогая выбраться. Едва ступив на зеленый ковер из травы и оглядевшись, я ахнула.

Такого красивого сада я еще не видела: стриженные газоны с причудливыми карликовыми деревьями, клумбы цветов, пестрые кустарники, ротонда увитая плющом и пара необыкновенно красивых фонтанов в виде ангелочков с золотыми нимбами. Вымощенная аллея вела к величественному двухэтажному зданию с двумя каменными львами на входе и белоснежными колоннами, что подпирали арку.

Да это целый дворец, а не загородный дом!

Интерьер внутри так же поражал воображение. Дорогие ковры на полу, изысканные вазы, огромная люстра с множеством хрустальных элементов, сверкающих и переливающихся даже днем, камин с лепниной, мебель из дорогих пород деревьев и это лишь немного, что успел выхватить взгляд из общей картины, отчего у меня просто голова пошла кругом.

Навстречу нам вышла женщина средних лет приятной внешности. Представившись экономкой, вежливо пригласила пройти в выделенные мне апартаменты, заверив охрану, что в них более нет нужды.

Как ни странно, я не заметила в ее словах, жестах, интонации даже намек на презрение или высокомерие. Она встретила меня как гостью! Неужели не знала кто я на самом деле или в силу профессии научилась не показывать свое отношение к происходящему?

Сопровождающие амбалы согласно кивнули, а у меня с их уходом внутри что-то тоскливо зануло. Показалось будто жизнь разделилась пополам именно сейчас.

Этот роскошный дом подействовал на меня более угнетающе чем тюрьма.

Только оказавшись здесь я поняла насколько огромна пропасть между такими как я и Тамин, и до меня стало доходить, что все мои протесты и несогласия для него не более чем трепыхание крыльев бабочки.

Миаро, имеющий такие деньги, власть, положение, вряд ли станет считаться с мнением простой человеческой девчонки.

Для чего он отправил меня сюда? Чтобы ткнуть носом, показав какой он крутой? Соблазнить на живца?

Или вообще не преследовал никакие цели, просто велением своей

хотелки решил, что мое место теперь тут?

Мне все было противно здесь: шелковые простыни на постели, дорогие тяжелые шторы на окнах, длинноворсый ковер на полу, в котором ноги утопали по щиколотку, а особенно зеркало почти во весь рост в резном золотом багете, что так отчетливо передавало несоответствие моего внешнего вида на фоне богатой спальни, выделенной мне щедрым хозяином.

— Где ивин Тамин? Мне очень нужно увидеть его? — обратилась я к экономке.

— Его пока нет. Вы не стесняйтесь, говорите если вам что надо, — женщина тепло улыбнулась.

— Он что-нибудь передавал по поводу меня?

— Ивин дал задание приготовить жилую комнату для вас и подобрать гардероб. Вас разбойники ограбили в дороге? Знаете, это такая беда, такая головная боль для мирных жителей, — затараторила она, качая головой.

Гардероб? Значит, предчувствие не обмануло, значит Тамин действительно решил пойти против закона и присвоить себе меня. И ему наплевать на мое несогласие!

18. Тамин

Я приказал отправить Армилу в загородное имение.

Меня все еще не отпускало известие о ее беременности, трясло от бешенства, от желания крушить что попадало под руку.

Причем чем дольше я думал об этом, тем все хуже мне становилось. Я почти держал ее в руках, почти добился своей цели и...

Это как выбрать самое красивое, красное спелое яблоко, надкусить и обнаружить, что оно порченное внутри!

Проблема была в том, что я не избавился от своего навязчивого желания после услышанной новости. Она не стала мне нравиться меньше и тянуть к ней продолжало по-прежнему до сумасшествия, до постоянного болезненного стояка в штанах.

Я готов был принять ее даже в таком положении, с чужим ребенком. Если только это не ребенок от миаро.

Голова трещала, мутило, хотелось тупо напиться, чтобы хотя бы на время отпустило.

Надеясь как-то отвлечься, я решил лично навеститься в главную контору по управлению рудниками. Нужно было настраиваться на более важные дела.

Камни так и не были найдены, хотя прошла уже почти неделя.

Неделя! А результатов ноль! Кто-то очень умело заметал следы, играя со мной в кошки-мышки и это выводило из себя и ставило в тупик.

Каждый раз, когда казалось, что мы нащупали нужную ниточку, чтобы потянуть, снова натыкались на стену и бились об нее лбом.

А утром Алекс сообщил, что они нашли главаря разбойной банды. Мертвого. Его зарезали за несколько часов до того, как наши люди ворвались в дом, где он прятался последние дни.

Черт! И вот где теперь искать кристаллы?

Просмотрев списки рабочих, проанализировав и сравнив данные, вызвал Рэя.

— Скажи, а где ты находишь людей? На что ориентируешься при утверждении их кандидатур? Понятно, что квалификация, опыт работы, но судя по бумагам, у тебя свой метод отбора?

— Да, все верно. В первую очередь по рекомендации проверенных людей.

— А кто у нас проверенные люди? — я прищурился.

— Арон Ноиссо, например. Он много кого советовал, надо сказать, профессионалов своего дела. Мм, пару раз были рекомендации от ее величества и в последнее время подключался Леон, — немного задумавшись, ответил Рэй.

— Леон? Ты сейчас серьезно?

Леон был моим младшим братом по отцу. Увлечение на стороне принесло свои плоды. Незаконнорожденный сын от высокородной, которого отец так и не успел признать при жизни.

Мать Леона была из вполне обеспеченной, пусть не такого высокого положения в обществе, как наша, но не менее уважаемой семьи. Однако, в глазах высшей публики Леон так и остался бастардом.

Хотя, как по мне, это ничуть не мешало ему ни в личной жизни, ни в карьере.

— С каких пор он стал разбираться в таких тонкостях?

— С тех самых, как стал служить под начальством Арона, — хмыкнул Рэй.

— Как-то упустил этот момент, — я рассеянно побарабанил пальцами по столу, уставившись в окно.

Видимо, в память о дружбе с отцом, опекун не только за мной присматривал.

Во дворе мелькнуло несколько фигур и среди них женская, со светлыми волосами, напомнив об Армиле. Как в насмешку — стоило мне хотя бы на немного отвлечься на другие дела, что-то или кто-то свыше обязательно напоминали о ней.

Мысли вновь унеслись в неправильном положении, забыв о главном.

Вся эта мышьяная возня с расследованием начала раздражать. В конце концов, этим делом уже занимаются профессионалы, зачем еще мне лезть в это? Я им щедро плачу, чтобы еще и самому играть в детектива.

— Ты подозреваешь, что Леон может быть замешан в похищении? Зачем? Он не бедствует. Что ему перепадет, если он подставит тебя? — вернул в реальность голос Рэя.

— Ты прав. Ничего. Черт с ним. Просто держи меня в курсе, если

что, — я решительно встал из-за стола, ощутив непреодолимое желание увидеть Милу, вытрясти из нее правду о будущем ребенке и решить что делать дальше.

— Об этом не стоит напоминать, — кивнул управляющий.

Загородный особняк был выбран мной не случайно. Он находился далеко от столицы, в небольшом элитном поселке, причем в самом его конце, рядом с живописным берегом реки.

Я любил приезжать сюда отдохнуть, расслабиться, погулять по траве босиком. С этим местом связаны светлые воспоминания детства и в этой глуши редко можно было кого-то встретить.

Тихое, уединенное место со всеми удобствами в лоне самой природы!

И именно здесь я предвкушал дальнейшее развитие наших отношений с моей разбойницей.

Как бы она не противилась, не сопротивлялась, я не собирался ее отпускать. Просто не мог.

Слишком глубоко занозой вошла под кожу, чтобы я мог отмахнуться. Отравила мозг настолько, что стал просыпаться с ее именем и засыпать с мыслями о ней. Грязными, пошлыми и безумно сладкими. То, что она все равно станет моей я не сомневался. Нужно лишь немного времени и никаких отвлекающих ее элементов типа жениха.

И я доберусь до нее. Обязательно.

В паху заныло, мгновенно отреагировав на желанный образ. Кровь напором ударила в голову.

С каждым разом становилось все сложнее контролировать себя, тело противилось разуму, а сексуальный голод не утоляла близость с другими.

Мила стала моей зависимостью, наваждением и с этим нужно было что-то делать.

Убедить, запугать, купить, соблазнить, но сделать своей.

И вопрос с ее беременностью никуда не делся.

А ведь это мой козырь и, при умелом подходе, я могу им воспользоваться.

Дом встретил меня умиротворенной тишиной и уютной атмосферой.

— Где она? — задал в лоб вопрос встретившей меня на пороге

Норе.

Ее мать долгое время работала в нашей семье экономкой. Нора тоже неплохо справлялась.

— В правом крыле, последняя спальня. Ивин, к вам...

Дальше я уже не слушал, устремившись быстрым шагом в нужном направлении.

Я еще не придумал что ей скажу и как буду действовать дальше, подгоняемый лишь инстинктом хищника поскорее увидеть добычу и совсем не ожидал услышать за нужной дверью странные звуки. То ли стоны, то ли мычание.

Что за..?

Распахнув дверь ударом ноги, влетел в комнату и на мгновение замер.

Прижатая к стене, буквально распятая крепким мужским телом, извивалась и стонала моя непокорная разбойница!

19. Армила

Я разглядывала два платья, что были заказаны специально для меня. Одно нежное, золотисто-кремового цвета, из дорогого материала, скромного фасона. Второе более вызывающее: ярко-алого цвета длиною в пол, с открытыми плечами и огромным разрезом на правом боку. Повседневным никак не назовешь.

И нижнее белье из ажурной ткани. Такое, что, наверняка, стоило месячной зарплаты, как бы не больше.

Приняв душ после поездки в любом случае следовало переодеться и подготовиться к разговору с Тамином, а своих вещей у меня не было.

Не знаю что он задумал, но подчиняться я не собиралась. Как бы я не была виновна, готова ответить по закону, но губить свою жизнь в угоду зажавшемуся пижону не собиралась.

Наспех переодевшись и собрав еще влажные волосы в простую косу, я решила найти экономку, чтобы узнать на каких правах в этом доме, что можно мне, а чего нет.

Уже выйдя за двери спальни, я услышала голоса в гостиной. Один из них был мужской, но это точно не Тамин.

— Я подожду его, — была последняя реплика мужчины.

Внутри все подобралось, почувствовав опасность. Интуиция вопила остановиться и не идти дальше. И я действительно собиралась развернуться и переждать у себя в комнате, но именно в этот момент незнакомец появился в конце коридора, у входа в гостиную, заметив меня.

Скучающий взгляд остановился на моем лице, словно оценивая, ощупывая, глаза хищно сощурились и губы дрогнули в нагло-заинтересованной ухмылке.

Миаро. Высокий, широкоплечий — гора мускулов под рубашкой. Темный ежик коротких волос еще сильнее выделял крупную голову.

Красив, но какой-то грубой, дико-первобытной мужской красотой. Из тех, что хватают на плечо и утаскивают к себе в пещеру. Даже классические брюки с рубашкой выглядели на нем неуместно. Его бы обнажить полностью, повязку на бедра и...

Боги, о чем я думаю?!

Тем временем незнакомец заметил каким взглядом я пялилась на него и, вероятно, оставшись довольным произведенным впечатлением, двинулся в мою сторону.

Вот только этого мне не хватало!

— Куда же ты, прекрасная незнакомка? — насмешливо послышалось мне вслед.

Я юркнула в спальню, норовя скрыться там, но именно в этот момент мужчина неожиданно оказался рядом, вставив ногу в проем, не дав захлопнуть дверь перед его носом.

— Ну и зачем так торопиться? — понижая голос, он с легкостью распахнул дверь, чуть не снеся меня ею.

— К-кто вы? Что вам н-нужно? — от резкого всплеска адреналина я начала заикаться.

Вблизи он казался еще огромней. Ткань рубашки едва не трещала по швам, обрисовывая бугрящиеся бицепсы.

Бежать! Куда? В дверь? Поздно, там он. В окно!

— Чего ты так испугалась? Я настолько страшный? — издевательски выгнул бровь громила, облизнув пухлые губы и лапая меня жадным взглядом, — высокородная?

Я мотнула головой, часто дыша и прижавшись к стене спиной.

Он стоял на расстоянии каких-то пары шагов и не почувствовать агрессивную энергию, исходящую от мужчины, было невозможно.

В глазах уверенность и черный блеск. Все-таки высокородный! У миаро глаза имели неестественный серебристый оттенок, который менялся на светлый или темный в зависимости от настроения.

Высокородные не могли этим похвастаться.

— Не вриии, — насмешливо протянул громила, — Тамин, конечно, тот еще кобель, но девок выбирать умеет. В этом ему не откажешь!

Его хрипловатый смех неприятно резанул где-то под ребрами. Особенно, слова про девок растворились на языке неприятным послевкусием и осели внутри мутным осадком. Мне есть до этого дело?

— Прощу вас, пожалуйста, оставьте меня одну, — заскрипела зубами, чувствуя надвигающуюся угрозу.

Слишком здоровый, чтобы я могла с ним справиться, слишком самоуверенный, чтобы пытаться что-то объяснить ему.

Да и кто я в этом доме? А он явно из хороших друзей миаро. Или даже родственник.

И вряд ли я могу рассчитывать на помощь здесь.

Неужели именно за этим меня сюда и привезли? Отказалась принять честь стать акхе — сделаем из тебя общую шлюху?

По спине поползли предательские мурашки.

— Да ну? Ты это сейчас серьезно? Я тебе не нравлюсь? Так назови цену, я оплачу! — опасно сверкнул глазами мужчина, шагнув в мою сторону.

— Вы меня, наверное, не поняли.

— А что здесь понимать? Красивая милая кошечка. Невеста? Подруга? У Тамина? Не смей меня! Он слов-то таких не знает. Верность — это не его. Так что, если ты реально думала... — он замолчал, уставившись на меня и вдруг громко захохотал, откинув голову назад. — Ты что, действительно на что-то надеялась с ним?

Я стояла, закусив губу, глупо хлопая ресницами, чувствуя как внутри страх смешивается с раздражением и злостью, сливаясь в какой-то невероятно взрывной коктейль. Руки инстинктивно сжались в кулаки. А этот амбал смотрел на меня как на забавную зверушку, продолжая издевательски ржать.

— Ивин, простите, но... — раздался за его спиной встревоженный голос подоспевшей экономки. — Вам лучше подождать в гостиной.

— Пошла вон! — мгновенно сделавшийся серьезным, процедил мужчина.

Он даже не счел нужным обернуться.

В его черных глазах заплясали недобрые искорки, еще больше подтвердив мои догадки, что в этом доме он не простой гость, раз имеет право распоряжаться прислугой.

Дверь захлопнулась, похоронив мою было забрезжившую надежду на спасение.

— Сколько? — громила угрожающе двинулся на меня.

— Чего?

Я по стенке спиной заскользила прочь.

Черт, что-то мне это напоминает!

— Сколько ты стоишь? Назови?

И вот теперь он уже не играл. По его взгляду, по тому, как затрепетали ноздри, как заиграли желваки на скулах стало ясно, что он возбужден и решительно настроен.

— Я не шлюха!

— Давай так: мне откровенно плевать кто ты, но раз ты путаешься с моим братом, то честного в тебе давно ничего нет. Поэтому, заканчивай играть в святую невинность. Ну, хочешь, я перекуплю тебя у него? Ты мне, правда, понравилась. Даже очень, — он остановился на расстоянии вытянутой руки, еще раз пройдясь по мне оценивающим взглядом. — Нет? Без проблем! Мы просто ничего ему не скажем и никто не узнает. А ты получишь поддержку еще одного покровителя?

И что я могла ему противопоставить? Что мои силы против его? Он даже слушать меня не желает. А если узнает кто я на самом деле?

Меня затрясло мелкой дрожью от паники, а мужчина, воспользовавшись заминкой и, видимо, расценившей ее как согласие, мгновенно оказался рядом, вдавив меня собой в стену, прижал, распластав руками и набросился с поцелуями.

Жадными, грубыми, болезненными. Кусая почти до крови, заставляя задыхаться от его горячего дыхания.

Все, что я могла, это лишь мычать, пытаюсь увернуть голову и бессильно дергаться, распятая, словно бабочка за крылышки.

Страх, омерзение и паника накрыли с головой. Вырваться! Неважно какой ценой. Бежать!

Я попыталась заехать коленом ему в пах, но высокородный, словно читая мои мысли, больно придавил бедром, вклиниваясь между ног и прижав ногу своей.

Силы были явно не равны, а он все сильнее распался, грубо хватая и шаря руками по моему телу, оставляя отметины и синяки. Рванул край платья, обнажая грудь с левой стороны.

Голова закружилась, силы были на исходе, в легких кончался кислород и я с ужасом поняла, что мне никто не поможет. Меня просто изнасилуют как дешевую проститутку, не церемонясь, раздирая в клочья, потому что выдержать напор такого амбала, да еще в первый раз, я точно не смогу!

И выживу ли я после такого позора?

Он оторвался от моих губ, глядя мутным, затянутым пеленой, взглядом.

— Хочууу, — зарычал, обжигая дыханием лицо, схватив и больно сжав горло, видимо, чтобы не закричала.

Низом живота отчетливо почувствовала внушительный накал его возбуждения, которым он откровенно начал тереться об меня. Даже

сквозь одежду эти прикосновения вызывали чувство тошноты.

Я захрипела, безуспешно пытаюсь вдохнуть, вырваться и вдруг почувствовала резкий рывок вперед, внезапно потеряв опору, ощутив как какая-то сила буквально оторвала ивина от меня и полетела на пол, едва успев выставить вперед руки, чтобы смягчить падение.

А следом услышала как свалилось что-то тяжелое с пугающим звуком, похожий на тот, когда ломают кости.

— Тваааарь! — раздался совсем рядом взбешеный и такой знакомый голос Тамина.

20. Армила

Я умудрилась откатиться на безопасное расстояние не запутавшись в складках платья.

Это действительно был Тамин. С диким, безумным взглядом, взъерошенный, тяжело дыша, словно пробежал марафон, он представлял поистинне устрашающее зрелище. Его зрачки полностью приобрели цвет ртути, словно светясь изнутри, грозя выплеснуться волнами чистой ярости, что почти звенела в закрытом пространстве, отражаясь от стен.

Тамин уступал и ростом и фигурой громиле. У него не было такой мышечной массы, хотя и худым назвать его язык не поворачивался. Но он миаро. Чистокровный! А здоровяк всего лишь высокородный, что по способностям ставило его почти на одну ступень с обычными людьми.

Он мог противопоставить Тамину лишь физическую силу, да и то, как оказалось, миаро и здесь превзошел его.

Громила лежал в дальнем углу комнаты, закрыв часть лица рукой, из-под которой тонкими дорожками по подбородку и шее струилась кровь, стекая и пачкая рубашку.

Было видно, что его что-то удерживает. Что-то невидимое, какая-то третья сила, с которой он не в состоянии справиться, как бы не пытался дергаться.

— Ты из-за шлюхи сломал мне нос и руку? — взревел немного гундоса здоровяк.

Только сейчас я заметила, что другая его рука была вывернута под неестественным углом в локте и безвольно висела вдоль тела.

Меня передернуло от увиденного и желание забиться подальше в угол, а лучше вообще сбежать из этой клетки с разъяренными самцами, стало нарастать. В комнате буквально каждая молекула воздуха была пропитана их агрессией. Тяжелой, удушливой и откровенно пугающей.

— Не смей трогать мое в моем доме!

— Так она сама, Тамин, очнись! Ты чего? Твоя шлюшка первая хвостом передо мной вертеть начала, намекая на большее. Я всего лишь... — громила неожиданно захрипел, забулькал, выпучив глаза и схватился здоровой рукой за горло.

— Ты перешел границу дозволенного в моем доме, пытался взять Мое, а сейчас еще и врешь неубедительно, — даже не повышая голоса миаро внушал ужас и практически гипнотизировал.

Он по-прежнему стоял неподвижно, лишь вытянув вперед руку, удерживая на расстоянии гостя, но по его напряженной позе, по вздувшимся венам, выступившим капелькам пота на лбу было видно, что противостояние тоже дается ему не легко.

— Тамин, отпусти! Ты ради какой-то девки готов покалечить брата? Да кто она такая? Слишком опытная соска? Золотая дырка? Наследница короны? Кто? — прохрипел, давась нехваткой воздуха громила.

— Тебя это точно не касается. Достаточно того, что она гостья в моем доме, — процедил Тамин, но руку опустил и высокородный тут же закашлялся, жадно глотая воздух.

Гостья!

Я все еще плохо соображала. Их разговор просачивался словно сквозь вату, но именно это слово отчетливо отпечталось в голове. Не пленница, не рабыня, не преступница, а гостья!

Разве такое возможно в моей ситуации? И миаро... он ведь сейчас заступился, вытащив меня из лап похотливого родственничка.

Брата.

Странно, но разглядывая обоих, я не нашла сходств.

Они абсолютно разные, непохожие. Тамин с его аристократичной внешностью, идеальными чертами лица и модельной фигурой и двухметровый здоровяк, больше похожий на переодетого в дорогие шмотки бойца или разбойника с дороги.

Может, они названные братья?

— В комнате каждая щель пропитана ее страхом, а ты после этого утверждаешь, что она сама? — прорычал даже как-то по-звериному Тамин.

— Ты не можешь ее чувствовать, она — человек! Скажи, что просто не захотел делиться, — оскалился высокородный.

Щека у него покраснела и опухла, глаз едва открывался, кровотечение из носа так и не прекратилось. Вид у громилы был, откровенно говоря, жалкий. Здоровая рука и ворот рубашки в крови.

— Леон, уходи пока я не сломал тебе челюсть и еще что-нибудь впридачу, — нервно мотнул головой Тамин, — убирайся!

— Уже уйду.

Двухметровая туша, с трудом преодолевая боль, все же поднялась с пола.

Напоследок он одарил меня таким убийственным многообещающим взглядом, что я на мгновение забыла как дышать, ощутив леденящую ненависть. Волоски на затылке зашевелились и встали дыбом.

Разве я виновата в случившемся? Разве не пыталась остановить его? А в итоге все равно оказалась крайней.

Радовало и немного успокаивало то, что миаро был на моей стороне и не поверил брату.

Выдохнув с облегчением, когда дверь за Леоном закрылась, я переползла с пола на кровать.

— Нора! — повышая голос, позвал Тамин и почти сразу же в комнату влетела экономка.

— Ивин, простите, я предупредила его, пыталась предостеречь, но ваш брат... — она взволнованно жестикулировала руками, пытаясь объяснить почему произошло то, что произошло.

— Прибери здесь, — поморщился миаро, перебив ее и, наконец, повернулся в мою сторону. Я торопливо прикрыла грудь, натягивая разорванную ткань платья как можно сильнее.

Он долго смотрел на меня странным нечитаемым взглядом, словно что-то решал для себя, оценивал.

Ртуть в глазах уже не грозила выплеснуться наружу, но все равно еще пугала отголосками проходящей бури.

— С тобой все в порядке? Он не успел навредить тебе?

Я отрицательно покачала головой, не в силах отвести взгляда от него.

Странно. Еще вчера я ненавидела его, злилась, проклинала, а сегодня мне предоставилась возможность взглянуть на миаро с другой стороны. Он избил брата ради меня. Защищая меня! Преступницу.

По сути ту, которую стремился сделать своей рабыней, игрушкой. Не много ли чести для такой?

Или это соперничество у них такое, до мордобоя?

Я рассматривала его благородной формы нос, красиво очерченные губы, четкую линию подбородка. Его красота не отталкивала. А сейчас, после произошедшего, еще более выделялась на фоне мужского

поступка. Да, надо признать, после всего увиденного я неосознанно стала уважать его больше.

— Нам нужно поговорить, — не разрывая зрительного контакта, выдал Тамин, — серьезно поговорить. Сейчас.

— Да, конечно.

— Переоденься. Я буду ждать тебя у себя в кабинете. Нора проводит.

Миаро болезненно скривился, словно в драке повредил что-то, хотя здоровяк не сумел даже дотянуться до него, я точно была уверена, и вышел из спальни.

21. Тамин

Наверное, не стоило звать Армилу на разговор в том состоянии, в каком я сейчас находился. И все-таки, откладывать в долгий ящик наш разговор тоже не имело смысла.

С эмоциями я справлюсь, еще и не такое бывало. Главное выяснить то, что не давало мне покоя последние часы, подтачивало и отравляло кровь.

Нужно успокоить шалящие нервы.

Подошел к бару, вытащил первую попавшуюся бутылку и щедро плеснул в пузатый бокал темной настойки.

Подарок Арона из собственной коллекции. Втянул терпкий аромат коры и пряных трав прежде чем сделать глоток.

Перед глазами снова всплыла картина Милы, зажатой огромной фигурой брата, стоны и мерзкое чавканье.

Плечи напряглись. По рукам пробежала судорога.

Опрокинул содержимое бокала в рот одним махом, чувствуя, как по горлу побежала обжигающая волна.

"Она сама, Тамин, очнись! Твоя шлюшка первая хвостом передо мной вертеть начала, намекая на большее!"

Голос брата эхом звучал в ушах. Приговором. Тяжелым молотом, что бил без промаха напрямиком в виски.

Настойка показалась кислотой, разъедающей внутренности.

Была ли в словах Леона хоть капля правды? Могла Мила для каких-то целей пытаться его соблазнить и использовать?

Черт!

Желание убить кого-нибудь возвращалось, затягивая мутной пеленой глаза.

Я чувствовал, как каждая клеточка моего тела наполняется черной, ищущей выхода. Беснующейся яростью.

Она плавилась и жидким металлом текла по венам, задевая нервные окончания и причиняя нестерпимую боль.

Про то, что в комнате ощущался панический страх когда я их застал я не соврал, но сейчас сильно сомневался в своих ощущениях. Кто знает, возможно, это выдал мой воспаленный мозг, чтобы хоть как-

то оправдать и не навредить в тот момент самой виновнице случившегося. Ведь в казарме мне тоже чудился аромат ее невинности и отпечаток непорочных мыслей, а при сцене с женихом так вообще казалось, что ее эмоции стали моими, перетекая и смешиваясь, пульсируя в голове и прошивая энергетическими разрядами.

А потом выяснилось как сильно я ошибался, придумывая воздушные замки, строя красивые иллюзии и слепо веря в них.

Как? Как у нее получилось так искусно водить меня за нос?

Для чего ей понадобился Леон?

И что он сам забыл здесь?

Проклятье! Я даже не поинтересовался этим, настолько сорвался с катушек.

Меня до сих пор трясло от одного воспоминания порванного платья и оголившегося плеча, что так соблазнительно проглядывало между кусками материи.

Плеснул еще настойки и снова одним глотком осушил бокал.

Что со мной, черт возьми, происходит? Почему меня снова ведет от нее как прыщавого юнца, скручивая от перевозбуждения?

В голове слегка зашумело и по телу пробежала легкая волна тепла, подкашивая ноги.

Алкоголь на голодный желудок дал знать. К тому же при сцене с братом произошел слишком сильный, неконтролируемый выброс силы. Это чудо, что я лишь слегка покалечил его.

Мне не жалко было Леона, сам напросился, почувствовав себя хозяином в моем доме и посмеив замахнуться на то, что ему не принадлежит. Какие бы родственные отношения нас не связывали, а терпеть этого я не намерен.

Но вот подобный выброс принес опустошение, будто сутки держал оборону на границе.

В дверь робко постучали.

— Входи, — я продолжал стоять спиной к входу, разглядывая уже третью порцию спиртного сквозь прозрачные изогнутые стенки бокала.

— Я вас... слушаю, — раздался неуверенный голос Милы.

Повернулся к ней и... черт, лучше бы этого не делал!

Она специально?

Ярко-алое платье ослепило, действуя на меня как тряпка для быка.

— Это что? — процедил, ощутив хлесткую волну жара, что окатила

с головы до ног.

Возбуждение и злость одновременно.

Разумные мысли ускользали. Нить разговора тоже безоговорочно потерялась, стоило взглянуть на стоящее передо мной живое воплощение искушения. Чувственное, нежное и порочное. Как падший ангел.

Разве можно одновременно сочетать в себе такие противоположные качества?

Платье идеально подчеркивало ее точеную фигурку, прикрывая все, что должно, но при этом давало огромный полет сексуальной фантазии, привлекая к груди и делая акцент на открытых девичьих плечах с молочного цвета кожей.

Мать вашу...

Сглотнул, чувствуя как в штанах стало невероятно, до болезненного, тесно.

— У меня больше нечего надеть, — скромно взмахнув ресницами, опустила взгляд.

Даже румянец на щеках выступил настоящий!

В голове уже нарисовался ее обнаженный образ, без всех лишних тряпок.

Руки закололо мелкими иголочками в предвкушении. Бешеное желание дотронуться до этой красоты, ощутить, почувствовать подушечками пальцев бархат ее кожи, пройтись по всем изгибам тела, впитывая в себя ее желание и давая больше, чем она может себе представить, заставить выгибаться и таять в моих руках.

Манящие, сочные картинки Милы, сидящей в чем мать родила на моем письменном столе с распахнутыми коленями и откинувшейся на локтях назад заставил до скрежета стиснуть зубы, чтобы не застонать в голос, не сорваться и не наделать глупостей прямо сейчас.

Хотя, что я теряю? Если она так отчаянно стонала под Леоном, неужели мне сможет отказать при ласковом подходе? Тем более, она прекрасно понимает от кого зависит ее дальнейшая судьба. А беременность...

Чтоб тебя! Совсем забыл об этом...

Но! В этой ситуации я ничем не рискую, ведь Мила уже беременна, а это значит...

И все! Почувствовал, как мне сносит крышу ее признанием, как

каменный член уже не помещается в штанах, требуя войти, ворваться в хрупкое девичье тело, насадить на себя и вколачиваться до потери пульса.

Облизнул пересохшие губы, поставил бокал на стол и двинулся в ее сторону.

22. Армила

Наверное, если бы меня вели на эшафот за руки, я бы волновалась меньше, чем сейчас, направляясь в кабинет Тамина, едва поспевая за Норой.

Женщина успела за то время, пока вела меня длинным коридором, вполне искренно извиниться за то, что не смогла прийти на помощь и отбиться от брата миаро.

Как оказалось, младший единокровный брат Тамина еще и один из самых близких его друзей, частый гость в этом доме и, практически, второй хозяин здесь. Раньше таких инцидентов не случалось. Возможно, потому, что миаро не приводил сюда девушек.

Я оказалась первая.

И как мне было воспринимать эту информацию?

Нора же, решив, что я из высокородных, в открытую нахваливала Тамина, восхищалась его имеющимися талантами и чуть ли не в открытую сватала за него.

Было бы смешно, если бы не было так грустно. Насколько поменяется ко мне отношение этой приятной женщины, когда она узнает кто я?

Но пока у меня язык не поворачивался рассказать правду.

А еще внутри понаmeshалось такое количество эмоций, что я сама не могла разобраться в своем клубке — что именно сейчас ощущаю больше: страх или злость, раздражение или восхищение, радость или разочарование?

Тамин, конечно, заступился за меня, но никто не давал гарантию, что он не сорвется на меня за сложившуюся ситуацию. Раз уж младшего брата не пощадил, то что грозит мне?

И еще это платье! Предыдущее безжалостно испорчено Леоном, а дорожное забрали в прачечную. Оставалось только вечернее, облегающее как вторая кожа, настолько яркое и откровенное, что я долго колебалась стоит ли мне его надевать. Даже упрашивала Нору принести мне что-нибудь скромнее, сошла бы простая форма экономки.

Но женщина, нахмутив брови, категорически отказалась, объяснив, что приказы хозяина нарушать не намерена, а он давал четкие указания

по моим нарядам.

Еще и успокоить пыталась, что это временные трудности, через пару-тройку дней я получу готовый гардероб с новыми вещами. Только от этой новости меня потом прошибло холодным, лишь подтверждая самые кошмарные предположения. Тамин не думал отступать.

Атласная ткань приятно холодила кожу, струясь по коже при каждом шаге и откровенно обнажала в длинном разрезе ногу почти до самого бедра, а ажурная ткань трусиков непривычно натирала.

Нора тихо постучала в дверь, но, не получив ответа, решила открыть сама, пропуская меня вперед.

Миаро стоял в кабинете у окна, рядом с рабочим столом, держа в руках бокал с темным напитком.

Плечи напряжены, черная грива волос взъерошена и, вообще, рядом с ним чувствуется напряженная атмосфера. Разве что искры не летят в стороны.

Я не помню что сказала ему, не помню что он ответил, потому как стоило Тамину развернуться ко мне лицом и я потерялась в его взгляде.

Терпком, густом, как выдержанное вино, он тянул меня к себе, обволакивал, лишал способности думать.

Красивый. Безумно красивый мужчина, от которого толпа бабочек бьется в экстазе крылышками в животе.

Интересно, сколько женщин теряло от него голову?

Миаро шагнул в мою сторону.

Не было страха, паники и других негативных реакций на его приближение. Я не дрожала как осиновый лист как в случае с его братом, когда тот нахрапом попер на меня, не скрывая своих намерений.

Я оказалась в сладком плену его глаз, в паутине его эмоций, что через край били фонтаном.

Я их ощущала!

И они дурманили меня похлеще, чем мои собственные.

— Милааа... Такая красивая и такая лживая, — прохрипел он, останавливаясь в шаге от меня, словно налетев на невидимую преграду.

Я хлопала глазами, витая где-то в облаках и с трудом понимала что именно он имеет в виду.

Его голос...

Он проникал под кожу, лаская каждый оголенный нерв, возбуждая так, что кровь в венах превращалась в кипяток.

— Чего ты хотела добиться соблазнив Леона?

Тамин сделал шаг вперед, оттолкнув меня к открытому шкафу с книгами, отчего я оказалась прижатой спиной к полкам. Рукой коснулся лица, погладив большим пальцем скулу, очерчивая линию до подбородка.

— Я не... Нет! Он сам, — задыхаясь от нехватки воздуха, от переполнявших меня незнакомых эмоций, прошептала, невольно прикрыв глаза от удовольствия, наслаждаясь такой незатейливой лаской.

Тело отзывалось на его прикосновения песней, подобно хорошо настроенному инструменту. Я сама не понимала, что со мной происходит, откуда эта жгучая волна удовольствия, что бежала по капиллярам обжигающей лавой сверху вниз, опутывая сетью и сворачиваясь в тугий болезненный ком внизу живота.

— Ты не хотела? Или не успела? — миаро прижал меня своим телом и теперь я ощущала жар его дыхания над своим ухом, слышала, как часто и громко бьется его сердце под моими ладонями, что мне пришлось выставить вперед в защитном жесте, но теперь получалось, что я просто держала их у него на груди, не замечая как начинаю комкать в руках рубашку.

— Вы же почувствовали мой страх...

— Нееет, я соврал ради тебя, — его губы коснулись кончика моего уха и я вздрогнула от легкого и такого безумно сладкого прикосновения его языка, от которого по всему телу побежали одуревшие мурашки.

Я даже представить себе не могла что со мной будет дальше, если я от такого простого касания уже схожу с ума и теряюсь в ощущениях.

— Ты толкаешь меня на преступления, моя маленькая разбойница. И рядом с тобой я теряю голову!

— Я тоже, — прошептала прежде, чем поняла Что я сказала.

— Ты со всеми такая... согласная? — вклинился коленом мне между ног, отчего разрез платья оголил кожу до середины бедра. — Чееерт!

До меня вдруг резко дошло что происходит, словно показали со стороны. И его слова... "Согласная!"

Он реально посчитал меня дешевой доступной шлюхой, готовой клюнуть на богатого самца? Отсюда и обвинения по поводу брата.

Я задышала часто, пытаюсь прийти в себя и скинуть наваждение,

глядя расширившимися глазами на миаро. Он же собирается поиметь меня! Прямо здесь и сейчас.

Этот жадный голодный блеск в глазах, неприкрытая похоть и бешеная сексуальная энергия, что сражает наповал без шанса на победу.

— Я вам не... — я не успела договорить, как Тамин накинудся на меня с поцелуем, вынуждая заткнуться и забыть что хотела сказать, завладев моим ртом, ворвавшись и языком творя такое, от чего голова пошла кругом и ноги подогнулись.

Давая редкие секунды на глоток воздуха, заставляя делить одно дыхание на двоих и тонуть, тонуть в своих ощущениях, цепляясь за его плечи, вжиматься в его грудь, зарываться пальцами в его волосах и молить о чем-то большем. О том, чего никогда не испытывала, но так требовало тело.

Я просто сошла с ума от пьянящей близости Тамина, от его алчных ласк и требовательных рук, от грубых поцелуев, после которых саднили и опухали губы и от того тайфуна эмоций, что он обрушил на нас, забывая на время обо всем.

23. Тамин

Я хотел эту маленькую светловолосую ведьму, лишившую меня покоя в последние годы.

Хотел остро, жадно, безумно, сгорая внутри и оседая пеплом к ее ногам. Попроси она сейчас звезду с неба и я бы пообещал, достал и принес ей на блюдечке. Прикажи склонить голову и стать ее рабом — и я с готовностью стал бы на колени ради только одного: обладать ею.

Сейчас.

Прямо здесь.

Безраздельно и полностью.

И плевать на то, что она беременна от другого, плевать, что застал их с братом, плевать, что виновна перед законом. На все плевать!

Я вытащу ее и найду оправдания даже если она будет обвиняться в самом тяжком преступлении.

Неважно! Лишь бы моя! Со мной! Навечно!

Меня дико трясло, когда не выдержал и набросился на ее манящие губы, припадая к ним, как к живительному источнику.

Не помню, чтобы когда-нибудь сносило крышу от поцелуев. Вообще не понимал этого кайфа, предпочитая основной процесс, а сейчас с ума сходил от возможности облизывать, посасывать ее губы, ловить стоны и выдыхать в ее рот свои, сплетаясь языками.

Прижимал к себе как ненормальный, бормоча в редкие перерывы признания, какие не сказал бы ни одной девушке и чувствовал как срываюсь в пропасть от одного лишь понимания, что Армила отвечает мне взаимностью, что ее как и меня, выворачивает наизнанку от потребности почувствовать друг друга.

Платье легко поддалось, почти сразу треснув по швам, а следом слетел и бюстгальтер, обнажая небольшую упругую грудь с розовыми сосками, что так и манили попробовать их на вкус.

Подхватил Милу под попу, развернулся и в два шага преодолел расстояние до стола, усаживая на него.

Ее руки хаотично обшаривали рубашку, пытаюсь дрожащими непослушными пальцами справиться с пуговицами.

Нетерпеливая.

Не удержался, обхватил губами горошину соска, втянул в рот, лаская его языком и ощутил как по ее телу побежали сладкие судороги, как она подалась навстречу, забывшись и сильнее притянув меня за ворот одежды.

Мила застонала, пытаясь свести вместе ноги.

О, нет! Не так, девочка!

Вклинился, заставляя обхватить меня за бедра, одновременно одной рукой избавляясь от ставших в мгновение тесных брюк и ругаясь сквозь зубы на заевшую молнию.

Дернул со всей силы, понимая, что сорвал собачку и одним движением спустил их вместе с трусами до щиколоток.

Возбуждение достигло такого предела, что еще чуть-чуть и я взорвусь, так и не дойдя до самого главного.

Продолжая ласкать ее грудь, я перекатывал между пальцев затвердевший камушек соска, облизывая поочередно то один, то второй, упиваясь ее стонами и дурея от вкуса ее кожи.

Опустил руку вниз, к ажурным трусикам. Провел по заветному местечку, что скрывала проклятая ткань и понял, что моя девочка уже готова.

Мокрая!

Сдвинул мешающую полоску, погрузив палец внутрь и не сдержал громкого вздоха от того, насколько внутри нее было горячо, тесно и влажно.

Она тоже жаждала меня.

Умоляла! Требовала!

Оторвался от ее груди, впиваясь зубами в нежную кожу шеи, чувствуя, что еще немного и у меня от перевозбуждения лопнут яйца.

А она, будто почувствовав, подалась бедрами вперед, еще сильнее насаживаясь на мой палец, извиваясь, двигаясь быстрее, словно упрашивая не мучить нас обоих. Заерзала попой по столу, заставляя меня звереть от похоти.

Сейчас, девочка моя, сейчас!

Я буду весь твой!

В тебе!

Потерпи, родная.

Член окаменел настолько, что даже прикосновение руки чуть было не сорвало спусковой крючок.

Зашипел, сжав его у основания, пытаюсь хоть немного ослабить накал, но разочарованный стон Милы, от того, что ее покинул мой палец, чуть было не лишил меня тормозов.

Приставил набухшую головку к ее входу и толкнулся вперед.

Черт, такая узкая, что я начал сомневаться помещусь ли в ней. Еще один толчок вперед и я снова терплю фиаско, теряя терпение.

Мила вдруг испуганно дернулась, попытавшись отстраниться, но я лишь сильнее сжал руками ее за ягодицы, притягивая к себе и со всей силы, рывком, вошел на полную длину и... замер, услышав ее резкий крик и почувствовал то, что не должен был.

Она не беременна.

Она вообще до меня не была ни с кем.

Армила девственница!

В уголках ее глаз выступили слезы и задрожали, переливаясь на кончиках ресниц.

Застыл каменным изваянием, крепко вжимая ее в себя.

— Сейчас... Потерпи, девочка моя! Сейчас пройдет, — выдохнул, проклиная себя в душе, чувствуя как изменились ее ощущения, как рвано дышит и вздрагивает в моих руках, пытаюсь сдержать всхлипы.

— Маленькая, прости! В первый раз всегда больно. Расслабься.

А у самого крышу рвет от дикой накатившей радости, что я у нее первый!

Что никто до меня!

Что невинна!

И хочется долбиться в нее со всей дури на полную длину, наслаждаясь желанным телом. Только понимаю, что нельзя. Нутром ее боль чувствую. Она по всему телу всполохами идет и скручивает в жгут.

Как помочь? Боль ее на себя хоть немного взять, облегчить? И понимаю, что сам виноват. Взял ее грубо, не ожидая такого сюрприза.

Языком по ее уху проложил дорожку, нашептывая какая она желанная. Мочку облизнул и услышал как слабо, где-то внутри отозвалась.

Коснулся губ, раскрывая их, вторгаясь в сочную мякоть рта и лаская ее там.

Мила вздрогнула, приоткрыв глаза, глядя на меня мутным взглядом. И я потерялся в этом бездонном омуте, заблудился, окончательно понимая, что назад дороги нет.

Это все.

Она моя!

До кончиков волос. Вся!

Не отпущу, даже если умолять и проклинать будет.

Выдохнула мне в рот и тихонько застонала, а я почувствовал, как тело ее расслабляется понемногу. Внутренние мышцы уже не так сжимают, хоть и тесно все равно настолько, что кажется я кончу от пары толчков в нее.

Зарылся пальцами в ее волосах, уткнувшись лбом в лоб.

— Ты моя... теперь, — выдохнул сквозь зубы и качнулся медленно, выходя из нее, чтобы снова полностью заполнить собой, — запомни это!

И снова осторожное назад — вперед.

Двигаться, сдерживаясь что есть силы, жадно ловя каждую эмоцию на ее лице, осыпая поцелуями.

Никогда не думал, что меня будет заботить Что чувствует девушка при близости со мной.

Оргазм.

Точка.

Так было всегда. Вернее, я так считал.

А сейчас смотрел в ее глаза и боялся увидеть разочарование или новую порцию боли, когда морщась, принимала меня в себя. Проклинал себя и свою несдержанность.

Но боль отступала. Я ощущал это на каком-то энергетическом уровне. Или хотел в это верить. Где кончались ее эмоции и начинались мои, уже не смог бы внятно ответить.

Мила вцепилась мне в плечи, тяжело дыша. И я уже не мог остановиться, теряя контроль, хрипя как раненое животное, с каждым разом увеличивая амплитуду толчков, вколачиваясь в нее все сильнее и уже не целуя, а откровенно трахая языком ее рот. Уже не разбирая где она кричит, а где я рычу от того, что внутри меня вот-вот взорвется огненный вулкан.

Стол ходил ходуном под нами, каждую минуту сопровождаясь звуками чего-то падающего.

Вжимал руками Милу в себя, двигаясь с остервенением бедрами и насаживая ее на свой член до самых яиц, хоть и понимал, что нельзя так.

Но как же сладко!

Чееерт!

Она вдруг заскулила, ногтями заскребла, впиваясь и притягивая меня за шею, запрыгнула, соскакивая со стола и плотно обвив ногами. И пульсация стенок ее лона легкой дрожью по члену. Вздогнула, покрываясь мурашками. Капельки пота заблестели на лбу.

— Мила, — ахнул, чувствуя как меня окатило ее удовольствием.

Болезненным, тягучим, но таким пьянящим, что я едва устоял на ногах.

И... не выдержал, забылся, изливаясь мощной струей в нее, отключив мозги, чувствуя как толчками из меня выходят потоки энергии, успев лишь опереться полусогнутыми коленями о стол, все так же крепко сжимая ее в объятиях.

24. Тамин

Реальность навалилась всем своим весом, словно гранитная глыба, похоронив разом все зародыши надежды.

Мила сползала с меня, отведя взгляд. Ее потряхивало.

Хотелось бы верить, что от пережитого удовольствия, но слова, сорвавшиеся с ее губ в следующий момент спустились с небес на землю.

— Вы изнасиловали меня!

Я даже задохнулся на мгновение от подобной наглости.

А не она ли минуту назад бурно кончала на моем члене? И это в первый-то раз!

— Сама-то веришь в то, что говоришь? — справившись с эмоциями, подал ей салфетки.

Она принялась оттирать мое семя, смешанное с кровью на внутренней стороне бедра.

С усмешкой наблюдая, как она пытается натянуть на себя платье, как стягивает разорванные куски в надежде хоть частично прикрыться, стоял рядом, оперевшись на письменный стол и все еще ощущал отголоски пережитого удовольствия, гуляющие по телу.

Самого нагота не смущала. Давно уже не пацан, чтобы прятать при женщине то, чем наградила природа. Тем более, при своей женщине!

А то, что Мила теперь останется при мне, я не сомневался.

— Вы использовали какой-то тип воздействия на меня, управляли, навязали мне чужие эмоции! Это явно была гнусная, мерзкая манипуляция!

Ее глаза откровенно метали молнии и, в какой-то момент, мне даже показалось, что радужка глаз начала переливаться, как это бывает у миаро в момент сильных эмоций. Только не серебристым, а всеми оттенками сине-голубого.

Сморгнул от удивления.

Бред!

Чего только не привидится после хорошего секса.

— Я не воздействовал на тебя. Оргазм мы не умеем навязывать, — наблюдая из-под прикрытых ресниц как вспыхнули алым ее щеки, я довольно улыбнулся.

Почти под цвет платья.

— Вы воспользовались моей растерянностью! Сыграли на благодарности!

— То, что это был добровольный акт подтвердит любая проверка. Ты сама хотела меня. И получила не меньшее удовольствие.

Мила запыхтела от негодования совсем как ребенок. У меня же, после всего случившегося, в теле бродила невероятная легкость. Эйфория еще не отпустила, поэтому попытки досадить мне не возымели успеха.

Да, давно я не получал такой кайф. Именно то, чего так давно требовало тело. И душа.

Сейчас внутри все находилось в приятном равновесии и гармонии.

— К вечеру я составлю договор. Обсудим все нюансы.

— Какой договор? — насторожилась она, не поворачиваясь.

Я встал, оказываясь у нее за спиной, прижал к себе и прошептал на ухо:

— На то, что ты теперь моя! Разве не понятно?

Она вздрогнула. Плечи под моими пальцами будто окаменели и сама превратилась в изваяние.

Страх. Отчаяние. Разочарование.

Проклятье, я кажется, правда, ее чувствую. Хотя, это ожидаемая реакция, ничего удивительного.

Все девушки в начале боятся этого, а потом радуются, как им повезло.

— Я не стану акхе, — тихо, вполголоса, раздалось от нее, — добровольно — никогда!

Опя-ять! Ну что же за упрямица?

Погладил ее кожу на затылке, перебирая пряди волос. Как же вкусно и одурманивающе она пахнет!

Кровь снова устремилась в низ живота, оживляя и выпрямляя член.

На секунду даже стало жаль, что она была девственницей. Теперь некоторое время ее нельзя трогать. А как же захотелось повторить!

В паху сладко заныло, отреагировав на свежие воспоминания.

Отпустил ее и попятился назад, понимая, что сейчас не стоит провоцировать себя.

— Переоденься и к ужину будь готова.

— К чему? — не поняла Мила, скидывая на меня удивленный

взгляд. — И у меня нет больше платьев. Прошлое порвал ваш брат. У вас это, видимо, семейное!

Упоминание Леона было некстати. А ведь если бы я вовремя не успел...

Внутри садануло, как от пропущенного удара под дых.

— Я вроде бы заказывал тебе одежду? — ощупывая ее взглядом и понимая, что да, алая тряпка безвозвратно испорчена.

Даже жаль.

— Ваша экономка сказала, что остальное будет готово через два-три дня. И простое платье прислуги отказалась дать.

— Правильно сделала. Я сам выберу тебе что-нибудь до обеда. А пока...

Пока решил поделиться своим баннным халатом. Все-таки перспектива того, что Мила полуголая будет щеголять по дому полному слуг, мне не нравилась.

И пусть наши с ней размеры не совпадают... Хотя, не во всем. В чем-то мы очень хорошо совпадали!

— Рано радуетесь! — ее голос застал врасплох.

Мила стояла напротив и всем своим видом показывала, что сдаваться не собирается. Маленькая, самоуверенная, храбрая девочка. Моя!

Внутренний зверь довольно облизнулся, заурчав.

— Ты мне еще должна будешь ответить на некоторые интересующие меня вопросы. Например, как ты — беременная — оказалась девственницей? И кто тот странный таинственный миаро, что заказал тебя? Беременной...

Мила вспыхнула до кончиков ушей, отводя взгляд.

— И почему сразу об этом не рассказала? Что ты скрываешь, а? Милааа...

Взял ее за подбородок, заставляя посмотреть на меня. Втягивая и ощущая ее волнение.

Чистое, юное, неиспорченное.

Только сейчас понял насколько мне повезло и как, все-таки, благосклонна оказалась ко мне судьба, отправив Милу прямиком ко мне в руки, дав такой бесценный шанс именно мне сорвать этот нераспустившийся бутон.

— Я постараюсь вернуться к обеду. Пожалуй, не стоит затягивать с

разговором. И, пожалуйста, не гуляй до моего возвращения по дому в таком виде. Это не приказ. Это совет, — шепнул ей на ушко.

25. Тамин

По дороге меня перехватил Рэй. Нужно было заехать на работу, подписать кое-какие документы и перенести сроки поставки редких кристаллов в ювелирные мастерские. Те самые кристаллы, что пока так и не были найдены. Приходилось врать, выворачиваться и тянуть время.

Правда, подобная ситуация произошла впервые, поэтому каких-то подозрений и откровенных недовольств вынужденная отсрочка не вызвала.

— Хороший день? Ты выглядишь как счастливчик, выигравший в казино приличный куш, — заметил как бы невзначай управляющий.

— День хороший, ты прав.

— Что-то узнал по камням?

Я шумно выдохнул. Сейчас вся эта суета с кристаллами у меня вызывала лишь раздражение, особенного потому, что отвлекала от главного интереса.

Не здесь я хотел находиться в данный момент, не переливать из пустого в порожнее. Камнями занимаются профессионалы, а у меня на огранке свой бесценный кристалл.

Нельзя оставлять Милу одну, особенно после всего произошедшего. Она уверена, что не сама отдалась, что я заставил ее и от того на языке немного горчил вкус моей победы.

Наивная девочка, наверняка воспитывалась в строгости в пуританской семье, с вдалбленной окружением истиной, что хотеть мужчину и отвечать ему взаимностью позор для молодой иви. Только брак и смиренная супружеская поза "бревно" в постели.

А Мила явно горячая штучка, хоть еще противится своей природе и не подозревает, что темперамент не удержат никакие догмы морали. Стоило только вспомнить, как она царапалась и насаживалась на меня, когда кончала.

— Эй, спустись на землю! — голос Рэя вернул в чувство

— Если бы это было так, ты был бы уже в курсе. Нет. Как растворились, — отмахнулся от него.

— Я переживаю за то, что они всплывут в самый неподходящий момент, — покачал головой Рэй, нервно кусая губы, — интуиция мне

подсказывает, что неспроста все это, Тамин. Кто-то затеял игру против нас и теперь ждет удобного момента, чтобы ударить.

— То есть вариант просто обогатиться мы не рассматриваем?

— Для этого нужно быть самоубийцами, чтобы не понимать всю серьезность ситуации. Нет, им наверняка обещали защиту и прикрытие. Копай глубже, мой тебе совет!

В дверь постучали и секретарь Рэя сообщила, что в приемной меня ждет Арон.

Вот это мне не понравилось. Неприятный сюрприз. Не станет опекун среди рабочего дня просто так искать меня, не поленившись приехать прям сюда.

— Проводи в мой кабинет. Я уже иду.

— Ууу, что-то случилось? — хохотнул довольно Рэй. — Как резко-то выражение лица поменял.

— Было бы все радужно, не принесли бы его черти сюда.

Арон действительно ждал меня не в самом лучшем расположении духа. Уже по тому, как играли желваки на его скулах, можно было судить о том, что надвигается буря.

Отвлекшись, опекун ушел мыслями в себя, уставившись невидящим взглядом в окно.

— Чем обязан в рабочее время? — перешел сразу к делу вместо приветствия.

— И тебе день добрый! — он повернулся ко мне лицом.

Прошел до моего рабочего кресла, усаживаясь в него с видом хозяина, положил руки на стол и сцепил ладони в замок.

Взгляд как на нашкодившего котенка в мою сторону из-под нахмуренных бровей, заставляя снова почувствовать себя беспомощным ребенком перед ним. Почти как в детстве. Только сейчас этот взгляд внушает не трепет, а глухое раздражение.

Правда, в этот раз меня особо не задело. Присел на стул напротив и скопировал его позу.

— Знаешь кого я сегодня встретил по дороге к тебе?

— Приступай к главному. Что я опять натворил?

— Что вы не поделили с Леоном?

— Пфф! — выдохнул, чувствуя как как копится во мне злость на брата. — Ты ради этого прилетел сюда? Кстати, где ты с ним успел пересечься, если он с утра был не в городе?

— Вот именно не в городе и встретил. Мне пришлось открывать временной тоннель, чтобы срочно доставить его в госпиталь. Ты понимаешь, что все это уже серьезно?

— Он получил по заслугам. Дальше что?

— Это правда, что ты избил его из-за женщины? Кто она? Ты привел ее в родовое имение?

— Арон, наши с Леоном недопонимания мы с ним решим сами, — четко, выделяя каждое слово, процедил сквозь зубы.

— Я хочу знать кто она. Если ты ради нее набрасываешься на брата, значит, надо судить, это уже не проходное увлечение.

— А у тебя на меня планы... — закончил его недосказанную мысль. — Послушай, я не племенной жеребец, чтобы искать мне подходящую по масти кобылу.

— Ты — наследник целой империи рудников! К тому же с силой твоего дара ты просто права не имеешь растрачивать себя на низкопробный материал!

— Хватит! Прекрати! — перебил его, стукнув по столу и вскакивая со своего места.

Внутри ожили змейки негодования, поднимая всю мусть со дна и завертелись подобно смерчу, начиная с малого.

— Ответь мне тогда почему ты, второе лицо в государстве, едва ли не самый сильнейший миаро на данный момент или самый? так и не женился, не завел потомства? Что тебя удерживало все эти годы, отчего ты как проклятый пропадал и пропадаешь на службе?! Почему ты не считаешь нужным обречь себя на подобное счастье? — заорал, не выдержав, ему в лицо.

И это было действительно так. У Арона не то чтобы семьи, даже намек на любовницу не наблюдалось, сколько я его помню. Всегда только государственные интересы, только работа с утра до поздней ночи и никаких амурных дел.

Я никогда не задумывался об этом, а вот теперь показалось странным. Ни жены, ни любовницы, ни акхе.

— Да что ты можешь знать обо мне!? — прошипел Арон, меняясь в лице. — Я, может, и рад был бы, да старые грехи не пускают. Тебя, идиота, пытаюсь уберечь, чтобы не наломал дров. Кто она, эта девка? Высокородная?

— Нет, — отчеканил твердо, — Леону повезло. Если бы я не

подоспел вовремя, сломанным носом он бы не отделался, так что ему благодарить меня надо, а не бежать жаловаться.

— То есть, ты привел домой... обычную, простую девушку и Ради нее покалечил брата? — мрачно уставился на меня опекун.

— Да. Я решил разжиться личной акхе. Тебе же не нравится мой разгульный образ жизни.

— Мне не нравится твой блеск в глазах, Тамин. Ты теряешь голову. А это недопустимо. Хочешь личную игрушку? Твое право. Но — услышь меня — только с соблюдением всех условий! У тебя все в порядке на рудниках? — внезапно сменил тему Арон.

— Конечно! Почему ты спрашиваешь?

Он неопределенно мотнул головой.

— Так, кое какие слухи... И еще. Мне нужны парочка твоих самых надежных людей из розыскной службы. Свяжись с ними и направь ко мне. Век буду обязан, — погружившись в свои мысли, задумчиво пробормотал он.

— Хорошо.

Я недоуменно пожал плечами. Стоило ради этого лететь черт знает куда? Проследил взглядом за удаляющейся фигурой Арона и, наконец, сел в свое законное кресло.

Сейчас меня занимал только один вопрос: где найти лучшее агентство по стерилизации? И я собирался заняться этим в первую очередь.

26. Армила

То, что я чувствовала по отношению к проклятому миаро не поддавалось логике.

Ненависть в первую очередь. Обжигающую. До ломоты в кистях рук, когда хотелось просто задушить его нагло ухмыляющуюся морду, что преследовала меня в мыслях даже в его отсутствие.

И отторжение, презрение к самой себе. Это же надо было так низко пасть, расстелиться и стечь лужицей к его ногам, позволить трогать везде и...

О дальнейшем вспоминать было еще хуже. Потому как к стыду примешивалось и совершенно непонятное мне чувство легкой дрожи в коленях и щекотание бабочек в животе. Предательниц. Во рту пересыхало, сердце начинало сбиваться с ритма, а внизу живота появлялась сладкая истома от воспоминаний того, что творил с моим телом Тамин.

Между ног все еще неприятно саднило, будто специально подбрасывая мне в памяти самые пикантные подробности произошедшего.

Но почему, почему я раньше не реагировала так на мужчин? Почему меня не тянуло настолько к Силаху и я не теряла голову от его прикосновений? От его поцелуев? От его пронзительных взглядов?

Ох, мама! Знала бы ты какую развратницу-дочь воспитала!

Но даже не это сейчас волновало больше всего.

Мне нужно было бежать! Забиться в какую-нибудь глушь, маленький городок или даже деревню и сидеть тихо как мышь.

Наивно полагать, конечно, что мне удастся сбежать от сильнейшего миаро. В его руках власть, деньги, службы. А у меня?

Правильно — ни-че-го. Далеко я смогу уйти при таком раскладе?

Но другого выхода я не видела. Ждать своего приговора я согласна ровно до тех пор, пока у меня не появится шанс.

В мужском халате и без денег, босая, я привлеку больше внимания. Значит, нужно действовать тоньше.

В голове это рисовалось легко, да вот сумею ли сыграть так, что бы Тамин поверил, когда я врать никогда не умела!?

Но к обеду миаро так и не появился. И к ужину тоже. Трапезничала я в одиночестве в огромной столовой за большим овальным столом.

Наверняка у них большая семья и по праздникам они любят собираться в этом доме, вдали от суеты, приезжая с женами, мужьями, детьми. Дружно и чинно обедая за этим столом. По крайней мере, сознание сразу нарисовало такую картину.

Тоскливо стало и неудобно, почувствовала себя лишней, чужой, словно занимала чье-то место.

А учитывая то, что по договору я должна была согласиться на то, чтобы из меня сделали недоженщину и я теряла возможность в будущем завести семью, становилось вообще тошно. Обида, гнев, раздражение вспыхивали подобно спичке, жгли и заставляли искать пути выхода.

Поэтому на следующий день я все-таки выпросила у Норы платье экономки и попыталась проверить лазейки, чтобы в нужный момент незаметно улизнуть.

Но, увы, меня ждало разочарование. Везде и всегда, стоило мне только попытаться приблизиться к ограде, как словно из ниоткуда появлялся садовник, или прачка, или сама экономка и мягко предупреждали не выходить за пределы имения.

Тамин не появился и в этот день. Волнение росло, смешиваясь с ожиданием и неопределенностью. В груди ныло, не давая успокоиться, а в сочетании с безделием, становилось совсем невыносимо. Часы тянулись издевательски медленно.

Ночью я опять попыталась попробовать уйти из дома, благо первый этаж, не обязательно выходить через дверь.

Но, стоило моим ступням коснуться рыхлой земли под окном, как сзади раздалось звериное рычание и отчаянный собачий лай поднял на ноги весь дом и перебудив в такое позднее время всех в округе.

Пришлось позорно шмыгнуть обратно в окно и больше не высовываться.

Странно, днем я нигде не видела в саду собак. Видимо, их держат на привязи и только ночью спускают с поводка.

На третий день я уже начала переживать. И не за себя.

Нет, я не была такого высокого мнения, чтобы утверждать, что раз Тамин не появляется как обещал, значит, у него обязательно что-то случилось, а не "он просто забыл обо мне".

Но сердце почему-то болело и в груди поселилась щемящая

тревога, которую хотелось голыми руками выдрать с корнем, только бы перестала травить душу.

Ожидание становилось пыткой.

Интуиция вопила в полный голос о чем-то нехорошем, переливаясь на все лады в моей голове, и мне действительно становилось страшно за Тамину.

И, когда ближе к вечеру третьего дня я услышала в гостиной голоса, то не задумываясь выбежала в коридор убедиться, что мне это не мерещится.

Слух меня не обманул. Это был он!

— Тамин! — выдохнула, захлебнувшись эмоциями.

Секунду мы молча смотрели друг на друга, а потом он налетел подобно вихрю, схватив меня за пояс, подняв в воздух и тут же прижал к себе, жадно вдыхая, втягивая воздух, носом поведя у самой шеи.

Стиснул в объятиях крепко, что дышать стало тяжело.

— Мила! Как же я соскучился, как хотел тебя увидеть все это время, ты даже не представляешь!

И пальцы по моей спине заскользили. Взгляд такой голодный, ощупывает каждую черточку лица, вглядывается, словно я и правда настолько важна ему, будто серьезно минуты считал в ожидании нашей встречи.

Сердце гулко застучало, заколотилось в горле, встав колючим комком. Смотрела на него, а сказать ничего не могла.

Все слова замерли на языке и разрыдаться, как дурочке, от счастья вдруг захотелось.

Что навывдумывала себе невесть всякое пока его не было.

А Тамин по-прежнему отпустить меня не решается.

— Ждала? — вглядывается пытливо в глаза.

Кивнула едва уловимо и все-таки не выдержала, почувствовав как слезы начинают обжигать глаза, а влипы рвутся наружу. Закусила губу изнутри и прижалась щекой к его груди. Живой! Рядом!

От его рубашки пахло пылью и потом. А местами остались бурые пятна, похожие на... кровь?

— Что у тебя стряслось? — теперь уже немного отстранившись и внимательно разглядывая его потрепаную одежду, задала мучивший последние дни меня вопрос.

— На одном из рудников произошел обвал, — нахмурился ивин, —

погибли люди. Мы пробирались к тем, кто остался в живых.

— Вы руками разбирали завал?

Подобное не могло уложиться в моей голове. Чтобы миаро и собственной персоной, вручную, наравне с простыми работягами..?

— Местами да. Каждый человек на счету был.

— Но как?

— Люди говорят, что был несильный хлопок, а потом посыпалось. Еще предстоит разбираться. Ситуация очень неоднозначная, погибло много народа и это смахивает на то, что все было подстроено заранее. Вот только кому это надо и зачем?

Тамин запустил пальцы в свою шевелюру, ероша и так взлохмаченные волосы. Отросшая щетина, темные круги под глазами и впалые щеки говорили о том, как сложно ему дались последние дни. Только взгляд все тот же, горящий и отливающий серебром.

Стало жалко его. Коснулась рукой изможденного лица.

— Тебе надо отдохнуть.

Он молча поймал мою руку, поцеловал ладонь, не отводя глаз и прижал к щеке.

— Поужинаешь со мной? Я только приму душ и переоденусь.

Кивнула в ответ. Если у меня и был выбор, то отказываться именно сейчас я не хотела, объясняя себе это тем, что устала трапезничать в одиночестве.

— Или, может, потрешь мне спинку? — сверкнул белозубой улыбкой.

27. Армила

Чтобы не сойти с ума от ожидания, я решила помочь с ужином.

Бабочки в животе от радости взбунтовались и отбивали в свободном ритме чечетку. Руки подрагивали. Если я не займу себя чем-нибудь в эти мгновения, то точно рехнусь.

Нора сетовала, что на кухне оказались не готовы к приезду хозяина, а потому жутко не успевают, вот я и направилась напрямик туда.

Готовить я умела. Все-таки столько лет помогала родителям, да и на работе приходилось часто заниматься готовкой.

На кухне вначале странно посмотрели на меня, настороженно я бы даже сказала, но противиться не стали, а к концу одна из помощниц поварихи даже с упоением болтала, рассказывая мне как подруге о своих проблемах и радостях.

С лишней парой рук управились немного быстрее и я успокоилась, перестала гонять ненужные мысли в голове.

Накрыли в такой уже ставшей мне до невыносимости родной столовой.

Тамин ждал на месте. В чистой светлой рубашке, побритый и еще с влажным волосом.

— Ты полна сюрпризов, — хитро улыбнулся он.

— Вы о чем?

— Я заглядывал на кухню, когда искал тебя. Умеешь готовить?

Кивнула удивленно. Для него это новость? В наших кругах это являлось чем-то само собой разумеющимся. Чтобы девушка и не умела? Ведь она будущая мать, жена, хозяйка!

— Будешь баловать меня по утрам свежими оладушками с малиновым джемом? Или сырниками с карамельным соусом? — сверкнул довольно глазами.

Да он сладкоежка! Ничего себе, а так и не скажешь.

Я привыкла к тому, что мужчины в нашей семье сладкое не любили. Ни отец, ни младшие братья.

— Присаживайся рядом.

Он осмотрел меня критическим взглядом с ног до головы и недовольно поморщился:

— Почему ты в платье прислуги?

Тамин сидел во главе стола, на месте хозяина. Я села рядом, по правую руку.

— Так другого у меня нет.

— А новые вещи? Я заказывал же?

— Значит, еще не успели доставить, — пожала плечами.

Меня этот вопрос мало волновал.

— С другой стороны, без одежды ты мне больше нравишься!

Его голос, тон каким были сказаны последние слова мгновенно заставили кровь бежать быстрее по венам.

— Приятного аппетита, — буркнула я, не поднимая глаз.

Миаро поймал меня за руку, перегнувшись через стол, крепко сжав ладонь и его дыхание сбилось, стало тяжелее, а голос приобрел волнующую хрипотцу.

— Мне нравится как ты краснеешь, смущаешься. Но я все же научу тебя вспыхивать при одном только упоминании о близости. А пока, ты права, стоит поужинать.

И, как ни в чем не бывало, принялся за еду, отпустив меня и оставив задыхаться, сгорать от стыда, кусая губы, сжимая колени, чтобы хоть немного унять жар, что волнами расходился по телу, зарождаясь внизу живота.

Весь ужин Тамин с озорным огоньком наблюдал, как я пыталась съесть хоть что-нибудь, хоть маленький кусочек мяса.

Но внутри меня творилось что-то невообразимое, бродило под кожей, скручивало и снова наполняло жидкой магмой. Это было невыносимо мучительно и безумно приятно. И определение своему состоянию я никак не могла подобрать.

Устав смотреть на мои метания, Тамин, наконец, не выдержал:

— Иди сюда!

— Что? Зачем?

— Подойди, — спокойным тоном повторил он.

Пришлось подчиниться, хоть и не понимала зачем ему понадобилась.

А стоило приблизиться, как миаро собственническим жестом усадил к себе на колени, прижал к груди и прошептал на ушко:

— Я не хочу, чтобы ты лежала подо мной без сил. Если только в самом конце! А значит, тебе нужны силы и, если понадобится, я лично

об этом прослежу.

Внутри снова вспыхнул ураган эмоций, ударил в голову и прошелся по всему телу, заставив почувствовать как немеют кончики пальцев и становятся ватными ноги.

Миаро подцепил вилкой кусочек мяса, обмакнул в соус и поднес к моему рту.

— Ну же?

Пришлось подчиниться. Я послушно стянула зубами с вилки мясо и медленно принялась жевать.

— Запей!

Он подал мне стакан с напитком, напоминающим яблочный сок. Прозрачная жидкость цвета редкого зеленого янтаря красиво переливалась на свету, а учитывая, что от непонятных чувств в горле все пересохло, я, не ожидая подвоха, сразу сделала большой глоток. И тут же закашлялась, ощутив как по гортани в пищевод побежала обжигающая волна, лишая меня возможности дышать, превратив в огнедышащего монстра.

Я бросилась заедать первым что попало под руку, напихав полный рот еды. Запить побоялась. Могла наткнуться на такой же напиток.

А когда отпустило, пришло приятное тепло, что подобно теплему одеялу мягко окутало тело, наполнив приятной легкостью.

Тамин хрипло рассмеялся, глядя как я пытаюсь прийти в себя.

— Ты не пробовала раньше? Это вино. Коллекционное. С личных плантаций моего бывшего опекуна.

Я отрицательно замотала головой.

— И что? Никогда не пыталась? Тайком от родителей? Тем более, насколько я помню, ваша семья держит таверну. Там, наверняка, подавали всякие горячительные напитки?

Я ничего не ответила, дожевывая все то, что затолкала в рот. Нужно ли было ему объяснять, что я всего несколько дней назад как отпраздновала совершеннолетие, а до того у меня и мыслей подобных не возникало. Слишком много насмотрелась неприятных моментов, когда напившись этой гадости люди теряли человеческий облик. Начинали лезть в драку, засыпать лицом в тарелке, кого-то тошнило прямо в зале, а женщины и того хуже — цеплялись к незнакомым мужчинам, позволяли трогать себя прилюдно, некоторые даже пытались

раздеться догола.

Нееет, спасибо! Ни мама, ни отец никогда не пили. Даже на праздниках. И мне не приходило в голову связываться с этой отравой.

— А я впервые попробовал в двенадцать лет. Помню, опекун привел меня к себе в дом и оставил на целый день одного. Слуги не в счет. Я от скуки облазил весь дом и залез к нему в кабинет. Там и заметил полку, где стоял целый ряд бутылок. Дотянулся до самой красивой, из темного стекла. Она была неполной, пахла сладкими фруктами и мне безумно захотелось попробовать ее. Я достаточно выпил для ребенка. Меня в чувство приводила испуганная няня. Вернее, пыталась привести. У нее ничего не вышло. Я тогда проспал почти сутки, даже врача вызывали, а после мне выдали строгие правила пребывания в доме и целый свод законов что можно, а что нельзя. Так началась моя новая жизнь в другом доме, — откинувшись на спинку стула, поведал Тамин с легкой улыбкой на губах и мечтательным блеском в глазах.

— А твои родители?

— Они погибли. Давно, — обрубил ивин, и я замолчала, чувствуя, что пока это запретная тема.

Мне вдруг захотелось обнять его, прижать к себе, поддержать хоть как-то.

Голова немного закружилась, зашумела. Я потянулась за салфеткой, чтобы вытереть рот и качнулась вперед, чуть было не потеряв равновесие. Если бы не руки Тамина, крепко схватившие за талию, я бы точно прочертила носом по столу.

Его пальцы оказались точно под полушарием груди, мгновенно нащупав, что я не надела под платье бюстгальтер.

— У тебя соус на губах остался, — внезапно севшим голосом оповестил ивин, — я вытру?

Потянулся вперед, ко мне, и, вместо того, чтобы вытереть салфеткой, слизнул языком каплю с краешка моего рта, медленно и томно прочерчивая линию от щеки до уголка губ.

И внутри что-то фонтаном взорвалось, закрутилось, ослепив на миг. Глаза закатились от наслаждения.

Притянула руками Тамина к себе за шею, ощущая как его язык затрагивает самые отзывчивые нервные окончания у меня во рту, как мое сопротивление просто сносит его горячим дыханием и жадные

нетерпеливые руки уже вовсю по-хозяйски сминают мою грудь.

А я плавлюсь и стекаю подобно воску от его ласк, от бешеного напора эмоций, хлынувших на меня из ниоткуда.

— Мила, сладкая моя, как же я соскучился!

Другая его рука уже собирает подол платья на бедре, прижимая к паху, что так ощутимо уперся своей твердой выпуклостью мне в живот.

И память живо подкинула картинки нашей близости, когда эта самая выпуклость была глубоко во мне, двигалась внутри меня, таранила, разрывала на части от удовольствия, дарила такие ощущения, что...

Я застонала, почувствовав как его пальцы скользнули мне между ног, задев какую-то очень чувствительную точку, отчего меня буквально выгнуло, заставляя прижаться к нему сильнее.

По телу пробежала сладкая волна. Я невольно заерзала бедрами навстречу его пальцам, творившие внутри меня настоящее волшебство.

— Милааа, девочка моя, — Тамин поймал губами мой стон, закрывая рот поцелуем, проталкивая внутрь язык и повторяя им примерно те же движения, что и его пальцы внизу. Почти синхронно, сводя меня с ума.

Еще чуть-чуть, совсем немного и во мне лопнет то, что не дает достичь максимума, своего пика удовольствия.

Я почти захныкала, впиваясь руками миаро в плечи. Откинула назад голову, ловя подступающую волну и... вдруг почувствовала пустоту, ощутив как он покинул меня там, между ног.

— Хочу, — прохрипела, сжимая вместе колени.

— И я хочу. Безумно хочу тебя, моя маленькая преступница, — покусывая кожу, лаская губами, выдохнул мне в шею Тамин, — и я могу дать тебе больше, гораздо больше! Я научу тебя взлетать до таких вершин, что ты забудешь как тебя зовут! Только дай мне шанс. Дай Нам шанс! Пожалуйста, Милааа!

28. Тамин

Эта ночь стала для меня самой длинной за последнее время.

Проклятье, я знаю, я вижу, я чувствую, что Мила тоже тянется ко мне, и не настолько я ей безразличен, как она пытается показать!

Я не слепой, чтобы не заметить как загорелись неподдельной радостью ее глаза, когда вернулся с рудников, как вцепившись в рубашку, терлась неосознанно щекой об меня, словно не доверяя глазам, и как не могла унять возбуждение при ужине.

В какой-то момент мне ее даже стало жаль. Она еще не понимает, что в ней проснулась женщина, не осознает, что проявления подобных чувств к своему мужчине это нормально и не научилась брать эмоции под контроль.

Как птенец впервые попробовавший встать на крыло, чувствующий, что все делает правильно, подсознательно все еще боясь высоты и в то же время стремясь к ней.

Мне казалось, что момент я выбрал самый удачный, разогрев ее немного перед разговором, тем более, она вспыхнула как спичка, стоило только прикоснуться.

Я был почти у цели. Почти!

Что произошло такого, отчего Мила отпрыгнула от меня с кошачьим шипением и с резко поменявшимся полярностью настроением?

Что я сделал не так, что она готова была сбежать от меня среди ночи в одних тапочках, если бы была возможность!?

Чем ее так пугал договор?

Или это такая тактика — выторговать себе самые лучшие условия?

Так нет же, Мила даже от слова этого превращалась в разъяренную фурию, готовую выцарапать мне глаза.

И снова я сижу один, ощущая шлейф ее эмоций, сжимая кулаки, будто пытаюсь ухватить ускользающую сквозь пальцы потерянную возможность.

Ну что с ней не так? Любая другая на ее месте ликовала от счастья, прыгала до потолка и считала минуты до подписания этого договора.

Но только не с ней. С ней с самого начала все пошло наперекосяк.

Я еще долго сидел один в столовой. Чего-то ждал. Наверное того,

что Мила одумается. Вернется.

Слуги боялись беспокоить и не заходили, понимая, что могут попасть под горячую руку.

А к полуночи, когда измотанный трехдневным марафоном проблем и человеческого горя организм все-таки потребовал своей порции отдыха, я собрался к себе, ноги против воли привели меня к ее спальне.

Стоял на пороге, затаив дыхание, упершись лбом в деревянное полотно и жадно прислушивался к каждому шороху, доносящемуся с обратной стороны двери.

Я варился в кипятке своих эмоций, раздираемый на части желанием снести к чертям эту хлипкую преграду со своего пути и доказать, что меня не удержит ничего на пути к ней.

Она все равно будет моей. Целиком и полностью.

И пусть пока еще не осознает полностью этого факта, не успела свыкнуться и смириться, но Мила не дурочка, чтобы не понимать, что наши отношения всего лишь вопрос времени. Это уже решено. И она дала свое негласное согласие, сколько бы не отрицала.

Осталось получить письменное.

Останавливало лишь то, что я хотел ее добровольного подчинения. И дело даже не в том, что так велит закон, а в том, что все внутри меня противилось брать ее силой.

Я мог любую из своих бывших шлюх насадить горлом на член, намотав волосы на кулак и долбить до кровавых слез и соплей пузырями, и мне плевать было что они при этом чувствуют.

А вот с Милой мое воображение даже представить себе такое отказывалось. Вся моя сущность противилась этому.

Зато картина, где она сама становится на колени, улыбается и язычком начинает ласкать член, закатывая глаза от удовольствия, скользит губами по стволу, буквально, сносила мне крышу, выстреливая бешеным выбросом тестостерона в кровь и заставляя скрипеть зубами от каменного стояка.

Она сама! По своему желанию. И только так!

Правда, как подвести ее к этому решению, когда у меня никакого опыта в подобных делах?

Если раньше с предыдущими пассиями все было предельно просто — я им деньги, они мне — секс, то с Армилой такое почему-то не срабатывало.

Я решил завтра, на свежую голову серьезно подвести ее к этому разговору. Возможно, я смогу добиться нужного мне откровения и, наконец-то, адекватной цены.

Развеять ее надуманные страхи о том, через какие ужасы проходят акхе и как несчастны в своей богатой беззаботной жизни. Сказки, не имеющие ничего общего с реальностью.

Лично я ни разу не встречал убитых горем акхе, оплакивающих свою судьбу и мечтающих изменить прошлое, отказавшись от своего решения.

С такими мыслями я нехотя отправился спать.

А утром, за завтраком, вернувшись к недающей мне покоя теме, снова наткнулся на глухую стену непонимания.

Темные круги под глазами ярче всяких слов говорили, что для Милы прошлая ночь тоже далась нелегко.

— Тамин, пожалуйста, не мучайте меня! Отдайте под суд, накажите сами, но только не участь бесправной рабыни!

— С чего ты решила, что будешь бесправна? Мы можем прописать все твои требования, если они будут уместны, в договоре. Главное, скажи чего ты хочешь? Чего боишься? — я попытался, как мог, успокоить ее, взяв за руку, но Мила тут же выдернула свою ладонь.

— Чего я хочу? — сощурилась она. — Многое, по вашим меркам. И совсем ничего по моим. Знаете, я росла в довольно большой семье. А вы проводили праздники в кругу родных и близких? Совместные ужины, за которыми собираются все домочадцы? Я часто смотрела на родителей. Как горят глаза у папы, когда он смотрел на маму. Каким теплом мама отвечала на его любовь и заботу. Как весело и дружно мы проводили дни рождения в кругу семьи. Я видела все это и понимала насколько мне повезло родиться в семье, где царит взаимопонимание, куда хочется возвращаться после работы и где тебе всегда рады. Нас любили родители, нас баловали. Мы всегда знали, что у них нет ничего важнее нас — детей. И мы платили им взаимностью. И я выросла с пониманием того, что нет ничего дороже на свете семьи, а вы хотите забрать у меня возможность иметь собственных детей, свой дом, свой маленький островок тепла и уюта. За сколько, как вы думаете, я должна продать свою мечту? Что должно произойти, чтобы я решила отказаться от нее?

Мила еще что-то сумбурно говорила и говорила. Ее тихий голос

лился горькой патокой, бередя моя детские раны и вскрывая старые нарывы.

Нет, у меня не было семьи.

Когда родители еще были живы, я редко видел их дома. Они все чаще разъезжали по рудникам, скупая их в разных уголках страны у миаро победнее, создавали ювелирные заводы, заколачивая свои первые миллионы. На одном из рудников и случилась трагедия, унесшая жизни моих самых близких людей.

Пусть я видел их нечасто, пусть они не одаривали меня любовью в той степени, в какой я нуждался, но их потерю я тогда пережил с трудом.

Слуги не справлялись с неуправляемым мной. Да и дар проснулся на фоне потрясения слишком рано. А это было чревато последствиями как для меня, так и для окружающих.

Тогда меня и взял под опеку Арон. Выровнять эмоциональный фон, научить контролировать потоки силы и заставить найти в себе силы не скатиться до сумашествия, что иногда происходило с теми миаро, кто на фоне эмоционального стресса терял способность управлять своей высшей силой и мог нанести огромный вред окружающим.

Опекун служил главнокомандующим в королевских войсках и отвечал за безопасность границ государства. Фанатик своего дела.

Понятно, что и в его доме я не увидел семейного тепла и внимания. Арон с утра до ночи пропадал на службе, а в редкие выходные, когда удавалось вырваться, занимался со мной, гоняя до потери сознания, по всем дисциплинам. Ни о какой любви с его стороны не могло идти и речи. Ну или он очень хорошо скрывал свои отцовские чувства к приемному сыну.

Поэтому, понять метания Армилы, принять ее доводы по поводу семьи, я не мог. Я не знал всего того, что она пыталась нарисовать в моем сознании.

Когда-то, будучи ребенком, мечтал об этом, не скрою. Но с тех пор прошло много времени, столько воды утекло.

Я осознал, что жизнь может быть прекрасна даже тогда, когда близких нет рядом, а в мире еще полно других удовольствий, способных удовлетворить самый взыскательный вкус.

И сейчас ее речь хоть частично и затронула потайные струны в моей душе, но вот нужного эффекта не произвела.

Зато теперь я знал в каком направлении работать и на какие точки Армилы можно надавить, хоть еще до конца и не понимал как их смогу использовать.

Я поблагодарил девушку за завтрак и решил отправиться в столицу, чтобы узнать новости по последнему руднику, как продвигается расследование и помощь пострадавшим семьям.

А заодно заехать в салон одежды, где я заказывал гардероб для Милы, который, по моим подсчетам, уже давно должны были доставить, но его все не было.

29. Армила

Тамин ушел, а мне на шею словно тяжелый камень повесили. Дышать тяжело, плечи вниз опускаются и выхода не вижу.

Миаро не слышит меня, не понимает! Достучаться бы до него, но как?

Он не оставляет мне выбора, давит, загоняет в угол.

Хотя, что я могу ему предложить? Он как одержимый смотрит на меня голодным взглядом и ничего другого ему от меня не надо.

Я всю ночь не спала, просидела обняв колени после его предложения в столовой вчерашним вечером. Боялась, что придет, что заставит, вынудит это сделать!

Меня как обухом по голове треснули, мгновенно вернув на землю с той высоты, на которой я летала, потерявшись в блаженстве.

Договор! Акхе! И жирный крест на всех моих мечтах.

И хоть за завтраком я попыталась объяснить, молила понять его, но даже по глазам было видно, что ивин от своей цели не откажется. Другим путем пойдет, что-то придумает, но своего не упустит.

А то, что он уже считает меня своей собственностью, Тамин давал понять не раз. Да что там — открыто в лицо говорил!

А, если сбежать и самой обратиться к блюстителям порядка? Ведь Тамин намекал, что попав к ним, механизм запускается и, если я правильно поняла, обратно вытащить меня он уже будет не в силах.

Он не пойдет против закона. Ему, попросту, не дадут!

В идеале, конечно, вообще спрятаться где-нибудь в глухой деревне и носа не показывать. Но это ведь всю жизнь скрываться, бегать, трястись от каждой тени, да и родителям может прилететь знатно.

Хотя, и официальный приговор им немало седых волос добавит, но так они хотя бы будут знать, что я жива.

Обхватила голову, чувствуя, как вина сдавливает тяжелым обручем, как запутываюсь все больше и край пропасти становится все ближе и ближе.

Нет, определенно надо что-то делать.

Я решила выйти в сад, подышать свежим воздухом, тем более на улице стояла шикарная солнечная погода, и из окна тянуло нежным

ароматом роз вперемешку с запахом свежескошенной травы. Стоило немного развеяться.

И уже почти дошла до выхода, как услышала голоса с улицы. Один из них принадлежал женщине. А через несколько секунд и сама хозяйка одного нарисовалась на пороге в сопровождении лакея и двух носильщиков с большими сумками вещей.

Нора, встретившая эту процессию на пороге подозрительно прищурилась и кивком отпустила лакея.

— Добрый день! Чем могу помочь?

— Добрый! — девушка широко улыбнулась, продемонстрировав ряд идеальный белых зубов.

Хотела проскочить мимо, но следующая фраза пригвоздила меня к месту.

— Я — невеста Тамина. Могу его увидеть?

Мне показалось, что мне резко перекрыли кислород, заменив его едкой кислотой. Легкие обожгло и земля ушла из-под ног.

Невеста!

Я обернулась в ее сторону.

Роскошная шатенка с гривой длинных волос по-хозяйски осматривала помещение. Фигура притягивала взгляд своими пышными женственными формами. Грудь, талия, бедра, ноги — все словно слеплено по эскизам идеалов мужских мечтаний.

Чувственные линии лица, уверенный взгляд, высокомерная улыбка — в ней ощущалась порода.

Девушка была просто потрясающе красива!

И я даже понимала Тамина, потому как пройти мимо такой королевы сможет редкий мужчина. Если вообще такие исключения могут быть, раз уж даже меня размазало одним ее взмахом ресниц.

Нора удивленно свела брови, но красавица тут же добавила:

— Мы не афишировали наши отношения. Не хотели раньше срока лишних сплетен. Меня зовут Лаура Алиари.

— Раньше какого срока? — выхватила фразу экономка.

Иви, наконец, повернулась в мою сторону, одарила ядовитой улыбкой и попросила:

— Можно мне воды? Жарко сегодня.

И мне было жарко. До удушья. Я стояла, как вкопаная, смотрела на нее и чувствовала, что вот теперь точно лечу в пропасть. Задыхаясь от

скорости падения, кусая до крови губы и чувствуя, как нещадно щиплют глаза непролитые слезы.

Меня только что растоптали и унизили.

А чего я, глупая, ожидала? Повелась на его слова, на восторженные взгляды, на ласковые прикосновения и забыла кто он в этом мире и кто я!

Растеклась лужицей даже в своих мыслях!

А сейчас стою, не в силах отвести глаз от его будущей жены и понимаю какая я все-таки жалкая!

А хуже всего то, что мне это не безразлично, что меня разрывает изнутри фонтаном адской боли от осознания того, что у миаро была еще одна женщина!

И именно она, наверняка, любимая (потому как остаться равнодушным к такой красоте нереально!), она — будущая мать его детей и главная женщина в его жизни!

А я... я так, игрушка, запасной вариант, когда у жены будут месячные или головная боль. Жалкая акхе, преданным ковриком стелящаяся у его ног ради порции мужского внимания.

И сердце ухнуло вниз, практически перестав биться, потому что оно, глупое, оказывается во что-то верило. Вопреки!

Кивнула Лауре согласно и на ватных ногах, не разбирая, направилась на кухню.

— Иви Армила, стойте! Я сама! Вам не велено, — схватила меня за локоть подоспевшая Нора. — Вы — гостья, а не прислуга.

— Гостья? — звонкий голос Лауры резал острее лезвия.

Нора покинула гостиную, а девушка сверлила меня недобрым взглядом и теперь ее улыбка была похожа на злорадное предвкушение.

— Так вот для кого Тамин заказывал все эти шмотки, — махнула в сторону сумок, что теперь стояли в центре комнаты. — Похоже, он последовал моему совету и все же нашел себе игрушку. У него очень специфические желания иногда возникают. Я не поддерживала. Вот мы и пришли к мнению, что для таких забав ему стоит завести отдельную девочку.

Лаура хищно оскалилась. Улыбкой это было сложно назвать.

Я слушала ее, пытаюсь сложить мозаику в голове, но картинка все равно продолжала распадаться. Тамин — извращенец и для особых случаев ему нужна акхе.

"Специфических желаний", — как сказала его невеста.

Губы потеряли свою чувствительность. Одна новость за другой подкашивали меня, вышибая воздух из груди и делая меня овощем.

Я и правда с трудом стояла на ногах.

— Что такое? Ты не рада? Почему я не вижу довольного блеска в твоих глазах? — с напускным беспокойством заглядывая мне в глаза, удивилась Лаура. — Присядь. Ты побледнела.

— А вас не смущает то, что у вашего мужа будет еще одна пассия?

Сдерживать себя не было сил. Стереть эту самодовольную ухмылку с губ соперницы и хотя бы немного дать ей прочувствовать мою боль. Хоть чуть-чуть.

Девушка колебалась. Словно хотела сказать что-то, рвалась, но сдерживалась.

— Чего ты хочешь взамен того, чтобы тебя здесь не было? — наконец, произнесла она еле слышно.

30. Тамин

— Что значит "заказ давно отправлен"?

Я недобро сверлил взглядом молодую девушку, то краснеющую, то бледнеющую после каждого моего вопроса.

В дорогом салоне модной одежды, где я заказывал гардероб для Милы, продавец упорно доказывала, что все было отправлено по указанному адресу несколько дней назад, пытаюсь сунуть мне под нос какую-то бумажку с отчетом и подписями.

— Вызови управляющего. Я хочу с ней поговорить.

Через пару минут в зал вплыла походкой от бедра сама хозяйка салона. Высокая жгучая брюнетка, сохранившая фигуру и красоту в возрасте далеко за сорок.

— Тамин, душа моя, что стряслось? — расплылись в подобии улыбки накрашенные ярко-алой помадой губы.

Оливия знала меня давно. Почти все мои бывшие увлечения одевались у нее, и я давно числился у нее постоянным клиентом. Я бы даже сказал вип-клиентом, раз она сама выбежала разбираться с моим вопросом, едва слышала с кем у них возникли проблемы.

Кивнул головой на девушку-продавца, устав повторять одно и то же. Та, запуганно проморгавшись, затараторила, что сама лично проверяла: и товар, и сроки, и доставку.

— Пстой! — выхватил у девчонки лист, которым она отчаянно махала.

Пробежал глазами и запнулся на строке "адрес доставки".

Там жирным шрифтом значились район, улица и дом, который я снимал для Лауры!

Проклятье!

Как я мог перепутать адреса? Назвал по привычке?

— Позвать проверить доставщиков? — вклинилась хозяйка салона.

— Нет, — раздраженно швырнул бумагу на стол, — сам разберусь.

Вот только настроения ехать и встречаться с бывшей любовницей не было никакого. Только глухое раздражение на то, что придется тратить на нее сейчас свое время.

За последние дни я ни разу не вспомнил о ней, и уж тем более не

заскучал. С появлением Милы в моей жизни Лаура потеряла свои позиции.

Меня не тянуло к ней, не заводили мысли о встрече, меня вообще выбешивало осознание, что сейчас еще предстоит выслушивать ее истерики по поводу того, что у меня появился новый интерес, а она ушла на задний план!

А этого не избежать, учитывая характер высокородной и склонность к скандалам.

Но в квартире я Лауру не застал.

С одной стороны даже вздохнул свободно, с другой — проблема оставалась в подвешенном состоянии. Нужно было что-то решать с нашими отношениями и я все больше склонялся к тому, чтобы расстаться. Причем, чем быстрее, тем лучше.

А часы тем временем показывали далеко за полдень.

Нужно было еще заскочить в контору, узнать как идут дела.

На входе в здание меня чуть было не сшиб Рэй.

— Тамин! Ты вовремя! У нас проблемы! — сразу огорошил он в лоб. — Пойдем расскажу.

— Тамин Шантарэ, постойте! Скажите, как обстоят дела на ваших рудниках? Это правда, что вы пренебрегаете техникой безопасности в ущерб здоровью и жизни ваших работников, экономя и заставляя их работать, буквально, в экстремальных условиях?

Со стороны засверкали вспышки камер и гнусавый голос заставил обернуться.

— Мы не даем интервью. По факту несчастного случая ведется расследование. Все виновные будут наказаны! — отчеканил Рэй, закрывая меня собой и толкая в здание.

— Это что за представление? — пришел в себя уже в своем кабинете.

— А что ты хотел? Твоя мордашка теперь красуется на первой полосе всех газет! Кто-то подливает масло в огонь и поднимает общественность. Газетчики и журналюги с утра тебя здесь караулят. Это еще их охрана разогнала, — развел руками управляющий.

— Вот только этого мне сейчас не хватало! Как там расследование идет?

— А что расследование? Ищейки нашли остатки взрывчатых веществ, сомнений в том, что здесь виноваты не мы и это не халатность

— нет. Ты сам знаешь, что я лично слежу за всем процессом и уж точно не допустил бы подобного. Но, пока идет следствие и ищут виновных, официальных заявлений делать нельзя, упустим их! Вот и приходится молчать. А город слухами полнится. Не в нашу пользу!

— И что? Их никак нельзя пресечь? — раздражение внутри росло.

— Если только лично перестрелять каждого, — хмыкнул Рэй, — ты же понимаешь как они охотятся за новостями? А тут такой масштаб!

— Арон меня прибьет.

— Кстати, тебя Алекс искал, — управляющий вскинул на меня задумчивый взгляд, будто вспоминая что-то, — тоже говорил о важности какого-то задания, что ты ему поручил.

— А что я ему поручал?

Да что за день сюрпризов какой-то сегодня! Потер нервно переносицу.

— Кажется, с Ароном связанное, но я могу ошибаться. Он, кстати, тут был с утра, разгоняли со своими ребятами всю эту свору падальщиков.

— Ладно, найду, — кивнул задумчиво, встал из-за стола и направился к двери, в спешке вспоминая о каком задании может идти речь, связанным с опекуном. — А что с пострадавшими? — обернулся уже на пороге.

— Все как ты и поручал: лечение за наш счет, компенсации пострадавшим и семьям погибшим, — пожал плечами управляющий.

— Не экономь на этом. Конечно, никакие деньги не вернут близких, но...

В памяти всплыли размытые временем улыбающиеся лица родителей. Разве можно деньгами откупиться от боли с потерей родных?

В душе тоскливо засвербело, задевая некогда оголенные нервы. Не думал, что мне все еще может быть плохо от воспоминаний о смерти родителей. И накатило чувство брезгливости к самому себе.

Ведь у погибших на моем руднике остались семьи, а я как последняя сволочь пытаюсь отмахнуться от них монетами.

Когда эту гниду, устроившую взрыв найдут, я лично позабочусь о том, чтобы ей или ему вынесли самое жестокое наказание. И неет — это будет не казнь!

— Рэй? — прислонился к косяку двери. — Назначь пожизненную

ежемесячную компенсацию семьям погибших в размере их зарплаты.

— Тамин, ты чего? — выпучил удивленные глаза управляющий.

— Заткнись и выполняй!

Алекса я нашел не с первого, и даже не со второго раза. В последние дни все стало с ног на голову, прибавив огромную кучу забот на голову всех сотрудников и в головном здании управления рудниками творился настоящий хаос.

Под окнами начинали собираться активисты, требуя справедливого наказания виновных. Пока это было не больше двух десятков человек, но если и дальше пойдет так, то, чувствую, скоро придется выходить с личной охраной.

— Искал? — вместо приветствия адресовал Алексу, стоило тому войти в мой кабинет.

— Да, — цыкнул он, прикусив изнутри губу, — у меня для вас новость. Не знаю хорошая или плохая...

— Говори, — выдохнул, откинувшись на спинку кресла.

Алекс в этот раз не остался стоять у входа, а прошел до моего рабочего стола, останавливаясь в шаге от него.

— Вы сами велели мне отправиться к Арону. Так вот. Он просил подключиться к поиску нужного ему человека.

— И? В чем проблема? — я раздраженно повел плечами.

— То, что он отдал приказ найти девушку. Срочно и не поднимая шумихи.

Вытащил из нагрудного кармана небольшой прямоугольник бумаги и положил передо мной лицевой стороной, пальцем подтолкнув в мою сторону.

— Вот она. И что прикажете делать?

Я потянулся к фотографии и замер на полпути. Взглянул непонимающе на Алекса.

Это шутка?

Снова на фото.

С глянцевого листа бумаги на меня смотрела Армила!

В простом светлом платье, с перекинутой на плечо косой волос и беззаботной улыбкой юной девушки. Фото явно было сделано, когда она не ожидала. Слишком открытый мечтательный взгляд в сторону.

В горле резко пересохло. И пазлы стали вставать на свои места, давая почти полную картину.

Кто-то из влиятельных миаро забрал ее с праздника из родного города в столицу. И люди этого же незнакомца продолжали прочесывать окрестности в поисках девушки.

Далее, внеплановое собрание палаты Высших Господ, где Арона вдруг заинтересовали разбойники, его требование лично докладывать о каждом таком задержании.

И вот, наконец, предпоследняя карточка — он лично признался кого ищет! Почему предпоследняя?

Потому что оставалось узнать зачем ему моя Армила.

Руки против воли сжались в кулаки. Вот никогда бы не подумал, что мне дорогу перейдет собственный опекун!

Не слишком ли он староват для такой молодой девочки!?

Ревность кипящей кислотой выплеснулась на раскаленные нервы и мне даже показалось, что я ощутил этот мерзкий запах.

Одну за другой фантазия подбрасывала картинки где Мила становится собственностью старика, как она стонет, извиваясь под ним по ночам.

Внутри меня будто что-то перекрутили жгутом в адской пытке.

Столько лет хранить целибат, чтобы потом оторваться на нежной молодой розе?

— Ты ему сообщил? — я не узнал со стороны свой охрипший голос.

— Нет. Пока нет, но вы знаете, что не подчиниться ему я не имею права. В первую очередь...

— Знаю! — рявкнул, ударив кулаком по столу так, что подпрыгнули канцелярские предметы, стоящие на краю.

— Тогда так: пока молчи. Дай мне... — задумался, прикидывая сколько времени может понадобиться. — Двое суток. Я решу этот вопрос.

— Это много. При всем моем уважении к вам...

— Сутки. Я уложусь до завтрашнего вечера.

Алекс неодобрительно покачал головой, но, в итоге, все же согласился.

31. Тамин

Домой я мчался на предельной скорости. Для меня время вдруг круто поменяло свой бег, ускоряясь в разы и неумолимо приближало завтрашний вечер.

И мне хотелось зубами вгрызаться в его утекающие минуты, остановить, замедлить хоть немного.

А еще нужны были очень весомые аргументы, чтобы за сутки уговорить Милу добровольно стать моей уже официально. Стоило ли вспоминать, что с ее твердолобыми убеждениями о том, что без семьи и детей жизнь не имеет смысла, мне будет очень сложно подыскать таковые?!

Но и потерять ее я не мог. Одна только мысль об этом приводила меня в бешенство и я мысленно готовился вступить в открытую схватку с опекуном. Такой властью как он я, конечно, не обладал, но на моей стороне был здравый смысл. Зачем ей старик? Она слишком молода, чтобы вот так, на корню, загубить себя.

Сколько осталось Арону?

А у девчонки жизнь пойдет под откос.

Кроме как себя, я никого рядом с ней не видел. А кого представлял, так готов был разорвать собственноручно.

И, уже на пороге дома, взлетая по входным ступеням, занятый своими мыслями, я не сразу понял, что что-то не так.

Какое-то странное чувство чего-то раздражающего, ненужного элемента, который не должен был присутствовать.

Лишний пазл в картинке.

Сладковато-приторный парфюм Лауры в моем доме!

Но как?

И словно наткнулся на стеклянную стену, резко затормозив в середине гостиной залы, встретившись со знакомым хищным взглядом бывшей любовницы.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, гипнотизируя, я — выражая искреннее недовольство, и она — насмешливо бросая вызов.

Все такая же шикарная, уверенная в себе, потрясающе красивая и

сексуальная в образе роковой светской львицы.

Обтягивающее платье как вторая кожа повторяло все изгибы тела и подчеркивало пышность женских форм.

Любой мужик на моем месте уже бы слюной давился, мысленно трахая ее во всех позах, а меня в этот раз даже не зацепило.

Оценил. Мысленно поаплодировал. И отодвинул в сторону, как не вовремя появившееся препятствие на пути к цели.

— Добрый день, любимый! — тряхнула копной шоколадных волос Лаура.

Сексуально потянулась, прогибая спину так, что короткое платье натянулось, обнажив на ноге край кружевной резинки чулок.

Усмехнулся, понимая, что зря старается, не вызывают во мне более прежних чувств все ее женские ужимки, позы и томные взгляды, не оживает внутри желание разложить ее прямо на этом же диване и кровь не закипает от мысли, как она будет биться подо мной, умоляя не останавливаться.

Прислушался к своим ощущениям еще раз — нет, тишина. Никакого отклика.

— Что ты здесь делаешь? — грубее чем хотел, задал интересующий меня вопрос.

Лаура обиженно стрельнула взглядом из-под опухших ресниц, картинно надула губы, но уже в следующую минуту сменила тактику, в два шага оказавшись рядом со мной, встав настолько близко, чтобы задевать меня грудью, призывно красующейся в глубоком декольте.

— Я соскучилась, — проворковала, нежно улыбаясь и как бы невзначай провела рукой по моему паху.

Видимо, все еще не желая верить в то, что ее чары не действуют.

А меня почему-то передернуло от ее фальшивой ласки. И как я раньше не замечал этого лживого взгляда, наигранных вздохов, лицемерных признаний и двуличных показных страданий по мне.

— Бездарная из тебя актриса, дорогая, — мягко отталкивая ее с дороги, парировал в ответ. — Плохо играешь, ненатурально.

— Тамин? — вскинулась бывшая, чувствуя, что все ее старания проходят вхолостую и переходя на новый уровень. — Ты забываешься! Я, между прочим, приехала тебя поддержать. Сразу, как узнала. А ты, смотри, и не вспоминал обо мне? Или новая игрушка настолько

захватила, что у тебя мозги вниз опустились? — зашипела в спину.

— Не строй из себя святую, Лаура. И дешевых признаний тоже не надо. Зачем ты на самом деле сюда приехала?

Обернулся, раздраженно понимая, что теряю драгоценные минуты на истерику бывшей.

— Хорошо, давай поговорим серьезно, — вдруг меняя тон с обиженного на деловой, предложила Лаура. — Только не здесь.

А вот такой подход мне уже нравится. Интересно, конкретную сумму назовет или что посущественнее? Зная запросы бывшей, можно даже замахнуться на часть моего бизнеса.

Усмехнулся и жестом пригласил следовать за мной, направляясь в рабочий кабинет.

Зашел, придерживая дверь и пропуская девушку, обернулся и только сейчас пожалел, что выбрал именно эту комнату.

Еще свежо в памяти было последнее посещение кабинета и чем оно закончилось.

Взглянул на стол, ощутив прилив крови в паху и почти ощутил ментально приятную тяжесть тела Армилы, когда держал ее и насаживал на себя, сгорая в пламени нашего общего желания.

Тело отреагировало, требуя повторить.

Лаура, словно почувствовав мое состояние прошла до стола, усаживаясь на него и закинула ногу на ногу, откровенно обнажая бедро.

Внутри все закипело от негодования. Это как усадить шлюху на священный алтарь!

— Слезь! — скомандовал и рывком за локоть стащил ее с нашего с Милой стола.

— Ты чего? — взвизгнула разъяренная девушка. — Совсем рехнулся? Что происходит?

— Происходит, дорогуша, то, что мне не нравится твое поведение в моем доме. Да и вообще, твое поведение в целом в последнее время.

— Избавиться от меня решил?

— Если ты хочешь видеть ситуацию с этого ракурса, то да, — равнодушно бросил в ее сторону и рухнул в кресло, с блаженством вытягивая ноги.

— Не выйдет, любимый! Слишком долго я под тебя стелилась и все твои выходки терпела, чтобы ты вот так просто смог отмахнуться от меня. Не того полета птицу ты пнуть решил!

— Это ты-то птица? — хохотнул с издевкой, наблюдая как от ярости перекосило красивое лицо Лауры. — И чего же ты хочешь?

— Ты женишься на мне! — выпалила она со злорадной ухмылкой.

Я даже завис немного от такой наглости. Серьезно? Прямо на самом деле возьму и женюсь?

— А не слишком ли много ты о себе возомнила? И с чего вдруг я обязан захотеть это сделать?

— Если не дурак и не хочешь потерять семейное дело, имя и даже свободу, то женишься.

Лаура как-то резко сменила тон на равнодушный и теперь сидела с интересом разглядывая свои идеальный маникюр.

Правая бровь невольно поползла вверх и я не удержался от любопытства:

— Ты шутишь?

— А ты не заметил, что твоя репутация в обществе в последние дни резко упала? А этот взрыв? Ая-яй-яй. Как можно быть таким алчным до денег и настолько халатным по отношению к человеческой жизни, Тамин? — картинно закатила глаза бывшая.

— Так это твоих рук дело? — подался вперед, упершись животом в край стола.

— Что именно? Взрыв? Нет. А вот слухи... С помощью народного недовольства можно горы свернуть. А уж что говорить о каком-то зажиревшем на народных деньгах миаро! Да что там деньгах — жизнях! А ведь у многих, наверняка есть семьи!

Лаура тяжело вздохнула, изображая вселенскую скорбь и у меня руки зачесались схватить ее за горло и хорошенько встряхнуть.

Усилием воли удержал себя на месте, чтобы не наделать глупостей.

Какая же она сука и мразь! Как я раньше не замечал ее гнилого нутра и продажную душонку, увлекшись красивой оболочкой?

Использовать чужое горе, спекулировать болью и потерей близких, играть в угоду своим изменным желаниям на чувствах людей, искажив факты, вывернув их наизнанку и подав под нужным соусом, чтобы получить массовые недовольства.

— Моей вины в случившемся нет. Очень скоро это будет доказано. Так что твои потуги насолить мне бессмысленны. Я бы даже посмеялся в другой ситуации. К тому же, не стоит недооценивать мои связи.

— Да? А как ты думаешь, как ониотреагируют, когда узнают, что

те редкие эксклюзивные кристаллы, имеющие огромную ценность и подчеркивающие их статус, продаются на черном рынке по цене дешевого украшения и их теперь может купить даже простая рыночная торгашка? Согласятся тебе помочь?

У меня внутри все похолодело и налилось свинцом от ее слов.

Мы все это время искали виновных, ломали голову, копали в самых разных направлениях, а главный заказчик все время находился у меня под боком?

И я даже подумать не мог, что это кто-то из настолько знакомых мне людей. Что этой гнидой окажется моя любовница!

— Спокойно! — вытянула она руку вперед в защитном жесте, видимо, прочитав всю гамму обуревавших меня чувств на моем лице. — Тронешь или навредишь мне и твое имя точно смешают с грязью.

— Какая же ты...

— Тварь? — перебила меня Лаура. — Не утруждай себя обвинениями. Я примерно предполагаю что сейчас творится в твоей голове и как ты меня хотел бы обозвать. Даже в какой-то мере понимаю. Но это временное явление. Поверь, наш брак выгоден не только мне. И ты обязательно оценишь это. Позже.

— А ты так уверена, что я соглашусь?

Задушил бы суку собственными руками. Один ее самоуверенный вид с надписью на лбу "ничего ты мне не сделаешь" заставляет скрипеть зубами от бешенства.

— У тебя выбор невелик, любимый. Или со мной, или на самое дно. Ах да, кстати! — Лаура встала, поправляя платье, не забывая при этом выгодно выпятить свою филейную часть. — Я ревнивая. И мне надоело терпеть твои левые похождения, поэтому не советую тебе заводить у меня под носом любовниц. Ни-ка-ких.

Демонстративный взгляд с чувством превосходства и меня осеняет: Армила!

Она знает про нее. И, возможно даже, видела, пока меня не было дома.

Что эта змея успела наговорить ей в мое отсутствие?

Неприятное предчувствие поползло по спине.

В груди всколыхнулась чернота и кончики пальцев закололо от переизбытка энергии, что неконтролируемым потоком хлынула из меня, грозя натворить бед.

Дышать стало тяжело. Легкие не справлялись, переставая насыщать кровь кислородом.

— Ты смеешь мне диктовать условия? — выплюнул, лишь каким-то чудом все еще умудряясь держать себя в руках, хоть и понимал, что нахожусь на грани.

Одно неправильное слово, один взгляд и спусковой крючок сработает.

— Ты... меняешься! — взвизгнула истерично Лаура, отскакивая в сторону двери.

— Ты видела ее? Разговаривала? Что ты ей сказала? — поднимаясь из-за стола, задал напрямую вопрос.

Глаза начала затягивать пелена.

— Я не стану с тобой разговаривать в таком состоянии! Приди в себя! Сегодня вечером, в нашей квартире, в семь, жду тебя на подписание брачного договора. В твоих интересах прийти или я, клянусь, твое имя будут полоскать на каждом углу все, до самой последней шавки! — выкрикнула бывшая, выскакивая за дверь с выражением паники на лице.

Опрокинул одним движением руки рабочий стол со всем содержимым на пол, чувствуя как во мне гуляют хаотичные потоки силы.

Мне нужно найти Армилу. Сейчас же! Убедиться, что эта дрянь не успела наследить и моя девочка все еще на моей стороне.

32. Армила

Появление Лауры в этом доме принесло мне крохотную надежду на возможность сбежать.

Да, вывернуло душу наизнанку, спустило с небес на землю и окунуло лицом в грязь, растоптав собственное достоинство, показав насколько я, оказывается, равнодушна к своему палачу.

Что это? Болезнь? Зависимость? Или я все же умудрилась влюбиться?

Меня продолжало трясти нервной дрожью и колючий ком в горле не хотел уходить.

В голове била набатом одна мысль "Тамин скоро женится!"

Поведет свою красавицу-невесту к алтарю и именно с ней будет делить радости и горе, воспитывать детей и каждую ночь ласкать в постели.

И почему-то слезы с привкусом горького разочарования и едкой ревности сразу наворачивались на глаза.

За что? За что мне все это?

Не в силах сидеть взаперти в четырех стенах, я выскочила из спальни в коридор. Хочу на улицу, подышать свежим воздухом. Иначе точно сойду с ума.

Но не успела дойти до гостиной, как увидела Тамина, стоящего посередине залы. Встала как вкопаная, не в силах двигаться дальше.

Дух захватило. Какой же он все-таки красивый, далекий и недоступный на своем пьедестале власти и могущества.

И задохнулась, заметив Лауру, что гордо распрямив плечи, шла к нему. Подойдя вплотную, кокетливо прижалась и рукой бесстыдно начала гладить по его паху.

А ведь она имеет право! Невеста!

Стоя рядом, они очень гармонично смотрелись. Оба красивые, богатые, из высшего общества.

И я бы даже в другой ситуации залюбовалась, глядя на такую шикарную пару, если бы сердце не сжималось от боли, словно его проткнули тупым ножом и продолжали кромсать наживую.

Какая же это мучительная пытка смотреть как он ей улыбается,

отвечая что-то в ответ, как ласково касается ее плеча!

Святые небеса, помогите!

Я попятилась назад, не желая, чтобы меня заметили. Чуть было не споткнулась, чудом удержавшись на ногах.

Уйти, сбежать, забиться подальше и забыть о том, что видела!

Забегала к себе в спальню, дрожащими руками налила из графина стакан воды и мелкими глотками начала цедить ее.

Успокоиться. Взять себя в руки. И подумать.

Ничего страшного не произошло. Он чужой мужчина. Он — не для таких как я. И у меня есть шанс сбежать.

В моей жизни еще будет любимый человек, который станет мужем и отцом моих детей. Только почему душа так отчаянно голосит от тоски, почему рвется из груди и не хочет даже думать ни о каких других?

Сегодня вечером Лаура пообещала, что пришлет за мной транспорт. Ее человек отвлечет охрану и моей задачей останется лишь незаметно выскользнуть из дома. Входные ворота будут открыты. И, если все получится, я сегодня уже окажусь на свободе!

На первое время мне даже обещали приличную сумму денег, чтобы я смогла самостоятельно скрыться и залечь на дно, не привлекая внимание. А там затеряюсь где-нибудь в глуши, найду работу.

Только почему-то эта перспектива меня не радовала, оседая песком на зубах со вкусом предательства и ощущением того, что я продала Тамину за горстку монет.

И разум, приводящий железные доводы, не в силах был достучаться до истерзанной души, чтобы хоть немного охладить пыл и дать силы собрать себя из кусочков, склеить, заставив снова захотеть жить и радоваться, надеяться и любить.

Всевышний, неужели то, что я испытываю к миаро и есть любовь? Неужели вот этот сгусток пульсирующей боли и есть то самое светлое вдохновляющее чувство о котором сочиняют стихи, поэмы, мечтают ночами, глядя на звездное небо?

Или же мне так повезло и достался бракованный экземпляр?

О чем я только думала, позволяя себе расслабиться, забыв куда и к кому попала, дав слабину и, как следствие, увлекшись одним из самых завидных мужчин нашего мира!

Я не знаю сколько времени просидела, глядя в одну точку, сжимая

в руках стакан с водой. Очнулась, когда услышала шаги в коридоре. Дверь распахнулась с такой силой, словно ее пытались вышибить с той стороны.

Сердце екнуло.

В дверях стоял мрачный Тамин. Взгляд с поволокой, странный. Такими глазами смотрели мужики у нас в таверне после несколько выпитых бутылок вина. Вроде бы смотрят на тебя, а кажется, что куда-то сквозь.

Страшный взгляд, не предвещающий ничего хорошего.

— Договор будет готов сегодня вечером. До завтрашнего утра ты должна будешь его подписать, — словно зачитал приговор.

Сглотнула вязкую слюну, чувствуя как холодеет от пота спина, как мерзкие мурашки бегут по коже, поднимая волоски на затылке.

Вот и все. Похоже, моя судьба решена и все мои отрицания для него не более чем круги на воде.

— Я не подпишу ничего. Не надейтесь! — выкрикнула ему в лицо, вскакивая с места. — Можете сразу сдавать властям. Убить! Но ломать себе жизнь не позволю!

Во мне вдруг тайфуном взметнулась ненависть к проклятому миаро. Он устраивает себе сладкую жизнь: жена-красавица, светлое будущее, акхе-коврик.

И все должны склонить головы. Почему? Только потому что у него есть деньги и положение в обществе? Именно поэтому ему позволено губить чужие судьбы? В угоду своим хотелкам?

Отскочила к окну, зашипев как кошка.

Ненавижууу!

— Ты не пойдешь под суд. Завтра я обязан передать тебя тому, кто послал своих людей, чтобы забрать тебя из твоего города. Он вышел на нас. Ты знакома с ним? Знаешь для чего нужна ему?

Я мотнула головой. Мне было плевать.

— А вот я его знаю. Он старше тебя в три раза. Холостяк. Военный. Как думаешь, для чего ему могла понадобиться простая человеческая девчонка?

Его слова с трудом доходили до разума, однако где-то на периферии сознания прозвучал тревожный звоночек. И предчувствие маякнуло сбавить обороты. Я уставилась на Тамина, что так же не сводил с меня тяжелого взгляда, буравя своими серыми, как ртуть,

зрачками.

Медленно, шаг за шагом, он приближался, пока не оказался на расстоянии вытянутой руки.

Я кожей ощущала давление, исходящее от него.

— Я очень хорошо знаком и с ним, и с его образом жизни, привычками и понятиями. Поверь мне на слово, ты не захочешь той судьбы, что он, наверняка, уготовил тебе! Просто поверь. Потом будет поздно. И этот договор... Я знаю, чего ты боишься и готов пойти навстречу, готов нарушить закон. Ради тебя, Милааа!

Он уперся рукой о стену рядом с моей головой. Наклонился, беря в плен, гипнотизируя, обжигая дыханием.

— Я не лишу тебя возможности в будущем стать матерью. Обещаю! Об этом никто не узнает. Ты просто подпишешь эти проклятые бумажки. И тогда я официально смогу защитить тебя от него, тогда никто даже близко не сможет подойти к тебе!

— Как это? Разве такое возможно? — прошептала я с трудом.

— Это безумие, — выдохнул рядом с моими губами, — по-другому я это назвать не могу... Видишь Что ты творишь со мной, моя маленькая преступница? Так нельзя, ты права. Миаро не имеет права быть в отношениях с женщиной человеческого рода с риском зачатия общих детей. Ведь именно это тебя смущает в роли акхе? Стерилизация? Я обещаю тебе, что скрою факт ее отсутствия. Даже более того, когда наши чувства сойдут на нет, я отпущу тебя, чтобы ты смогла осуществить свою мечту.

Он смотрел на меня своими нереальными платиновыми глазами, пожирал голодным взглядом, и, казалось, у меня не было ни единого шанса устоять, пока вдруг обоняние не уловило слабый запах женских духов.

Он проник ароматом едкой кислоты, мгновенно спустив на землю и ударив по нервам осознанием Кому я чуть было только что не поверила!

Он ведь еще несколько минут назад обнимал свою невесту, улыбался, наверняка одаривая такими же сладкими признаниями, от которых кружится голова. На его рубашке отпечаток губной помады, кожа еще хранит ощущения прикосновений другой женщины, а он трелью соловья разливается как сходит с ума по мне?

Если бы меня окунули в ведро с помоями, я бы чувствовала себя не настолько мерзко как сейчас, выслушивая наглуемую ложь миаро о том, что

ради меня он пойдет против закона!

Только глупое сердце не хотело верить фактам. Оно билось птицей, пойманной в сети, трепыхалось и заставляло меня колебаться, тянуть с ответом.

И этой заминки Тамину хватило, чтобы сделать свои выводы. Растоптать сопротивление напором и, схватив мое лицо ладонями, впиться жестким, собственническим поцелуем так, что у меня перехватило дух.

Я, как бабочка, распятая иголками за крылышки, могла сколько угодно дергаться. Игра заранее была проиграна, учитывая, что изначально силы были не равны.

Только в этот раз в его голоде я отчетливо чувствовала отчаяние, словно действительно боялся потерять и брал как в последний раз, припадая большими глотками, цепляясь, как утопающий и опрокидывая навзничь весь мой боевой пыл.

Его губы сметали любое сомнение, затягивая в водоворот страсти. Языки сплетались, толкая друг друга, а руки уже сами взметнулись ему на шею, зарываясь в густых черных волосах.

— Милааа, — простонал, обжигая жалящими поцелуями, от которых завтра останутся следы, шею и спускаясь к ключице.

В голове что-то на короткий миг взбунтовалось, но тут же потонуло под лавиной нахлынувших чувств.

Я сбегу, обязательно.

Уже вечером.

Но это будет потом, а сейчас я в последний раз хочу насладиться его близостью, его лаской, его проникновением в меня! Как прощальный подарок...

33. Тамин

Я чувствовал, ощущал каждой клеточкой кожи, каждой порой, что Мила сдалась, пошла навстречу и ответила мне взаимностью.

Еще никогда я не терял голову настолько, чтобы раствориться в своей страсти, пожирать каждый стон своей женщины и требовать как ненормальный еще!

И понимать, что мало, мне катастрофически мало всего того, что дает мне Мила, что хочется влезть ей не просто под юбку, а под кожу, распространиться по венам, забраться в голову и оттуда пустить щупальца, оплести ее всю собой. Чтобы везде: в мыслях, в сердце, в мечтах был только Я!

Это одновременно и пугало, и опьяняло. Чистейшее безумие, способное лишить разума, но при этом дать такой мощный по силе выброса экстаз, такой кайф, о каком не мечтало ни одно подсевшее на дурманящие вещества зависимое существо.

Ее губы, ее стоны, ее тело под моими руками, такое желанное и податливое, так откровенно дышащее тем же безумием, что и я.

Только в этот раз я не хотел спешить. Хотел насладиться нашей общей агонией предвкушения, потому как знал, что в этот раз моя девочка будет испытывать только наслаждение.

Никакой боли. Никакого страха. Только кайф.

И я хотел сполна напоить ее этим чувственным коктейлем. Завести. Поднять на вершину блаженства и только тогда взять по полной, потому как боялся, что снова сорвусь на бешеный темп.

Но это после. А до этого я покажу ей все грани удовольствия. Насколько они могут быть сладкими и острыми одновременно, как можно умирать от переполняющего тебя желания и в то же время умолять не прекращать эту пытку.

Я покрывал поцелуями шею моей девочки, непослушными пальцами пытаюсь справиться с мелкими пуговичками на спинке платья. Черт бы побрал эту одежду прислуги, особенно в такой момент!

Мила же отчаянно цеплялась за мои плечи, выдыхая чувственные стоны прямо мне в ухо, покусывала мочку и сама того не понимая, еще больше заставляла звереть от накатывающего желания.

Я не выдержал, когда очередная застежка не поддалась и рванул ткань по швам, снимая эту проклятую шмотку, разделяющую нас с Милой, чтобы тут же припасть к горошинам ее груди.

Подхватил на руки девушку, в два шага оказавшись у кровати, и аккуратно уложил на темные простыни.

Я стоял, возвышаясь над ней, взглядом блуждая по нежной, персикового цвета коже, любуясь ее наготой и дурея от понимания того, что теперь она вся моя.

Красивая и такая желанная.

Скинул с себя рубашку, брюки, освободился от ставших невероятно тесными плавок и медленно наклоняясь над ней, завис на локтях, поймав ее взгляд. Блуждающий, затянувшийся пеленой желания, и громче всех слов кричащий о том, как она жаждет того же, что и я.

Это ли не откровенное доказательство того, как идеально мы подходим друг другу?

Лизнул сосок часто вздымающейся груди и легонько подул на него, с удовольствием наблюдая, как побежали первые мурашки по коже, как выгнуло Милу вперед, требуя более откровенной ласки еще и еще.

Обхватил губами, чувствительно ударяя языком по горошинке груди, перекатывая между зубами и мягко прикусывая.

Дааа! Давай, моя хорошая!

Мила, не выдержала. Зарылась руками в мои волосы, прижимая к себе, бессвязно что-то шепча, умоляя и извиваясь на прохладных простынях.

И это только начало. Мы только-только преодолели черту старта. То ли еще будет, сладкая!

Скользнул рукой между ее ножек туда, где все, казалось, уже было готово, пропитав ткань трусиков насквозь.

Отодвинул край ткани, проникая пальцем внутрь.

— Какая ты горячая, Милааа, — отрываясь на мгновение от ее груди, прохрипел, дыша через раз.

Один только всевышний знал чего мне стоило сдерживать себя. Не броситься, подобно дикому оголодавшему зверю на свою самку, а продолжать с мазохистским удовольствием оттягивать момент проникновения, при этом все больше приближая Армилу к пику эйфории.

Прокладывая дорожку поцелуями, спустился до ее живота, обвел языком впадинку пупка и отправился ниже, удобней располагаясь между ее коленей. Мила инстинктивно дернулась, пытаясь свести ноги вместе и замерла, услышав мое:

— Чш-ш-ш...

Захватил зубами кромку трусиков, потянув вниз. Раздражает все лишнее. Все, что так или иначе ограничивает мне доступ к ее телу.

Распахнул пошире ее ножки, откровенно любясь какая она нежная и красивая даже там.

В паху тянуло, болезненно пульсировало, требуя скорейшей разрядки. Яйца скручивало от дичайшего накала и я откровенно стал опасаться, что кончу раньше, чем дойду до главного.

Но и остановиться уже не мог.

Пальцем медленно провел по ее лепесткам, размазывая блестящую смазку.

Мила задрожала, подаваясь бедрами вверх.

Поймал, слегка придавливая к кровати, наклонился и лизнул ее, языком обводя контуры нижних губ.

Ее запах как самый мощный афродизиак ворвался в нос, дурманя и заставляя действовать на чистых инстинктах.

И я почувствовал, что дорвался до самого сокровенного в моей девочке, где до меня не касался ни один мужчина.

Толкнулся языком в горячую дырочку.

Ее вкус! Проклятье! Он заиграл самыми яркими нотами, ударил в голову и сорвал все мои тормоза.

Припал к ней, едва не зарывав от мощной волны нахлынувшего возбуждения, граничащей с безумием, чувствуя как сокращаются стеночки лона, как вздрагивает под моими руками и как мечется от острейшего удовольствия, хрипя и прижимая сильнее мою голову к себе.

— Давай, моя девочка, кончи для меня. Кричи! — почувствовал, что она близка к финалу.

Вошел в нее пальцем, безошибочно найдя плотный бугорок внутри, надавливая и одновременно лаская клитор и Мила не выдержала. Взорвалась, взметнувшись бедрами. Закричала, комкая простынь и блестящая смазка потекла по моей руке.

34. Армила

Если и есть рай на земле, если это действительно не сказки, то я точно попала по адресу. Вернее, мне открыли в него ворота. Руки, губы, язык Тамина.

Ооо, последний вообще творил со мной такое, от чего я взлетала в небеса, временно теряя связь с реальностью.

Я знала примерно что происходит между мужчиной и женщиной при близости, я однажды уже участвовала в этом действии, но тогда я не испытывала и половину того, что происходило сейчас. Я словно вся превратилась в железную массу, и каждое прикосновение миаро волнами удовольствия расходились по телу.

Иногда мне казалось, что я больше не выдержу, разлечусь на молекулы, растворюсь в пространстве. Он вытворял со мной такие вещи, касался самых запретных мест, безошибочно находя чувствительные точки, доводя до безумно-острейших граней запредельного наслаждения.

Дразнил, подводил к черте, заставлял плавиться в его руках и все сильнее ощущать как растет внутри меня, подобно снежному кому, болезненно-сладкое неудовлетворение. Нарастает, множится и требует развязки. Сметая любой стыд.

Откровенно заставляя умолять Тамина не останавливаться, творить со мной все самые развратно-безумные действия, но только не прекращать!

Я умирала несколько раз в его руках, воспаряя к небесам, теряя ощущение реальности, но уже через небольшое время возвращалась на землю со жгучим желанием повторить. И каждый раз удовольствие огненной лавой растекалось по кровеносной системе, доставая до всех потайных уголков.

И, если раньше я боялась момента проникновения, боялась той боли, что сопровождала меня весь прошлый раз, то теперь молила об ощущении наполненности себя им.

Хрипло, закусывая губы до солоноватого вкуса крови во рту:

— Пожалуйста!

— Что? Что пожалуйста? Скажи мне? — прошептал мне в ухо,

потираясь каменной плотью о мою изнывающую промежность.

— Возьми меня. Войди! Тебя хочу всего!

И всхлипнуть, задрожать, ощутив резкий толчок внутрь меня. Как горячая волна окатила с ног до головы, как вся моя сущность сжимается вокруг него, такого долгожданного, такого желанного, такого большого и распирающего меня изнутри, впитывает эти соприкосновения самых сокровенных частей тела и жаждет его господства надо мной и внутри меня.

И он дал мне это! Задвигался, заполняя пустоту. С каждым разом словно продвигаясь все глубже, увеличивая амплитуду, входя до упора и тараня так, будто наказывал за что-то.

— Смотри на меня! — приказал и я распахнула глаза, потонув сразу же в плавящейся ртути, что воронкой затянула меня.

Венка на виске вздулась, на лбу выступили капли пота. Взгляд нечеловеческий. В нем смешались все оттенки серого, какие только можно встретить в нашем мире. Навис надо мной такой красивый и опасный одновременно.

Мой!

Пусть всего лишь в эти мгновения, пусть в последний раз, но я вижу как он теряет человеческий облик, как хрипло стонет, двигаясь глубоко во мне и вбивается до черных точек перед глазами, и именно Я причина его одержимости!

Все именно так, как должно быть, все слишком правильно. Он и я. Кого не должно было быть, но Мы есть, и мы вместе. Сейчас, в это мгновение. Ощущение безупречности происходящего. Настолько, что пугает. И завораживает.

Замер на секунду, тяжело дыша. Прикрыл веки, пытаясь выровнять дыхание, прислонившись лбом к моему лбу, а я чувствую как его разрывает изнутри бешеное желание, как едва сдерживается, стиснув зубы и у меня у самой начинает срывать крышу от нетерпения.

Подмахнула бедрами, заерзав под ним. Еще и еще, несмотря на то, что пытается придавить меня весом своего тела.

Закинула ноги ему на поясницу, подавшись вверх и ощутила как под этим углом он болезненно вошел глубже. Боль прострелила вбок и взорвалась яркими пятнами перед глазами, заставив всхлипнуть, а следом цунами судорожных сокращений по телу вперемешку с каким-то неправильным, но таким убийственно-приторным удовольствием.

— Давай! — выдохнула ему в губы. — Сейчас.

И он не выдержал. Сорвался, подобно дикому зверю, зарычал, взяв бешеный темп и выбивая из меня пронзительный крик, когда вселенная посыпалась передо мной, уступая место бесконечности. Когда звезды поплыли под прикрытыми веками и тысячи разрядов разом пронзили каждую нервную клетку, выжимая свой максимум.

Я умерла. Расплавилась. Превратилась в прах. Меня больше нет и я везде.

Это непостижимо, но я в раю...

35. Тамин

Бывают моменты, когда хочется послать в преисподнюю весь мир, всех окружающих, все проблемы. Абсолютно все!

Кроме одного единственного человека. Моей девочки. Моего чистого и непорочного лучика солнца в этой никчемной жизни до ее появления.

Я — реалист и прекрасно понимал, что на протяжении последних лет меня окружали корыстные и погрязшие в разврате люди. Я и сам был не лучше.

Одно только наличие сильно развитого дара давало мне почти безграничные возможности и связи, которые я с выгодой использовал, иногда переступая через общепринятые человеческие нормы и всегда выходил сухим из воды.

Да, я был любимчик у судьбы и, наверное, это во многом испортило меня.

Раньше я этого не осознавал. Принимал за норму человеческие пороки, что были не чужды и нам — миаро, смотрел на мир в черно-белых тонах и, признаюсь, в последнее время начинал подуставать от жизни.

Пока в моей размеренной вселенной не появилась она — невинная преступница с глазами цвета весеннего неба. Пока не раздавила в крошку все мои убеждения, всю мою выдержку и не вытряхнула всю пыль с обратной стороны моего характера, которая, оказывается, у меня все же имелась, показав совсем иные ценности, дав на мгновение прикоснуться к Ее хрупкому миру и открыла целую гамму оттенков новых для меня чувств и эмоций, заставив взглянуть на жизнь под другим углом.

Я бы очень хотел провести хотя бы парочку дней не вылезая с ней из спальни, забывшись в ее объятиях и слушая сладкие стоны удовольствия, но, увы, свалившиеся внезапно на мою голову проблемы требовали немедленного решения и мне, хоть и с большим трудом, но пришлось вынырнуть из параллельной сказочной реальности и окунуться в настоящую.

Нужно было связаться с Рэем, выловить Алекса и обсудить

последние новости.

Лаура сгруппировала, выложив все карты разом, наивно полагая, что загнала меня в угол.

И мне даже стало интересно как долго она сможет продержаться? Может, не стоит так резко обрубить ее, а поиграть немного?

По дороге заехал к одному своему постоянному клиенту

Старку. Его агенство по стерилизации акхе славилось безупречной репутацией. И я, наверное, стану первым кто будет просить его об одолжении, способном бросить тень на его имя.

Я действительно не соврал Армиле, когда говорил о том, что готов пойти ей навстречу и не лишать ее в будущем возможности стать матерью.

Я рисковал. Seriously. Деньги, конечно, во все времена открывали любые двери и решали самые неразрешимые проблемы, но здесь дело было в другом.

Я не был уверен, что Мила — временное увлечение. Слишком сильно я ее хотел, слишком безумно меня тянуло к ней. Это не была обычная симпатия. Даже не влюбленность.

Любовь? К чертям! Я не верю в подобные глупости.

Розовые сопли для наивных девчонок, навязанные дешевыми бульварными романами.

Странная тяга, одержимость.

У меня в постели побывало немало женщин. Я не запоминал их имен, лиц, семейного положения. Для меня они остались в памяти серой массой.

Тут не хвастаться — краснеть надо, если поднять реальную цифру, но не к одной из них меня не магнитило настолько, чтобы я готов был совершать глупости и подвиги ради нее.

А ради Милы — готов.

Что это, если не безумие?

На ум приходили байки о том, что иногда миаро встречали свою вторую половину.

Ту, что могла чувствовать его как себя, могла делиться даром и вместе они создавали настолько сильный союз, что могли равняться десяткам одаренных миаро.

Такая пара становилась единым целым. Они не могли друг без друга. Об их верности слагали легенды. И при смерти одного, второй

уходил следом.

Лебединая верность.

Только не видел я ни одной такой пары, и никто из моих друзей не сталкивался с такими. Возможно, когда-то такое могло быть, но со временем наша раса стала терять силу, у многих дети рождались с запечатанным даром и на протяжении всей жизни у них так и не получалось раскрыть его.

А высокородных мы почти не чувствуем. Кто знает, может, где-то как раз среди них и живет моя избранная?

Но Армила — человек. Она не подходит уже по этому параметру.

Тогда что со мной происходит? Почему я теряю голову рядом с ней? Пройдет ли эта зависимость когда-нибудь или я обманываю сейчас и себя, и ее, пытаюсь договориться о липовом штампе на договоре акхе и никогда не смогу ее отпустить?

Пальцы хрустнули от напряжения, стоило лишь допустить мысль о ее свободе.

Мой внутренний монстр скалился только при одном упоминании о том, чтобы отпустить ее от себя.

Никогда! Приковать к себе самыми крепкими цепями, уговорить, влюбить, запугать, если потребуется.

— Ивин Старк отсутствует. На выезде, — поправила круглые очки на переносице серая мышь в приемной агенства. — Вас записать?

— Н-нет. Передайте ему... Хотя, пожалуй, ничего.

Мне нужно увидеть его лично. О таких вещах не договариваются через секретаря.

— Вы можете оставить ему записку.

— Скажите, а сегодня вечером у него есть заказы?

Мышь опустила носик вниз, зашелестев бумагами.

— После шести вечера — свободно, — прогундосила, не поднимая глаз.

— Тогда на к семи мне нужна предварительная консультация с выездом на дом. Тамин Шантарэ.

Округлившись глаза девчонки сквозь толстые линзы очков вызвали снисходительную улыбку. Видимо, новенькая.

— Диктуйте адрес, — справившись с волнением, пробубнила мышь, снова утыкаясь в бумаги.

С одним делом частично разобрался. Оставалось решить участь

Лауры.

Начальника охраны, вопреки моим опасениям, удалось легко выловить, а вот Рэй отсутствовал на месте.

Оформление пособия на родственников погибших на рудниках оказалось хлопотным делом, но, на наше счастье, банки пошли навстречу.

Пока ждали Рэя, я в общих чертах обрисовал ситуацию Алексу.

Подоспевший к обсуждению Рэй, удивленно повел бровью:

— Да ну? Тебя обвела вокруг пальца баба? — хохотнул, разваливаясь на гостевом диване. — Вымотался за сегодня. Так что собираешься с ней делать?

— А есть варианты? Кроме как прижать суку?

— Я бы не советовал так торопиться, — нахмурился Алекс, — официально у нас на нее ничего нет. Запереть ее в наших камерах мы тоже права не имеем, сами понимаете. Она не из простых смертных.

— Да и контракты у нас с их семьей, — вставил Рэй, — она ведь из рода Гвейн?

— Мы с ними ведем дела?

Черт, почему я раньше не интересовался этим? Вот они — проблемы случайных связей.

— Сеть торговых ювелирных домов. Ты реально не знал с кем спишь?

— Перекупщики? — поморщился, пытаясь вспомнить хоть где-нибудь в контрактах фамилию Гвейн.

— Согласен, мы больше работаем с мастерскими, но в последний год их семья заметно поднялась и начала выкупать мастерские. С двумя точно пришлось переоформлять контракты.

— Они определенно хотят слияния с вашей империей. Видимо, именно на это и был расчет, — подался вперед Алекс, подпирающий до того плечом косяк двери.

— Да мне плевать чего они хотят! — психанул, ломая в руках карандаш.

— Не стоит так пороть горячку. Я понимаю, что так дела не делаются, но... именно сейчас ей надо подыграть. Наверняка она не одна затеяла все это и кто-то стоит за ее спиной. Вряд ли она не подстраховалась.

— Вот-вот, Тамин. Согласен с Алексом. Обуздай себя на время.

Сделай вид, что согласен с ее требованиями. Чего тебе стоит пошпиговать ее еще немного? Баба она красивая, с этим проблем нет.

— Может еще жениться и детей наштамповать? — взбесился, чувствуя как терпения во мне остается все меньше.

Рэй примирительно поднял руки вверх.

— Пока мы не найдем доказательства и сами кристаллы, эта дама будет продолжать топить вас и вашу компанию в дерьме. Ну, допустим, журналистам мы закроем рты,

— задумчиво протянул Алекс, рассматривая потолок.

— А завтра ее псы на черном рынке выкинут редкие самородки. Вы представляете скандал, когда такие же камни, что украшают корону монарха, будет носить торговка с рынка? — закипел Рэй. — Да нашу репутацию заруют глубоко и надолго!

В помещении повисла пауза. Невысказанные претензии зазвенели в воздухе разлившимся раздражением.

Да, ситуация накалялась и я понимал, что моей вины в случившемся было предостаточно.

Лаура с самого начала метила гораздо выше, и звание любовницы ее не устраивало откровенно. Она довольно часто в последнее время кидала прозрачные намеки пока, наконец, не выдержала. Решила пойти напролом.

— Хорошо, допустим я подыграю ей, — заскрипел зубами.

— У нас появится время. Теперь мы точно знаем кто заказчик, останется доказать ее причастность. За ней будет установлена слежка, — загорелся предвкушением Алекс.

— Ты думаешь она настолько дура?

— Умная не стала бы связываться с криминалом. У нас вообще нет гарантий того, что она знает где кристаллы. Разбойники могли и не отдать, узнай их ценность, — мрачно выдал насупившийся Рэй, — и она просто играет на время. Глядишь — сработает!

— Вот поэтому и не стоит спешить. Дай нам несколько дней, — подтвердил Алекс.

Несколько дней... Как бы мне не было неприятно осознавать, но ребята были правы.

Сам полез в эту петлю, поведясь на смазливую мордочку.

Придется терпеть Лауру рядом еще какое-то время.

— Она ждет меня сегодня вечером.

— Значит, с этого и начнем!

36. Армила

Тамин ушел и забрал с собой сказку, в которой мы оба были счастливы последние часы.

Полное погружение в мир грез, когда теряешь ощущение реальности и перестаешь понимать где кончаются твои эмоции и начинаются его.

Какая-то запредельная магия, которую можно найти только на страницах книг.

Но вот его нет дома, и волшебство рассеивается, оставив за собой лишь остаточный шлейф нашего физического и духовного единения. И снова скребущая тоска в груди, а на плечи давит понимание того, что миаро не отступится, не отпустит, по головам пойдет, но свое не отдаст.

Нужна ему я как сексуальная игрушка, значит, перекроет все пути, заставив подчиниться.

Время вышло, пора спускаться с небес на землю.

Взглянула на часы. До назначенного Лаурой часа икс оставалось совсем немного. Как раз хватит, чтобы принять душ, переодеться и привести себя в порядок.

Душа металась запертая в теле. Как ей, ущербной, донести, что не ждет меня ничего хорошего рядом с таким самовлюбленным эгоистом как Тамин, что он свою жизнь по-любому устроит и проживет счастливо, а я буду о крохах с барского стола мечтать и о судьбе загубленной плакать?

И в груди словно рана кровоточащая образовалась, ныла, скручивала и от боли выть заставляла.

Ощущение не покидает, что я что-то очень важное теряю, как кусок сердца здесь оставляю.

Возможно, так оно и есть. Сейчас не хотелось об этом думать иначе я точно рисковала плюнуть на все и остаться с миаро на его условиях.

Ближе к вечеру на меня напало такое волнение, от которого руки трясутся и бабочки в животе, взбесившись, начинают таранить все подряд.

Сознание разрывало от того, что часть меня отчаянно пыталась уговорить остаться, умоляла, искала всякие доводы. Другая же

твердила, что я буду последней душой, если упущу последний шанс на нормальную свободную жизнь.

И, наконец, я сдалась.

Уже перед тем как выйти на улицу, якобы, подышать свежим воздухом, я услышала голоса из открытого окна. Кто-то приближался к дому. Мужской припечатал к месту:

— Да, ивин Тамин оставлял заявку на консультацию и проведение процедуры стерилизации на дому.

Горло перехватил спазм.

Проклятые слова впились острыми шипами в мозг, сдавили голову обручем и лишили земли под ногами. Я едва устояла, схватившись за подоконник.

А ведь с честными глазами уверял меня о фиктивности этого пункта в договоре, врал, покрывая лживыми поцелуями, раздаривая пустые обещания.

Последний гвоздь в крышку гроба, чтобы сняла, наконец, розовые очки, чтобы взглянула правде в глаза: я для него никто, очередная прихоть, человечиска!

И сегодня, буквально через несколько часов, он планирует превратить меня бесплодное недоразумение для своих утех.

Стиснув зубы так, что челюсть свело и на языке загорчило от подступивших слез, я поняла, что не отступлюсь.

Теперь уже точно!

Оставалось совсем немного времени до побега.

Злость и отчаяние дали новые силы, отодвинув сомнения в дальний угол, все больше убеждая действовать напролом.

Дом, как ни странно, я покинула без проблем. Никто и не обратил внимания, что я вышла в сад.

Возможно, причиной тому стала шикарная погода, манящая благоуханием летнего вечера, когда солнце уже перестало припекать, а вечерняя прохлада не успела окутать землю.

Цветы в клумбах источали божественный аромат. Самое время для прогулок.

Прошла по аккуратным дорожкам, в последний раз любуюсь на окружающее меня буйство красок, на великолепную архитектуру здания, на дизайн ландшафта.

В груди защемило, будто прощаюсь с отчим домом.

Когда только успела привязаться настолько к этому месту, что воспринимала его, как что-то родное, близкое, дорогое сердцу?

Внезапный свист привлек внимание.

Вдалеке, на краю каменного забора сидел мальчишка и жестами что-то показывал.

Я оглянулась, чтобы убедиться, что никто не следит. Но нет, вокруг ни души.

Поспешила туда, куда указывал паренек, в конец сада.

Дорожка петляла, становилась Уже, трава на газоне не такой ухоженной пока, наконец, я не заметила небольшую деревянную дверь в заборе, заросшую плющом. Как запасной вход для прислуги.

Сердце гулко забилося, отдавая набатом в голове, что, казалось, его стало слышно далеко вокруг.

Неужели я смогу?

В горле защекотало от волнения, от предвкушения того, что скоро окажусь на свободе, что сбегу!

Щеколда на редкость легко поддалась и я, еще раз убедившись, что за мной нет хвоста, выскользнула наружу, где меня сразу схватил за запястье мальчишка, поджидавший у двери и потянул за собой.

— Скорее! Скорее! — прошипел он, пока бежали прочь от дома, спотыкаясь об кочки и неровности почвы.

Уже через минут пять, запыхавшиеся и покрасневшие от быстрого бега, мы оказались на берегу широкой реки, где нас ждала у небольшого помоста лодка.

— Залезай! — скомандовал пацан, отвязывая веревку.

— Ты от Луизы? Куда мы сейчас? — выпалила я, немного сомневаясь.

— А? Да! Быстрее! Надо выбраться из поселка. По дороге нас отследят и догонят в два счета.

— А по воде?

— А мы проплывем немного, вылезем на другом берегу, там по лесу тропинкой и выйдем на дорогу. Это самый короткий путь. Там вас уже ждут.

И он заработал веслами, двигаясь по течению реки.

Я кусала губы и хрустела костяшками пальцев, всматриваясь в сторону, откуда мы вышли, ожидая каждую секунду, что выскочит кто-то с криками, угрозами и требованием вернуться.

Мне все еще не верилось, что у меня все получилось.

И какое-то неприятное предчувствие продолжало вгрызаться в грудную клетку.

Проплыли мы и правда совсем немного, всего пару поворотов и вылезли у песчаной отмели, а потом нырнули в чащу леса по одной лишь мальчишке известной тропинке, которая заводила все дальше и дальше в глушь.

37. Тамин

Лаура встретила меня во всеоружии: яркая алая помада, струящийся шелк темных волос по плечам и короткий атласный халатик с кружевом, подпоясанный тонким пояском.

Она ждала меня. Не удивлюсь, если даже позу заранее отрепетировала.

Зашел, открыв дверь своими ключами, швырнул их на тумбочку и прошел в комнату.

Высокородная сидела в кресле, закинув ногу на ногу, так, что полы халата расходились почти до середины бедра, обнажая стройную ножку и демонстрируя, что она без нижнего белья.

— Ты вовремя, любимый! Еще чуть-чуть и я бы заскучала, — томно взмахнув ресницами, отозвалась девушка.

— Ну, как мы уже выяснили сегодня, ты легко находишь себе занятие в таких случаях.

Я уперся в косяк двери плечом, сложив руки на груди. Играть так играть. Несмотря на то, что меня не хило задевал тот факт, что любовница решила будто у нее получится взять меня за яйца и манипулировать, заставляя выполнять ее требования, я все же решил, что не стану отказывать себе в удовольствии и составлю ей партию в нашей игре "кто кого".

— Так это всецело твоя вина, — подалась всем корпусом вперед, — нельзя оставлять женщину одну и надолго без присмотра.

— Солнце, скажи, чего ты хочешь? Вот без всех этих своих женских штучек, вздохов, ужимок. Ты же умная девочка, сама понимаешь на какую опасную дорожку становишься. Зачем оно тебе? Назови свою цену и, возможно, мы договоримся? — предпринял я последнюю попытку достучаться до Лауры.

Ну, а вдруг? И, конечно, потерпел фиаско.

— Ты. Весь. С потрохами. Чтобы официально на бумаге и в жизни, на людях и в постели, — сверкнули алчно глаза собеседницы. — Или я недостаточно хороша для этой роли?

Окинул ее взглядом с головы до ног.

Хороша, даже слишком. Но уже не зажигает.

Оттолкнулся от косяка двери и, не спеша, направился к ней, специально растягивая этот момент и давая ей возможность оценить исходящую от меня угрозу.

Шаг и вспышка паники в ее глазах, которую она отчаянно пытается замаскировать под смущение. Еще шаг и Лаура нервно поджимает под себя ноги, вжимаясь в кресло.

Остановился рядом, положив руки на подлокотники с обеих сторон и склонился к ее лицу.

— Ты чудо как хороша, дорогая. Особенно в момент, когда отсасываешь мне. А вот когда твой рот не занят делом, он начинает болтать много лишнего, ненужного и вредного, причем для тебя же вредного, — прошептал, чувствуя как участилось ее дыхание и полная грудь начала призывно вздыматься под халатом.

Прошелся липким взглядом по ложбинке, вернулся к лицу, размазывая большим пальцем помаду на порочных губах.

А перед глазами всплыла картинка другого лица, без тени косметики. В груди кольнуло и я резко убрал руку, словно обжегся.

Задвинул этот образ подальше в уголок сознания, чтобы не опощлить его другой, вызывающей раздражение женщиной передо мной.

— А сейчас ты плохо справляешься, — выпрямился, отступая от нее, — у меня до сих пор как пришел, так и не встал на тебя.

Злость, ненависть, стыд, растерянность — все смешалось в глазах высокородной. Неожиданно для нее я, вместо того, чтобы униженно просить и умолять, пошел в наступление и так забавно было наблюдать, как она пытается найти подходящие слова.

Взгляд заметался, но, надо отдать должное, она быстро взяла себя в руки.

— Я — лучшая для тебя партия, Тамин. Ты можешь сколько угодно это отрицать и противиться. Поверь, потом еще благодарить станешь. Наши семьи породнятся, бизнес объединится, я уже молчу сколько мужчин твоих же друзей завидовать будут какая у тебя жена-красавица.

— О, да! Как же не похвалить себя любимую? — сел на диван, откинувшись на спинку и широко расставил ноги. — Давай разойдемся по-хорошему, а? Ну же, не усложняй себе жизнь? Я ведь никогда не давал тебе повода думать о том, что между нами может быть что-то серьезное. Откуда в твоей хорошенькой головке зародились такие

глупые и опасные мысли?

Всевышний, разговор глухого со слепым!

— А ты считаешь, что я годна только для того, чтобы ублажать тебя в постели? — вскипела Лаура.

В груди что-то екнуло. Нехорошее предчувствие холодными щупальцами начало сжимать внутри.

— Почему же? Можно на столе, на полу, в саду? Подоконник как вариант? Насколько хватит фантазии!

— Нет! Я долго ждала от тебя серьезных шагов. Да, ты не обещал, но весь формат наших отношений уже наталкивал...

— На мой член! — перебил ее раздраженно. — Какой еще формат? То, что я снял квартиру где можно было свободно трахать тебя, чтобы не водить в свой дом? Это ты называешь отношениями?

На меня вдруг накатила паника, страх, отчаяние. Черт, что происходит? Откуда эти эмоции?

Взглянул на руки, которые начали подрагивать и живот скрутило непонятными спазмами, сгибая меня пополам.

— Это уже не имеет значения, — донесся со стороны ровный голос Лауры, — или ты подписываешь брачный договор, или заплатишь втридорога. Вот!

Перед носом на журнальный столик прилетела папка в коричневой обложке.

Обхватил голову руками, концентрируя потоки силы, что хаотично разгулялись внутри меня. Секунда, две, три...

Дыхание выравнивалось и паника начала отступать.

Высокородная стояла рядом и удивленно смотрела на меня, видимо, тоже не понимая что со мной творится.

— У тебя сутки. Время пошло! — довольная собой, усмехнулась она.

И вот здесь я не выдержал: резкий приступ злости вкупе с новой накатывающей волной тревоги и неконтролируемые потоки силы смешались во взрывоопасную смесь и ударной волной Лауру сбilo с ног, отбросив, на ее счастье, в мягкое кресло.

— Ты... у тебя проблемы с самоконтролем? — взвизгнула бывшая любовница.

Я сам не понимал что происходит со мной, но внутренняя интуиция вопила истощенным голосом о том, что что-то произошло. Или

происходит. Где-то. С кем-то.

Армила! Проклятье, это невозможно, но... Невидимые нити шли к ее образу.

— У тебя еще есть время передумать, — кинул взгляд на жавшуюся к спинке кресла девушку с затравленным взглядом, — или статус жены миаро перекроет такую досадную оплошность? Подумай!

— Я донесу этот вопрос до Высшего Совета!

— Попробуй. И тогда точно можешь похоронить свою мечту.

Рванул к двери, чувствуя, что я уже не успеваю.

— Ты забыл договор, — прилетело вслед.

— Переспи ночь с выводами, которые сделала сегодня. Если твоя уверенность не пошатнется и желание не убавится, то приезжай завтра ко мне в главное здание управления рудниками, — и захлопнул за собой дверь, сбегая по ступеням, чувствуя как колотится сердце в груди, как рвется скорее домой узнать что же произошло.

38. Армила

Узкая тропинка петляла среди деревьев, огибала овраги и снова терялась в лесу.

Ноги в мягких балетках нестерпимо болели от постоянных кочек, сухих веток, трещавших под подошвами и обжигающих зарослей крапивы, которые то и дело вырастали на пути.

Я не знаю как мы еще не сбились с курса, но с той уверенностью, с какой мальчишка-проводник бежал вперед, сомнений не возникало. Он хорошо знал дорогу.

Это чувствовалось и по тому, как он выбирал нужные повороты, и по его скорости, и даже по тому, что он ни разу не остановился, чтобы оглядеться вокруг. Только иногда оборачивался на полкорпуса, чтобы убедиться, что я не отстала.

Но, признаюсь, я уже была на грани этого. Дыхания не хватало, легкие нестерпимо жгло от нехватки кислорода, да и ноги начинали подкашиваться.

Я действительно устала.

Вскочить поутру с петухами, провести целый день на ногах, помогая разносить заказы в таверне родителей и крутиться на кухне до полуночи — это для меня было нормой, а вот забег на длинные дистанции — нет, к такому я оказалась не готова.

— Не могу... больше! — крикнула, остановившись, и согнулась пополам, плавно опускаясь на корточки, задыхаясь от бега.

В глазах плясали черные точки и в боку покалывало от напряжения.

— Тут немного осталось, — остановился мальчишка, — иначе тебя могут хватить. Не успеем!

— Сейчас, — подняла вверх руку, пытаюсь успокоить расшалившийся пульс.

Несколько глубоких вдохов, напоминание самой себе о том, что скоро все закончится и снова бег с препятствиями по лесу.

Но все когда-нибудь заканчивается. Лес расступился, уступая место широкой проселочной дороге и в метрах ста от нас показался фаэтон.

Я впервые видела такую необычную приземистую повозку. Но

смutilo меня другое:

— А где лошади? — выдохнула удивленно после напряженного марафона.

Мы торопились, бежали, не жалея сил, а тут такой сюрприз!

— Какие лошади? Зачем? — уставился на меня парнишка. — Он же на собственной тяге!

Я на него. Это шутка?

— Вперед! — толкнул меня в спину и побежал к фаэтону.

Ближе конструкция выглядела громоздкой, тяжелой и необычной.

Дверь отворилась и мой проводник буквально втолкнул меня вовнутрь, на широкое сидение.

Дверь захлопнулась, фаэтон зарычал и тронувшись, покатился вперед.

Сам!

Я огляделась, обратив внимание, как быстро замелькал пейзаж за окном.

Машина! Настоящая!

Святые небеса, у нас в городке только слышали, что в столице и в больших городах богатые люди и миаро разъезжают не на повозках, запряженными лошадьми, а на настоящей чудо-технике, способной самостоятельно катиться по дороге со скоростью, о которой мы и мечтать не могли!

Некоторые счастливики рассказывали, что им повезло проехаться на такой машине.

А сейчас я оказалась в салоне железного монстра!

Управлял им незнакомый мне мужчина, сидящий на переднем сидении. Молча, уверенно, то прибавляя скорость, то убавляя на поворотах.

— Куда мы едем? — не выдержала я.

— В Лестерию. Не переживайте, домчимся — глазом моргнуть не успеете.

— Кто нас там ждет?

Тревога в груди начала нарастать. Вроде бы все шло по плану, как и договаривались с Лаурой, но что-то грызло, не давало покоя, какое-то неприятное предчувствие неизбежного.

— Я не знаю кто вас там ждет, — пожал плечами мужчина, — мне дали конкретный адрес.

Машина ехала мягко и меня даже немного укачало.

Главное препятствие позади. Скоро я окажусь в столице, затеряюсь в толпе первое время. Благо, в большом городе это сделать намного проще. А потом переберусь в городок поменьше, куда-нибудь к границе, и начну новую жизнь. Как с чистого листа.

Только мысль о родителях добавляла ложку дегтя, пропитывала горечью мои мечты и давила тяжким грузом вины.

Как долго я их не смогу увидеть? Будет ли у меня возможность дать о себе весточку? Как они переживут новости обо мне?

Все эти мысли отвлекали и я сама не заметила насколько быстро пролетело время в дороге и пейзаж за окном начал меняться.

Все чаще стали появляться многоэтажные жилые дома, магазины, какие-то огромные здания.

Лестерия совсем не походила на наш город. Здесь на улицах толпилось огромное множество народа, дороги казались забиты всевозможным транспортом, отовсюду слышался гул машин, ржание лошадей, шум человеческих голосов, воздух пропитался пылью и гарью.

У меня голова закружилась от этого муравейника.

Я никогда не выезжала с отцом в большие города. Не знаю почему, но это было негласным правилом в нашей семье: отец с мальчишками ездил за покупками, мы с мамой — нет.

Мама говорила, что в больших городах слишком много мошенников, поджидающих на каждом углу. А еще, что приличным женщинам небезопасно ездить и гулять по улицам столицы, хотя многие мои подруги с родителями позволяли себе такое развлечение и всегда недоуменно качали головой на подобные доводы.

И теперь, оказавшись в Лестерии, я поняла, что откровенно трушу перед лицом огромного города.

Как я смогу выжить здесь, одна, учитывая, что меня, наверняка будут искать? Уже ищут!

Тамин ведь говорил про того миаро, что изначально посылал за мной людей. Да и сам ивин вряд ли отступится так просто.

Но искать человека в столице все равно, что иголку в стоге сена. Поди попробуй разгляди среди общей толпы!

Машина внезапно затормозила у обочины тротуара, дверь распахнулась и в салон нырнула огромная двухметровая фигура,

мгновенно заняв все свободное пространство.

— Ну, здравствуй, красавица! Вот и свиделись, — хлестнул по нервам знакомый голос и сердце ушло в пятки.

Мерзко скалясь в подобии улыбки, на меня смотрел Леон.

Как ни странно, прошло всего несколько дней с момента нашей встречи и я сама видела как сильно его уделал Тамин, но сейчас на лице Леона ни царапины и обе руки выглядели вполне здоровыми.

Ураган мыслей разом пронесся в голове. Как? Лаура с ним знакома? Он сам вычислил? Что ему нужно?

"Бегиии!" — истошно завопило чувство самосохранения.

Я дернула ручку двери, вываливаясь на улицу со стороны проезжей части.

— Стой, сука! — гроыхнул за спиной ивин, но я уже бросилась бежать, слыша как заржала лошадь, закрипели тормоза у какой-то повозки.

Над ухом раздался громкий предупреждающий сигнал и я шарахнулась в сторону, едва не угодив под колеса огромной машины, что выросла будто из-под земли.

— Куда прешь, дура! — заорал кто-то сбоку, пока я, петляя, перебежала на другую часть улицы.

Затеряться, исчезнуть, раствориться!

В ушах гроыхало, меня трясло от страха, от паники, от внезапно свалившегося на меня шума большого города и я совершенно не поверила, когда услышала такой родной, такой любимый голос мамы:

— Мила! Дочка!

Я брежу, это галлюцинации, плод моего воображения. Мамы просто не может быть в Лестерии!

— Армила!!!

И я все же оглянулась, останавливаясь. Не выдержав.

Мама! Это мама! В десяти метрах от меня, одетая в элегантное длинное платье, похудевшая, с горящими глазами, но это она!

Еще секунду мы смотрели друг на друга, не веря в происходящее.

— Мамочка! — кинулась я к ней, чувствуя как горячие слезы обжигают щеки, как в горле встал ком от горькой радости. — Мамуля!

Этого не может быть, но я стою, прижавшись к самому родному человеку, рыдая в голос, хватаюсь за нее, словно утопающий и чувствую как мама, всплывая вместе со мной, дрожащими руками

гладит меня по волосам, по спине, шепчет что-то, целуя меня в лоб, убирая налипшие прядки и жадно вглядывается мне в лицо.

— Дочка, доченька, живая! Спасибо Всевышнему, уберег! Кровиночка моя родная.

И новые рыдания рвутся из меня от понимания, Что мама пережила, через Что прошла, раз рискнула приехать искать меня в столицу!

— Вот видишь, Алиана, стоило тебе самой приехать сюда, как наша дочь сразу же нашлась! — прозвучал сухой мужской голос рядом. — Я знал, что с твоим участием дело быстро сдвинется с мертвой точки.

Только сейчас я заметила с мамой мужчину. Миаро. Высокий, сухопарый, с сединой в волосах и армейской выправкой. Знакомое лицо, хищный взгляд и холодное презрение ко всему происходящему.

Арон Ноиссо! Родной брат короля и второе лицо в королевстве, главнокомандующий армией страны!

Мама всегда вздрагивала, когда слышала это имя, а отец кривился. Я предполагала, что это могло быть связано с тем, что родители боялись за судьбу сыновей, которых по достижению совершеннолетия должны были забрать в армию и несколько лет обучать военному искусству. В суровых условиях строжайшей дисциплины.

Но что этот мужчина сейчас делал рядом с мамой? Испуганной, с затравленным взглядом?! И почему он назвал меня дочерью?

— Что происходит? — отстранившись и переводя взглядом с миаро на маму и обратно.

— Прости меня, Мила, пожалуйста! Надеюсь, ты сможешь когда-нибудь это сделать. И поймешь, — прошептала она, давась слезами.

— За что простить? Где отец?

Мама закусила губу, опуская глаза. Мокрые дорожки сверкали на неожиданно впалых щеках.

— Познакомь нас, наконец, Алиана! — желчно усмехнулся мужчина, с каким-то садистским наслаждением наблюдая за развернувшимся действием.

Проходящие мимо люди оглядывались, а нас постепенно окружили несколько высокородных в форме блюстителей порядка. Они отдали честь Арону и тихо встали рядом, преграждая путь к отступлению.

— Мила, это твой... родной... твой настоящий отец, — выдавила,

наконец, мама.

— Что? Вы сейчас это серьезно? Какой настоящий? Какой родной? А как же папа?

Происходящее не могло быть правдой. Это фарс. Чья-то злая шутка. Может, меня сбила лошадь и я сейчас лежу без сознания? Поэтому и чудится невесть что...

Легкие сдавило настолько, что от нехватки кислорода закружилась голова. Покачнулась, почувствовав как кто-то сзади заботливо поддержал.

— Арон, пожалуйста, не губи ее! Она ребенок, она не виновата! Я заплачу по всей строгости за все! — мама вдруг вцепилась в лацканы пиджака миаро, безумным взглядом заглядывая ему в глаза.

Мгновение. Зрачки миаро вдруг вспыхивают серебром, плаваются, но тут же гаснут, превращаясь в обычные серые.

— Ты сама подписала ей приговор, когда решила дать ей жизнь. Ты прекрасно осознавала все последствия, а сейчас просишь пощадить?

От презрения, сквозящем в его голосе, от ледяного тона, мне показалось, что в жилах начала стечь кровь. И до меня все еще не доходит что мама такого сделала, чем она заслужила подобное уничижительное отношение к себе?

— Но и ты виноват! Ты знаешь это! Умоляю, прошу, заклинаю, Арон, не губи девочку!

Глаза в глаза. Ледяная глыба и мама, бьющаяся в истерике.

— Ее судьба была решена в день ее рождения. И твои слезы здесь не помогут, — последовал сухой ответ.

— Ты не можешь! Права не имеешь!

— Я не имею? — задышал сквозь стиснутые зубы военный.

Дорогой костюм, телохранители, в которых миаро особо и не нуждался, шикарный кабриолет у обочины дороги и начищенные до блеска туфли. От него фонило властью, уверенностью и презрением к происходящему.

Страшный человек. Не в плане внешности, тут как раз несмотря на годы он выглядел идеально, а именно на энергетическом уровне.

Я слышала как в нем плещется ярость, как пытается найти брешь в самообладании и выплеснуться на окружающих и в то же время понимала, что пронять такого как он практически нереально. Он не покажет своей слабости никому, сохраняя невозмутимую маску

спокойствия на лице.

А еще я ощутила некую связь с ним. Особенно когда он обернулся и окатил меня ненавистным взглядом.

Словно где-то под сердцем заполнилась теплом некая пустота и это вызвало во мне резкий диссонанс. Какая-то часть души затрепетала, обрадовалась, потянулась к миаро, вопреки моему внутреннему сопротивлению, как чахнувшее растение к каплям живительного дождя, а на нее вместо необходимой влаги обрушился ледяной град, ломая и калеча первые же ростки надежды.

Время будто замедлило бег, пока мы схлестнулись с ним взглядом. Уши заложило и окружающие звуки зазвучали фоном, все больше отдаляясь.

В глазах Арона я прочла свой приговор.

— Добегалась! — ворвался грубый окрик извне и акустический кокон взорвался, ударив по барабанным перепонкам.

Рядом с нами стоял Леон.

Конец первой части.

notes

Примечания

1

Миаро — высшая раса, внешне ничем не отличающаяся от людей, но обладающая сверхспособностями.

Высокородные — те же миаро, но со слабым даром или же без оного.

Акхе — любовница, содержанка, сексуальная рабыня, купленная на пожизненное служение своему хозяину, без права голоса, но на полном материальном обеспечении.